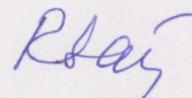

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

На правах рукописи

Саряева Райма Григорьевна

**ЛОКАЛЬНЫЕ НЕМЕЦКИЕ ГРУППЫ В КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ:
ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук Бакаева Э. П.

Элиста, 2025

Оглавление

Введение	3
Глава I. Историография и источники	18
1.1. Изучение истории немцев России	18
1.2. Немцы Калмыцкой степи в научной литературе	37
1.3. Обзор источников	47
Глава II. Немцы-гернгутеры в Калмыцкой степи в XVIII – конце XIX в.	55
2.1. Переселение немцев в Российскую империю: краткий очерк	55
2.2. Появление членов религиозного братства на юге Российской империи: причины и последствия	64
2.3. Сарепта: статистические и иные сведения о колонии	89
2.4. Немцы Сарепты: социодемографическая характеристика	99
2.5. Взаимоотношения калмыков и миссионеров колонии Сарепта	114
Глава III. Немецкая локальная группа в Большедербетовском улусе Калмыцкой степи	123
3.1. Предпосылки к появлению немцев на территории калмыцких кочевий Большедербетовского улуса	123
3.2. Образование сел Немецко-Хагинского и Эстонско-Хагинского	134
3.3. Хозяйственное и социальное развитие	143
3.4. Демографическая характеристика	164
Заключение	184
Источники	191
Полевой материал автора	199
Литература	199

Введение

Актуальность темы исследования. Россия исторически сложилась как полиэтничное государство со множеством культур, становление и развитие которого проходило на основе сотрудничества и взаимодействия проживающих в нем этносов, и, как любое государство, она стремится в своей национальной политике создавать условия для их развития и сохранения их этнокультурного многообразия. Национальные проблемы и национальный вопрос всегда имели и имеют актуальное значение, и задача государства в многонациональном сообществе — гармонизировать отношения между этносами, сделать их добрососедскими, что является залогом целостности самого государства и его дальнейшего успешного развития. Для выработки продуктивной национальной политики, эффективных способов решения национальных проблем, с анализом их причин, необходимо обращение к историко-культурному опыту государства, тем более для страны значение полиэтничности и действенной национальной политики многократно возросло после распада СССР. Не только в науке, но и в самом обществе востребована необходимость исследования и сохранения национального историко-культурного опыта, являющегося частью исторического прошлого страны. Поэтому изучение межнациональных отношений и истории национальной политики государства по-прежнему остается актуальным.

Российские немцы имеют общую историю со всем народом России, являются составной его частью. По всероссийской переписи 1897 г. немцы в России составляли 6-й по численности этнос империи [ПВПН 1897]¹, являясь одним из многочисленных этнических меньшинств. В Калмыкии немцы так же представляли собой значительное национальное меньшинство, по своей численности они входили, согласно первым всероссийской и всесоюзным

¹ Подсчеты произведены по: [Общий свод 1897: XII]. Однако, по подсчетам В. М. Кабузана, немцы именно в этот период (на конец XIX – начало XX в.) являлись 9-й по численности народностью [Кабузан 1989: 29], а энциклопедия «Немцы России» относит немцев в конце XIX в. — к восьмой по численности народности [Немцы России 1999: 10].

довоенным переписям, в первую тройку или пятерку из более чем двух–четырёх десятков этнических групп, расселявшихся на территории современной республики в период с конца XIX в. до начала 1940-х гг. [ПВПН 1897]. Перед депортацией немцев из Калмыцкой АССР в августе 1941 г., согласно учетным данным НКВД Калмыцкой АССР, их численность составляла 5 965 чел. [А ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 211–212]. Согласно переписи 1989 г., в Калмыкии проживало 5 586 немцев, всего в СССР — 2 038 603. По переписи 2002 г. в республике уже осталось 1 643 немца, всего в России — 597 212. В 2010 г. немцев в Калмыкии насчитывалось 1 071, в 2021 г. — 543 чел. Если по первым трем советским переписям населения (1926, 1937 и 1939 гг.) немцы в Калмыкии входили в первую тройку или четверку народов из более чем двух-четырёх десятков этнических общностей, то в 2021 г. они заняли 14-ю строчку среди 32 указанных в переписи населения республики народов [Национальный состав 2021].

Российских немцев, рассматривая их историю до 1941 г., группируют, согласно [История немцев 2005], по разным признакам, выделяя немецко-колонистов, мещан и дворян. По месту проживания (территориально) их подразделяют на 6 групп: немцы Прибалтики, немцы Поволжья, немцы Москвы и Санкт-Петербурга, немцы Новороссии (Украины), немцы Закавказья и немцы Волыни. Немецкие поселения Северного Кавказа, Дона, Сибири, Оренбуржья, Казахстана и Средней Азии стали создаваться позже, в конце XIX в. как дочерние колонии шести больших региональных немецких групп, и до 1917 г. они не успели образовать единые общности, заимствуя культуру и традиции в материнских колониях [История немцев 2005: 7–12]. Наше исследование рассматривает историю немцев, поселившихся на севере калмыцких кочевий (гернгутеры Поволжья из колонии Сарепта), и немцев, сначала прибывших в Черниговскую и Бессарабскую губернии и позже основавших дочерние колонии на западе Калмыцкой степи. Западные поселения немцев некоторое время относились к Медвеженскому уезду

Ставропольской губернии, поэтому их можно было бы отнести к Северному Кавказу, хотя эти два немецких поселения в Калмыкии (Нем-Хагинское и Эсто-Хагинское, современные названия которых — село Ульяновское и село Яшалта Республики Калмыкия) уникальны, и трудно их отнести территориально куда-либо, согласно имеющимся классификациям [История немцев 2005: 7–12].

В истории России представители немецкого народа сыграли значительную роль, внося существенный вклад в развитие страны, ее экономики, науки, культуры. Многие выдающиеся русские ученые, политики, предприниматели, деятели культуры имели немецкие корни. Но сталинские репрессии против российских немцев в 1940-е гг. поставили под запрет не только их историю, но и существование самого этноса. Тема истории немцев, как и других «наказанных» народов, замалчивалась почти полвека, что привело к негативным последствиям: фальсификации их истории, искажению общественного сознания, ущемлению национального самосознания самих репрессированных народов. К тому же немецкая автономия не была восстановлена, как это было у других репрессированных в 1940-е гг. народов. Являясь составной частью населения России и одним из многочисленных ее этносов, немцы одновременно представляли один из крупных и влиятельных народов Европы, что неоднократно ставило их в положение заложников российско-германских отношений. Названные факторы и особенности истории российских немцев создают трудности в изучении и осмыслении их прошлого. Поэтому и несмотря на это, особую актуальность приобретает исследование немецкого населения на региональном уровне, особенно в условиях его иноэтничного, иноконфессионального и инокультурного проживания, в частности, в Калмыцкой степи.

Немцы из других губерний Российской империи предприняли вторичное переселение, поселившись на территории калмыцких кочевий Большедербетовского улуса (западная сторона современной Калмыкии) во

второй половине XIX в. На вторичную миграцию немцев подвигла малоземельность в Черниговской, Бессарабской и других губерниях, откуда прибыли немцы, приобретя новую родину в Калмыкии. Другая группа немцев поселилась веком ранее в северных пределах кочевий волжских калмыков. Это была иммиграция из Гернгута (Саксония, Германия). В отличие от немцев — вторичных мигрантов, создавших в поисках плодородных пашен земледельческие колонии на территории калмыцких кочевий, гернгутеры, являясь религиозным братством, основали совершенно иное поселение — Сарепту — с целью нести слово Божье кочевникам. Поэтому «царицынское» поселение немцев находилось в постоянных связях с хозяйством калмыков астраханских улусов, тем более одним из условий поселения немцев на Нижнюю Волгу был запрет российского правительства склонять русских в веру гернгутеров, но разрешалась миссионерская деятельность среди калмыков, кавказских горцев и среднеазиатских народов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1765 г. до 1941 г. При их определении в качестве ориентиров были избраны фактические события, повлиявшие на историческую судьбу немецких локальных групп в Калмыцкой степи.

Выбор нижней границы обусловлен датой образования поселения Сарепты — первой из двух анализируемых локальных немецких групп, — основанной после выхода манифестов Екатерины II «О позволении иностранцам...» [Манифест 1762: 126–127] и «О дозволении всем иностранцам...» [Манифест 1763: 313–316], с которых началась широкая колонизация в России, в том числе переселение немецкого населения. Вторая локальная немецкая группа на территории калмыцких кочевий была образована в 1870-х гг.; в 1924 г. поселения с немецким населением были включены в состав Большедербетовского улуса Калмыцкой автономной области.

Верхняя граница обусловлена началом Великой Отечественной войны, в первые месяцы которой были предприняты репрессивные меры в

отношении немецкого населения и их депортация в восточные регионы СССР.

Хронологические рамки исследования, таким образом, включают период от основания первой колонии на территории калмыцких кочевий и до выселения немецкого населения в восточные районы страны в 1941 г. Однако при освещении причинно-следственных связей в историческом исследовании бывает необходим экскурс в предыдущие периоды. В нашем исследовании при анализе причин иностранной, в том числе немецкой, колонизации, необходимо было предпринять отступление от указанной хронологии в более ранний период, что обусловлено логикой исследования данной проблемы.

В исследуемый хронологический период в России были созданы материнские колонии иностранных переселенцев, затем в результате вторичной миграции — их дочерние колонии и субдочерние поселения.

Географические рамки исследования очерчиваются границами кочевий калмыков рассматриваемого периода и границами современной Калмыкии. Процессы и события, описываемые в диссертационной работе, охватывают территории Калмыцкой степи. В данной диссертационной работе термином «Калмыцкая степь» обозначаются кочевья калмыков, которые в разные периоды включали различные территории — относившиеся к Калмыцкому ханству, позже к калмыцким улусам Астраханской губернии и Ставропольской губернии.

Территории калмыцких кочевий менялись в зависимости от внешнеполитических и внутривполитических условий. Ко времени прихода на Волгу и подписания шертей 50-х гг. XVII в. границы кочевий простирались с юга на север от предгорий Северного Кавказа до Самары и с востока на запад от Яика (Урала) до Дона, в определенные периоды расширяясь в зависимости от ситуации [История Калмыкии 2009, I: 423]. При этом, как отмечает А. В. Цюрюмов, за калмыками долгое время сохранялась и территория к востоку от Урала, и внешние границы Калмыцкого ханства на юго-западе проходили до Крыма, а на юго-востоке — до границ Джунгарии, так как

кочевья калмыков-торгутов находились и в междуречье Яика (Урала) и Эмбы, а калмыков-хошутов — занимали территорию от Эмбы до современного Семипалатинска и Усть-Каменогорска [Цюрюмов 2007: 105].

Территория Калмыцкого ханства историками характеризуется только по отношению к конкретным периодам²; необходимо учитывать, что места кочевий располагались чересполосно с землями, занятыми другим российским населением. К 60-м гг. XVIII в., когда началось переселение иностранных колонистов, кочевья калмыков были значительно урезаны, что было определено рядом причин, среди которых крестьянские миграции, увеличение населения в низовьях Дона, Волги, Урала, строительство Царицынской укрепленной линии, создание Волжского казачества. Если до этого периода весенние и летние кочевья калмыков располагались на левобережье Волги, а зимние кочевья — на правобережье, то в 1760-е гг. правительство ограничило летние кочевья нагорной (правобережной) стороной Волги [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 386. Л. 60об.–61, 82об.–83]. Просьбы о разрешении кочевать по луговой (левобережной) стороне оставались без положительного решения властей. Но и в этот период имели место отдельные случаи откочевки за пределы границ основной территории, так в 1761 г. за Дон откочевали дербетские улусы и нойон Цебек-Дорджи с подданными, хотя дербеты по решению Коллегии иностранных дел 1757 г. должны были перейти с Дона на Волгу [История Калмыкии 2006, I: 406].

Первая из анализируемых в диссертационном исследовании немецких колоний, Сарепта, была создана на территории калмыцких кочевий в 1765 г., калмыцкие улусы в это время были вынуждены кочевать на правобережье Волги, где немецкие переселенцы и основали свою колонию. Кочевья на левобережной стороне, которые ранее принадлежали калмыкам, к этому времени были ими практически утрачены в силу запрета на кочевание там; причинами явились усилившаяся колонизация Нижнего Поволжья,

² «Когда историки говорят о времени существования Калмыцкого ханства, то ни один из них не сможет представить территорию этого ханства в конкретности, с обозначением точных границ» [История Калмыкии 2009, I: 347].

расширение рыбопромышленных угодий, политика государства, поддерживавшего колонизацию.

Территория Калмыцкого ханства была подвергнута пересмотру после ликвидации этого государственного образования рескриптом Екатерины II в 1771 г. из-за откочевки большей части народа, возглавленной наместником Убаши, в Центральную Азию. После этого периода появляется термин «Калмыцкая степь Астраханской губернии», который охватывает калмыцкие улусы, входившие в указанную губернию. А с 1860 г. Большедербетовский улус был передан из Астраханской в Ставропольскую губернию.

После установления советской власти в 1920 г. была образована Калмыцкая автономная область, территория которой была изменена в 1924 г. в связи с передачей в ее юрисдикцию Яшалтинской волости Благодарненского уезда, а также Эсто-Хагинской и Немецко-Хагинской волостей и села Красномихайловское Медвеженского уезда Ставропольской губернии. В последующем территория Калмыцкой АССР претерпела изменения, в том числе в связи с ее ликвидацией в 1943 г. и восстановлением в иных границах автономии в 1957 г.

Таким образом, Калмыцкая степь в разные периоды включала различные территории, со времени позднего этапа Калмыцкого ханства происходило постепенное ее сокращение. В настоящем исследовании географические рамки ограничены конкретной исторической ситуацией рассматриваемого периода.

Объект и предмет исследования. *Объектом исследования* выбрано немецкое население Калмыкии как этническая общность, являвшаяся одним из многочисленных национальных меньшинств как в России, так и в Калмыкии. *Предметом исследования* стала история двух локальных групп немцев: поселений (колоний), основанных на территории или вблизи калмыцких кочевий: в 1765 г. (на севере — Сарепта) и в 1870-х гг. (на западе, в районе Большедербетовского улуса, ныне Яшалтинский район Республики Калмыкия), их социально-экономическая, социокультурная жизнь,

повседневность. Выбор Сарепты, основанной на правом берегу Волги, в качестве одного из объектов исследования, определен тем, что эта колония была наиболее крупной с севера калмыцких кочевий, и колонисты находились в постоянных контактах с калмыцким населением. Кроме того, хотя в 1760-е гг. на левобережье Волги были созданы и другие немецкие поселения, но в этот период власти ограничили калмыцкие кочевья правом берегом.

Степень научной разработанности темы. Изучение этнической истории российских немцев невозможно без исследования общей истории страны. Определенное время историческая наука была лишена возможности объективного подхода к анализу истории репрессированных народов, в том числе и немцев, ввиду недоступности определенной части архивных источников. Тем не менее, история российских немцев, насчитывающая несколько столетий, достаточно неплохо изучена. В историографии немцев России выделяют досоветский (дореволюционный), советский и постсоветский (современный) периоды.

Подробный анализ историографии истории немцев России дан в первой главе настоящего диссертационного исследования. Он показал, что общая история появления немцев-колонистов на территории России в целом хорошо исследована и проанализирована в исторической литературе, однако особенности их развития на различных территориях страны изучены недостаточно глубоко, в том числе в Калмыцкой степи. В немецкой тематике ученых Калмыкии преобладают исследования, освещающие внешние калмыцко-немецкие связи, и очень мало работ по местному немецкому населению. Имеющиеся немногочисленные работы охватывают отдельные хронологические периоды или посвящены отдельным аспектам истории немецкого населения Калмыкии. Изучение истории немецкого населения в калмыцких степях, воссоздание достоверной картины их жизни в иноязычном окружении, обращение к историческому опыту совместного проживания народов может способствовать сохранению и развитию

этнической самобытности многонациональной Калмыкии и всей России. Недостаточная изученность истории калмыцких немцев обусловила выбор темы диссертационного исследования, его цели и задачи.

Цели и задачи исследования. *Основной целью* диссертационного исследования является изучение истории немецкого населения, расселившегося в XVIII в., в последнее десятилетие существования Калмыцкого ханства, на территории калмыцких кочевий близ Царицына (одна группа), и прибывшего в западные кочевья калмыков — Большедербетовский улус — в XIX в. (вторая группа). В работе исследуются причины переселения немецкого населения, их расселение и обустройство в пределах калмыцких кочевий, определяются социально-экономические условия, особенности культуры и повседневной жизни немецкого населения калмыцких степей с конца XVIII в. *Основные задачи* исследования заключаются в следующем:

- охарактеризовать историю формирования сообщества «калмыцких» немцев, выявив процесс возникновения их поселений (колоний) — земледельческих на западе калмыцких кочевий и религиозного братства — на севере кочевий;

- выявить причины и условия переселения немцев на юг России, в частности, в Калмыцкую степь;

- проанализировать проекты царского правительства по приглашению и переселению немцев, а также их причины;

- рассмотреть хозяйственную деятельность немцев и их вклад в развитие региона, проанализировать социальное развитие локальных групп немцев Калмыцкой степи, миссионерскую деятельность гернгутеров, определить факторы, способствовавшие стабильности группы или замедлявшие ее развитие;

- показать взаимоотношения немцев-колонистов с местным населением.

Источниковая база исследования. В диссертационном исследовании к анализу привлечены опубликованные и неопубликованные источники, которые позволили осуществить комплексное исследование и изучить по возможности полно и объективно историю немецких колоний Калмыцкой степи. К исследованию привлечены материалы Российского государственного исторического архива (далее — РГИА), Государственного архива Российской Федерации (далее — ГА РФ), Государственного архива Ставропольского края (далее — ГА СК), Государственного архива Волгоградской области (далее — ГА ВО), Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК), Архива историко-культурного и архитектурного заповедника «Старая Сарепта», а также Архива Информационного центра МВД Республики Калмыкия.

Подробный обзор использованных источников приведен в параграфе 1.3 настоящего диссертационного исследования. Архивные документы, статистические источники, этнографические и статистические труды ученых и чиновников XVIII–XIX вв., в том числе травелоги путешественников указанного периода, позволили провести комплексный анализ заявленной темы и решить поставленные задачи.

Методология исследования. Методология, используемая в данном диссертационном исследовании, основана на общенаучных принципах историзма и системного анализа, в соответствии с которым немецкие колонии в Калмыцкой степи рассматриваются во взаимосвязи с объектами и процессами, происходившими в России в хронологически избранный период, в частности с процессами переселения иностранных подданных. В работе освещаются общероссийские тенденции в переселенческой политике, правовые основания для осуществления миграций в российские малонаселенные регионы, что позволило рассмотреть появление немецких колоний на территории Калмыцкой степи как единый процесс расселения немецких мигрантов в России.

В работе применялись специальные методы исторической науки: историко-генетический и историко-сравнительный, а также описательно-повествовательный метод.

Применение историко-генетического метода позволило исследовать процесс проникновения немецкого населения и его обустройства, развития этнической группы в динамике, начиная от появления первых поселенцев на западе Калмыцкой степи и на ее северной окраине. Историко-сравнительный метод позволил выявить общие черты в социально-экономической жизни немецких колоний и их специфику. Применение описательно-повествовательного метода позволило осветить картину культуры и быта, повседневности немецких колоний в калмыцкой степи, реконструировать процессы миграции немцев и их адаптации в калмыцких степях.

Научная новизна исследования. Современное состояние разработанности темы в исторической науке позволяет поставить и комплексно изучить проблему, дать новую оценку историческим фактам, выявленным предыдущими исследователями, с привлечением широкой базы источников, в том числе опубликованных и не опубликованных архивных материалов. В настоящей работе впервые осуществлена попытка комплексного исследования истории появления немецких локальных групп в Калмыцкой степи, их социальной, экономической и культурной адаптации, выявлены особенности этого процесса. Выявлены причины и условия переселения немцев в Калмыцкую степь и особенности решения территориального вопроса при создании колоний (поселений, локальных групп) в XVIII в. в период существования Калмыцкого ханства и в XIX в. — на окраине калмыцких улусов в Ставропольской губернии. Обобщены сведения по истории немецких локальных групп, обосновавшихся в Калмыцкой степи, на протяжении практически всей истории их существования. Освещены особенности хозяйственной деятельности и показан вклад немецких групп в развитие региона. Проанализированы социальное развитие двух локальных групп немцев и демографические

данные, свидетельствующие о развитии численности земледельческой группы и стабильности численности группы евангелических братьев, миссионерская деятельность которых потерпела неудачу. Показаны взаимоотношения немцев-колонистов с калмыцким населением и их вклад в изучение культуры калмыцкого народа и в целом в востоковедение.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что изучение истории немцев-поселенцев в калмыцких степях расширяет источниковую базу исследований истории немцев России. В научный оборот вводятся источники по истории немцев Калмыкии XVIII – начала XX вв. Исследование показывает, что история региона тесно связана с историей немецкой этнической группы, которая была представлена двумя анклавами: немцами-гернгутерами, активно осуществлявшими контакты с калмыцким населением и внесшими определенный вклад в изучение истории и культуры калмыков, и немцами — вторичными переселенцами из основных групп мигрантов, освоившими западный район Калмыцкой степи. Содержание и выводы работы расширяют концептуальные рамки изучения межэтнических контактов на границе оседлого и кочевого населения и могут быть использованы при создании обобщающих трудов по отечественной истории, в том числе по истории Калмыкии.

Практическая значимость исследования имеется в возможности использовать результаты и выводы данной работы в последующих исследованиях истории Калмыкии, в частности истории немецких поселений в калмыцких улусах и во фронтальной зоне, а также при сравнительном изучении региональной истории немцев России. Основные положения и результаты диссертационной работы могут быть использованы при подготовке лекционных специальных курсов и спецсеминаров, а также при написании учебных пособий для студентов вузов и других учебных заведений.

Положения, выносимые на защиту:

1. На территории Калмыцкой степи в разные периоды были образованы две немецкие общины. Эти немецкие группы, окаймившие с севера и запада кочевья калмыков и непосредственно врезавшиеся в территории калмыцких улусов, имели разное происхождение: в 1765 г. гернгутеры, основавшие колонию Сарепту как материнскую колонию, являлись религиозным братством, а вторичные мигранты, поселившиеся в 1870-х гг. в Большедербетовском улусе, основали дочерние колонии — Нем-Хагинку и Эсто-Хагинку; в начале XX в. вокруг Немецко-Хагинского были образованы 7 новых колоний, которые можно назвать субдочерними.

2. Основанная немецкими переселенцами Сарепта являлась колонией, отличавшейся от других тем, что была основана членами Евангелического братства, основной их миссией являлся прозетилизм: они должны были распространять христианское вероучение среди нехристианских народов, прежде всего калмыков.

3. Поселение немцев-гернгутеров возникло в 1765 г. на земле калмыцких кочевий ниже Царицына по реке Сарпе, относившихся к территории Калмыцкого ханства, что вызвало поначалу конфликты. После откочевки большей части калмыцкого народа в 1771 г. и ликвидации Калмыцкого ханства территории калмыцких улусов были сокращены в начале XIX в., и эти земли были исключены из калмыцких кочевий.

4. Немецкие поселения, созданные на землях калмыков, отмежевывались и передавались в состав других административно-территориальных единиц. Территория Сарепты, созданной в 1765 г., была отмежевана по указу Екатерины II от 2 ноября 1766 г. В 1877 г. при создании поселения Хагинское оно сразу было отнесено после межевания «из земель Калмыцкой степи» к Новогорлыкской волости Ставропольской губернии; в 1924 г. села Эсто-Хагинское и Немецко-Хагинское были переданы в состав Большедербетовского улуса Калмыцкой Автономной области.

5. Поселение немцев-гернгутеров демонстрировало успешность хозяйственно-экономического развития. Устойчивости социальной группы способствовали религиозное единство, общинно-церковный устав, наличие храма и школы — образовательного заведения.

6. В Сарепте имелаась демографическая проблема, связанная с особенностями строго общинно-церковного устава, влиявшего на общественную жизнь членов гернгутского братства.

7. Миссионерская цель основания колонии Сарепты не была достигнута, но она определила изучение гернгутерами языка и культуры калмыков, и представители общины внесли большой вклад в изучение калмыцкой культуры.

8. Причинами миграции немецкого населения в Большедербетовский улус из Бессарабской и Черниговской губерний, имевшей вторичный характер, являлись малоземелье, усугубившееся последствиями реформы 1861 г., после которой ранее арендовавшиеся земли перешли в пользу бывших крепостных; утрата немцами в 1871 г. по указу российского императора статуса колонистов и передача их под общее губернское управление.

9. Немецкая община Большедербетовского улуса отличалась устойчивым хозяйственно-экономическим развитием. Небольшая по численности община имела хорошие демографические перспективы, количество ее членов с начала 1890-х гг. до 1941 г. выросло почти в 5 раз.

10. Немецкое население на территории Калмыцкой степи в сравнении с общей немецкой численностью в России было незначительным. Однако здесь сформировались особые очаги немецкой культуры, которую местные жители сохраняли и впоследствии, немцы Калмыкии были одной из первых по численности групп.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Содержание диссертации соответствует паспорту научной специальности 5.6.1. Отечественная история (группа научных специальностей: 5.6.

Исторические науки) по следующим направлениям исследований: п. 3. Социально-экономическая политика Российского государства и ее реализация на различных этапах его развития, п. 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов, п. 6. История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития; п. 7. История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности, п. 10. Национальная политика Российского государства и ее реализация. История национальных отношений, п. 11. Социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны, п. 12. История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов, п. 13. История взаимоотношений государства и религиозных конфессий. История религий и церкви в России.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования и отдельные положения данной работы отражены в 6 публикациях, в том числе 1 монографии; 3 статьях в научном журнале, входящем в Перечень ведущих рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки России к опубликованию основных положений диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, и индексируемом в международной системе Scopus. По теме исследования автор выступала с докладами на Всероссийской научной конференции «Репрессированные народы: история и современность» (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.) и Международной научной конференции «Великие евразийские миграции» (г. Элиста, 11–14 октября 2016 г.), а также на «круглых столах» и научных семинарах отдела истории, проводившихся в 2022–2024 гг.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Работа содержит таблицы и рисунки (карты), а также часть полевого материала автора.

Глава I. Историография и источники

1.1. Изучение истории немцев России

Парадоксальное наименование целого народа — «российские немцы» или «немцы России» — вобрало в себя и отражает историческую связь между двумя странами, являющимися для немцев родинами. Понятие «российские немцы» — это не только указание на происхождение этнической группы. Л. Клётцель подчеркивает: «Как подтверждают многочисленные исследования, эта географо-этническая формула выражает двойное определение, двойную идентичность данной народности. С одной стороны, российские немцы понимались как граждане Российской империи, с другой — они одновременно чувствовали себя связанными как единое целое в языковом и культурном отношении с немецким народом»³ [Klötzel 1999: 15].

Изучение истории немцев в России начинается с исследования и анализа их миграции из Германии, поскольку переселение и основание колоний продолжалось почти 100 лет. Причем, по мнению Л. Малиновского, процесс переселения из германских земель варьировался в пределах века в зависимости от расширения границ России, от событий в Европе, от изменения во взглядах российских правительств на колонизацию [Малиновский 1996: 30]. Другие исследователи считают, что миграция немцев в Россию проходила в течение нескольких столетий [Герман, Плеве 2002: 6]. То есть отсчет истории, к примеру, поволжских немцев идет с 1764 по 1775 гг., времени их поселения на новой родине, и правительство Екатерины II в самом начале предусмотрело переходный период для основания немецких поселений — льготные 30 лет, в течение которых налоги в сельской местности с них не взимались, то есть для поволжских немцев этот период должен был завершиться в 1794 г., в зависимости от года основания конкретной колонии. Однако при рассмотрении истории

³ Перевод мой. — Р. С.

колонизации в целом подобная схема, по мнению Л. В. Малиновского, не работает: когда колонисты Поволжья прожили уже на новом месте 30 лет, колонисты-меннониты обитали на Украине всего лишь 3–4 года, а многие еще и не думали о переселении в Россию [Малиновский 1996: 30]. Со ссылкой на К. Штумппа Л. В. Малиновский сообщает, что массовая миграция немцев из Вюртемберга в Новороссию проходила в течение 20 лет, этот процесс был растянут, поскольку зависел не только от ситуации внутри России, но и от событий в германских государствах (наполеоновских войн, голода в 1816–1817 гг.) [Малиновский 1996: 30].

В следующих главах подробно рассмотрено появление немцев в Российской империи, в частности на юге страны, рядом с калмыцкими кочевьями: на западе — в соседстве с землями Большедербетовского⁴ улуса (немцы-крестьяне, земледельцы) и на севере — сопредельно землям Малодербетовского⁵ улуса (немцы из религиозной общины гернгутеров). Как же происходило возникновение, становление и развитие немецкой этнической группы в составе России? Как общность российские немцы стали организовываться после манифестов Екатерины II от 4 декабря 1762 г. и от 22 июля 1763 г. [Немцы-колонисты 2004: 10–11, 19–28]. Однако немецкая миграция в Россию имеет давнюю историю, и первые немцы, как отмечают исследователи, а также фундаментальная энциклопедия «Немцы России», появились на Руси еще в IX в. [Вашкау 1994: 5; Герман, Плеве 2002: 4; Schippan, Striegnitz 1992: 8; Немцы России 1999: 10; и др.]. По замечанию Михаэля Шиппана и Сони Штригниц, во времена правления Ивана Грозного IV появились в предместье Москвы иностранные поселения, которые

⁴ Административно-территориальная единица в Астраханской и Ставропольской губерниях, Калмыцкой автономной области, Калмыцкой АССР, существовавшая до 1930 г. Новый улус основан в результате раздела Дербетовского улуса на две части в 1788 г.

Улус — многозначный термин. Словарь под ред. Д. Н. Ушакова поясняет третье значение: 3.

Административно-территориальная единица в Якутии и Калмыкии с правами района (неол.) [Ушаков 1939].

⁵ Административно-территориальная единица в Российской империи и РСФСР в составе Астраханской губернии (с 1788 по 1920 г.) и в составе Калмыцкой автономной области (с 1920 по 1930 г.). Улусная ставка — с. Малые Дербеты, с 1920 г. — с. Тундутово.

обозначались как «немецкие слободы», а словом «немец»⁶ «русские в то время называли большинство выходцев из Западной Европы... Тем не менее в этих поселениях — слободах — доминировал немецкий язык» [Schippan, Striegnitz 1992: 8].

Публикации об истории российских немцев раннего периода выходили в досоветский период [Клаус 1869; Нейдгардт 1838; Нейдгардт 1862; Велицын 1893; Минх 1901; Зиннер 1925; и др.]. Об этом можно судить по 66-страничной брошюре Ф. П. Шиллера⁷ «Literatur zur Geschichte und Volkskunde der deutschen Kolonien in der Sowjetunion für die Jahre 1764–1926» («Литература по истории и этнографии немецких колоний Советского Союза за 1764–1926 гг.») [Schiller 1927], изданной в 1927 г. на немецком языке в г. Покровске⁸.

Работа Ф. П. Шиллера считается первой попыткой составления библиографии по истории российских немцев. В ней содержится около 1 тысячи трудов на русском и немецком языках, изданных до 1927 г. Большая часть указанных в перечне Ф. П. Шиллера трудов, опубликованных в Германии (на немецком языке, с использованием готического шрифта) была недоступна в советское время. В этих и других работах, изданных в России, подробно говорилось о переселении немцев из Европы в Россию и о его причинах, давались сведения о колонистах, их взаимоотношениях с соседями на новых местах поселения и многое другое [Клаус 1869: VI, 2–18; Нейдгардт 1838; Нейдгардт 1862; Велицын 1893; Минх 1901; Зиннер 1925: 1–3; и др.].

Со времени Ивана III в Россию приглашали иностранных ученых, художников и т. п., с целью познакомить «наших предков с европейской цивилизацией» [Благовещенский 1850: 4]. Так называемые «Cultur-Colonien» встречались до до времени Петра I, а во время царствования Алексея

⁶ Общее для всех славянских языков обозначение представителя германских народов. Первоначальное значение — «немой», человек, говорящий неясно, непонятно; иностранец [Фасмер 1971: 62].

⁷ Франц Петрович Шиллер (1898–1955) — литературовед, автор трудов по западноевропейской литературе.

⁸ Покровск — административный центр АССР немцев Поволжья с 1922 г., в 1931 г. переименован в г. Энгельс (Саратовская обл.).

Михайловича «из-за шведского рубежа» появились карелы [Благовещенский 1850: 4–5].

И тем не менее еще до времен Петра I иностранцам был открыт путь к водворению в России, где правительство... не чуждалось иноземцев, приносивших ей «или промышленное досужество, или искусство ратное, или плоды образованности, наук и художеств» [Историческое обозрение 1837: 427]. В 1551 г. царь Иван IV (Грозный) направил в германские земли вербовщика Шлитте, который набрал 123 человека разных профессий, пожелавших пойти на службу в Россию [История немцев 2005: 14]. В царствование Иоанна и Петра Алексеевичей, 21 января 1689 г., была издана грамота, согласно которой дозволялось приезжать в Россию французским эмигрантам евангелической веры, оставившим отечество вследствие уничтожения Нантского эдикта (1598 г.)⁹. При Петре I и Анне Иоанновне основаны поселения «из грузинцев и волохов¹⁰, коим были отведены места сначала близ крепости Св. Креста (на Сулаке)», позже на Украине и в Оренбургском крае [Историческое обозрение 1837: 428].]. А в Москве в 1652 г. были отведены участки земли под Немецкую слободу [Указ 1652: 273]. Из указа видно, что немцы появились в Москве гораздо раньше: «строили новую иноземскую слободу за Покровскими воротами..., где были наперед сего Немецкие двory, при прежних Великих Государях, до Московского разорения, и раздали в той Немецкой слободе под двory земли» [Указ 1652: 273]. В указе расписаны размеры участков для определенных сословий и представителей профессий: служивым немцам и врачам с аптекарями (а также золотых, алмазных и прочих дел мастерам) больше саженой земли, капралам, сержантам, полковым обозничим, вдовам, мелким чиновникам и т. д. — меньше [Указ 1652: 273].

Русский историк А. Г. Брикнер в своей пятитомной «Истории Петра Великого» сообщал, что в конце XVII в. в России иностранцев было около

⁹ Отменен в 1685 г.

¹⁰ Влахы (уст. *валахи*, др.-рус. *волохи*) — общее название предков восточнороманских народов.

18 тыс. чел., а во времена Петра I их численность постоянно увеличивалась [Брикнер 1882: 219]. Со ссылкой на историков М. Ф. Посселята и Н. Г. Устрялова А. Г. Брикнер сообщает, что Петр I выписывал из-за границы, чаще через своего помощника и советника Ф. Я. Лефорта, инженеров, ремесленников, врачей, фейерверкеров и военных [Брикнер 1882: 219].

Одни современные исследователи отмечают, что изучение истории иностранной колонизации в России начинается с 1830-х гг. [Юракова 2010: 4], другие — с 1860-х [Шайдуров, Гончаров 2019: 8, 14]. Напротив, Г. Г. Писаревский более 100 лет назад считал, что иностранная колонизация в империи рано стала привлекать внимание ученых, как русских, так и иностранцев [Писаревский 1909: V]. В предисловии к своей работе «Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в.» он замечает, что уже в работах первых академических путешественников ряд страниц посвящен недавно основанным немецким колониям в Поволжье [Писаревский 1909: V].

В следующем столетии интерес к иностранным колониям России усиливается. Не только журналы общелитературные, издававшиеся частными лицами, но и специальные, являвшиеся официальными органами правительства («Журнал Министерства внутренних дел» и позднее — «Журнал Министерства государственных имуществ»), уделяют им немало внимания. Но, по мнению Г. Г. Писаревского, большинство помещенных в этих изданиях статей, подобно предыдущим работам XVIII в., дают физико-географические очерки о колониях или сообщают о них статистические сведения [Писаревский 1909: V]. Собственно, авторы этих статей зачастую были чиновниками, в чьи обязанности и входил сбор статданных о колониях, наблюдение за ними [Заблоцкий¹¹ 1838: 1–83; Нейдгардт 1838: 245–260; Леопольдов 1839; Нейдгардт 1862; Благовещенский 1850: 3–45; и др.].

¹¹ Заблоцкий-Десятовский Андрей Парфенович (1808–1881) — статистик и экономист, статс-секретарь, действительный тайный советник (1877), член-корреспондент Петербургской (Имп.) академии наук (1856), редактор «Журнала Министерства государственных имуществ» (с 1841 г.).

«Историческое обозрение водворения иностранных поселенцев в России» (1837) прямо сообщает, что иностранцам был открыт путь к поселению в империи, где правительство не чуждалось иноземцев, приносивших ей «или промышленное досужество, или искусство ратное, или плоды образованности, наук и художеств» [Историческое обозрение 1837: 427].

К середине XIX в. научное изучение истории немцев России продолжилось, в результате чего к началу XX в. накоплена обширная историография, среди разных работ наиболее заметные [Леопольдов 1839; Благовещенский 1850; Клаус 1869; Духовников 1893; Велицын 1893; Писаревский 1898; Минх 1901; Писаревский 1909; Сергеев 1914; Штах 1916; и др.], в том числе представляющие интерес путевые очерки путешественников начала XIX в. [Измайлов 1805; Салтыков 1827; Сабуров 1835; Немирович-Данченко 1877; и др.]. Однако современные авторы обращаются к ней редко, а ее изученность носит, по мнению В. Н. Шайдурова и Ю. М. Гончарова, фрагментарный характер [Шайдуров, Гончаров 2019: 8–9].

Основательное социально-экономическое исследование немецких поселений в 1869 г. провел А. А. Клаус¹². В своей работе «Наши колонии: Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России» [Клаус 1869] он привел большой статистический материал о немецких поселениях в России. Это одна из первых обстоятельных работ в российской историографии об иностранных колониях, в которой автор описывает немецкую колонизацию Поволжья, показывает ее историю и приводит статистические сведения. Позже разные авторы опирались на этот солидный труд, который в 1909 г. был высоко оценен Г. Г. Писаревским.

В «Хронологическом указателе материалов для истории инородцев Европейской России», составленном П. И. Кёппеном в 1861 г. при участии

¹² Клаус Александр Августович (1829–1887) — надворный советник, работал в Министерстве госимуществ и в Министерстве путей сообщения, а также (в последние годы жизни) председателем Екатеринославской губернской земской управы

Б. П. Ламбина, авторы дают некоторые исторические данные о 29 народах, в том числе и о немцах («гамбурцы, анбурцы, анбургские немцы») [Кёппен 1861: 390]. Указатель по истории немцев начинается сообщением о грамоте Ивана Грозного от 2 августа 1578 г., адресованной соловецкому игумену Варлааму, в ней повелено построить остроги и укрепиться на случай нападения «свицких немцев и анбурцов». Июльской грамотой 1593 г. царь Федор Иоаннович запретил русским жить и служить у татар и немцев [Кёппен 1861: 390].

Не менее значимой, чем труд А. А. Клауса, считается и книга Г. Г. Писаревского «Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в.» [Писаревский 1909]. Она основана на его же «Очерках по иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам)» [Писаревский 1898], опубликованных ранее в журнале «Русский вестник» за 1898 г. Работа была удостоена двух премий, став важным вкладом в разработку отечественной историографии по проблемам российских немцев. Автор характеризует предпосылки к эмиграции из Европы в Россию, описывая популяционистскую политику Австрии, Пруссии и Дании, приводит проекты правительства Елизаветы Петровны по приглашению и переселению иностранцев в Россию и механизмы их вербовки. Особое внимание автор уделяет вызову колонистов в царствование Екатерины из Южной Европы и Данцига, приглашению шведов в Новороссию и водворению немцев в Поволжье, а также вызову в Россию христиан из Крыма и Турции.

Опыт иностранной колонизации в России исследователями в целом оценивался положительно. Но были и ее противники, например А. А. Палтов, писавший под псевдонимом «А. А. Велицын», И. И. Сергеев¹³ [Велицын 1893; Сергеев 1914] и др.

¹³ Сергеев Иван Иванович — преподаватель XI Петроградской гимназии, действительный член «Общества 1914 г.».

А. А. Палтов¹⁴, посетивший с ревизией свыше 250 немецких поселений, считал немецкие колонии *«грозной силой германизма, которая темной тучей надвигается с Запада на наше отечество и послушным и деятельным орудием которой служат наши немецкие колонии»* [Велицын 1893: 1]. Несмотря на предвзятость, А. А. Палтов в своих заметках дает ценную информацию о жителях южных губерний, о развитии сельского хозяйства, табличные сведения о количестве земли, доходах колонистов и т. д. Его очерки были опубликованы под псевдонимом отдельными статьями в журнале «Русский вестник» (статьи «Иностранная колонизация в России» и «Немецкое завоевание на юге России»). В них автор пишет о своеобразном немецком *Drang nach Osten* (букв. «натиск на восток») — что завоевание России, ее колонизация идет без грохота орудий и войн, а *«путем лишь экономического и духовного гнета и систематическим захватом наших лучших земель»* [Велицын 1893: 2].

А. А. Велицын, давая исторический очерк движения иностранной колонизации и описывая правительственные мероприятия по колонизации при четырех монархах, называет немецкие колонии в России грозной силой германизма: где появляется немец, русский крестьянин начинает беднеть; немцам чужды *«горе и радость нашего отечества»*, живут они изолированно среди народа, оказавшего им гостеприимство; *«без крови и шума немцы завладеют нашим югом, и в один прекрасный день мы увидим, что граница наша неожиданно вернулась к прежним окраинам московского княжества»* [Велицын 1893: 1–2, 23, 32–33]. Антинемецкий характер очерков А. А. Велицына проявляется в разных эпитетах и оценках автором немцев: *«пришедшую к нам в Россию немецкую ленивую голь превратить в зажиточных хозяев»*, *«все бритые, на одно лицо»* [Велицын 1893: 7, 9].

Г. Г. Писаревский назвал очерки А. А. Велицына *«односторонним публицистическим произведением»*, не дающим ничего нового, *«с неверными*

¹⁴ Палтов Александр Александрович (А. А. Велицын) — чиновник Министерства путей сообщения, выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, некоторое время работал секретарем С. Ю. Витте, имел звание камергера. В 1918 г. руководил канцелярией гетмана П. Скоропадского и был на дипломатической службе, затем жил в эмиграции (Румыния).

ссылками на Полное Собрание законов» [Писаревский 1909: VII], тем не менее они являются ценным историческим источником, в котором содержатся сведения об указах, касающихся иностранцев, данные о переселенцах в разрезе губерний и уездов, количестве колоний и их названиях, о развитии сельского хозяйства, таблицы с указанием количества земли, доходов колонистов и т. д. А для нашего исследования особенно важны, в частности, сведения о немцах Юга России. К тому же автор стремился показать общественности, целесообразна ли иностранная колонизация с присвоением плодородных земель, которых катастрофически не хватает своим крестьянам.

Такое же отношение к немцам выражено и в работе И. И. Сергеева «Мирное завоевание России немцами», она представляет собой доклад, зачитанный на заседании чрезвычайного общего собрания членов «Общества 1914 года» 13 марта 1915 г. [Сергеев 1915]. В годы Первой мировой войны, как известно, в Петрограде было основано «Общество 1914 года» (подробнее см.: [Туманова 2015: 190–210]). Ликвидацию немецкого засилья в России и, в частности, немецкого землевладения докладчик назвал вопросом государственной и общественной значимости. Сообщая о том, что «немецкое стремление на восток, исконное и методичное, наблюдается в течение всей истории Германии» [Сергеев 1915: VI], автор напоминает, что немцы задолго до Первой мировой войны «успели просочиться многочисленными ручейками» в Россию, разлились по всей ее огромной территории и «образовали большие и малые болота, которые губительно действуют на русскую национальность» [Сергеев 1915: VI].

Первая мировая война, как отмечает В. Н. Шайдуров, дала повод начать антинемецкую кампанию в стране: «она нашла свое выражение, в первую очередь, в депортации немецкого населения из 100-километровой приграничной с Австро-Венгрией и Германией зоны. Произошли погромы в крупнейших городах, в том числе Петрограде и Москве» [Шайдуров 1999: 10–11]. Всего за годы Первой мировой войны депортации подверглись более

полумиллиона немцев русского подданства из западных губерний и интернировано около 250 тыс. германских и австрийских поданных, постоянно живших в России [Нелипович 2002: 100]. Данные мероприятия правительства, по мнению исследователей, «усилили латентный национальный конфликт. Немцы видели две возможности выхода из этой ситуации: эмиграция за рубеж или миграция на окраины России» [Шайдуров 1999: 11].

В защиту немецких колонистов выступил и профессор К. Э. Линдеман, который писал, что многие авторы (например, А. А. Велицын) стремились вызвать в русском обществе недоверие и подозрения к поселянам-немцам, сообщает в своей работе О. В. Ерохина [Ерохина 2001: 7]. «Причем они совершенно упускали из виду, что поселяне-немцы такие же русские подданные, такие же русские крестьяне, такие же русские граждане, как и все другие народы, населяющие Россию» [Ерохина 2001: 8].

Необходимо остановиться на трагической судьбе известной сегодня книги депутата 1-й Государственной Думы, адвоката Якова Дитца «История поволжских немцев-колонистов» [Дитц 1997], относящейся к первым региональным, наряду с трудом пастора Я. Г. Штаха [Штах 1916], исследованиям истории немцев, в частности, Юга России. Отдельные части книги Я. Дитца были опубликованы накануне Первой мировой войны, в июле 1914 г., в «Саратовском листке» [Дитц 1997: 7]. Война, а позже смерть Я. Е. Дитца в августе 1917 г. оставили книгу в полном забвении. В итоге рукопись и 270-страничный машинописный текст на русском и немецком языках пролежали 80 лет до 1997 г. В фундаментальном труде Я. Е. Дитца показана история немцев Поволжья с опорой на законодательные акты правительства, в том числе Полное собрание законов Российской империи, на труды предыдущих авторов; в книге использовано большое количество ранее неизвестных документов, часть которых не сохранилась до настоящего времени, а также материалы о немцах из архивов церковных приходов и старых волостных правлений колонистов. Автор привлек доступные ему

мемуары старых колонистов, а также собранные им воспоминания бывших сотрудников Саратовской Конторы опекунства иностранных поселенцев.

Писать историю, считал автор фундаментального труда «История поволжских немцев-колонистов» (1914 г.) Я. Дитц, задача нелегкая. По его мнению, многие материалы по истории заселения немцами России отсутствуют. Казалось бы, задача историка поволжских колоний состоит в том, чтобы открыть двери архива Саратовской Конторы канцелярии опекунства иностранных поселенцев (ставшей позже Саратовской Конторой иностранных поселенцев), руководившей в XVIII в. заселением и управлением колониями. Вызов и заселение колоний происходили с 1763 по 1772 гг., все документы и акты об этом времени были сосредоточены в этой Конторе. Но в августе 1774 г. Саратов принял Е. Пугачева, и мятежники сожгли казарму Конторы, канцелярские дела погибли [Дитц 1997: 10].

Часть уничтоженных бумаг была, несомненно, реставрирована после пугачевщины по документам Петербургской Канцелярии опекунства иностранных и вместе с вновь набранными делами Конторы сдана в 1782 г. при ее упразднении и подчинении колонистов директору экономии и Казенной палаты. Но и с этими делами произошло неладное: они исчезли из присутственного места так же бесследно, как и от рук пугачевцев [Дитц 1997: 10].

Когда же при учреждении в 1797 г. 2-й Саратовской Конторы опекунства иностранных главный судья Еремеев потребовал от Казенной палаты дела Конторы, о них в палате ничего не знали. Пришлось разыскивать бывших чиновников 1-й Конторы для выяснения местонахождения этих дел. Выяснилось, что все «погнило так, что разобрать не можно», к тому же военные вырывали листы из дел для патронов [Дитц 1997: 10]. Так же не повезло документам о колонистах и из 2-й Конторы опекунства иностранных: в 1800 г. выгорел почти весь Саратов, в т. ч. и помещение Конторы со всеми делами. Таким образом, заключает Я. Дитц, дела Конторы вели свое начало лишь с 1800 г. и продолжались до 1877 г., когда они были

переданы в архив Саратовского губернского правления, где снова им не посчастливилось [Дитц 1997: 10].

Против несправедливых упреков в адрес немецких колонистов также выступил и Я. Г. Штах, который причиной миграции немцев в Россию видел необходимость заселения и освоения приобретенных после войн земель, для чего не хватало в империи трудовых ресурсов, а также застой в европейской промышленности и обнищание населения.

Некоторые дореволюционные работы в постсоветское время переизданы (в том числе репринтно) [Твалчрелидзе 1991; Минх 2010; и др.], некоторые — опубликованы вследствие разных причин впервые спустя 80 лет [Дитц 1997].

В советский период тема истории российских немцев долгое время находилась в СССР под запретом. Как пишет А. А. Герман, с момента издания указа Президиума Верховного Совета СССР от 28.08.1941, с которого началась ликвидация республики немцев Поволжья, «на историю советских немцев было по существу наложено табу» [Герман 2007: 8]. Из-за политических соображений история и культура немцев-колонистов в советское время не изучались. Длительное время даже вклад немецких колонистов в развитие сельского хозяйства, применение ими передовых агротехнических методов замалчивались. Уникальная история и культура немецких колонистов постепенно предавались забвению. В исторической литературе не освещались аспекты истории жизнедеятельности немцев на территории России, в том числе и участие немцев-колонистов в русско-японской и Первой мировой войнах, а также репрессии, направленные против жителей немецких колоний в 1937–1938 гг. и в период Второй мировой войны. Несправедливо были забыты и многие факты и события, характеризующие участие советских немцев в Великой Отечественной войне, а также их работа в далеком тылу, куда они были депортированы на основании этнического признака [Романова 2015: 83–84]. «До 1974 года немцев не принимали в вузы, на службу в вооруженные силы. В средствах

массовой информации было запрещено публиковать очерки об истории и современном положении российских немцев» [Кичихин 1992: 178].

Замалчивание правдивой информации о судьбе «наказанных» народов, в том числе и российских немцев, либо фальсификация их истории вызвали искажение общественного сознания в СССР и ущемление их национального самосознания: многие годы история и судьба советских немцев были неизвестны не только другим народам, живущим рядом, но и молодому поколению самих депортированных народов (см.: [Вашкау 1994: 3; Герман, Плеве 2002: 4]). «Мы даже не знали, что настоящее имя нашего папы — Генрих, а мы — Генриховны. Узнали об этом в начале 1990-х, когда оформляли папины документы. Отца все звали Егором, и в паспорте он записан как Егор, и у нас, сестер и братьев, в паспортах стоит: Егоровна, Егорович...» [ПМА 2021].

Как отмечалось выше, со второй половины 1960-х – начала 1970-х гг. появились отдельные работы, посвященные региональной истории и этнографии немцев [Малиновский 1967: 202–213; Малиновский 1968: 97–105; Чекменев 1971: 243–253].

19 октября 1988 г. провозглашению автономии немцев Поволжья исполнилось 70 лет. К этому почти незамеченному в стране юбилею, а также в связи с увеличившейся эмиграцией российских немцев в Германию¹⁵ появилось несколько статей в центральных газетах СССР о немцах, в которых впервые были изложены данные о выселении и трагедии этого народа, сведения о его истории и появлении в России [Ауман, Чернышев 1988; Вормсбехер 1988; Лапин, Франк 1988]. Иными словами, как заметила Т. Н. Чернова, первой к трагедии немцев обратилась публицистика [Чернова 1999: 262]. Признавая положительные результаты первых газетных публикаций [Ауман, Чернышев 1988; Лапин, Франк 1988; Григорьева 1988; и

¹⁵ Эмиграция выросла после вступления в силу постановления Совмина СССР от 28 августа 1986 г. «О внесении дополнений в Положение о въезде в Союз Советских Социалистических Республик и о выезде из Союза Советских Социалистических Республик» (вступило в силу с 1 января 1987 г.) [Постановление 1986] отменившее ограничения на выезд из страны, СССР покинуло 14 488 немцев [Саряева 2015: 39; Гулина 2010: 64].

др.], тот информационный прорыв, который они совершили, А. А. Герман считает, что первые журналистские публикации о немцах «основывались на некритическом восприятии материалов довоенных отечественных официальных изданий» [Герман 1994: 10]. Однако, несмотря «на допускаемые в ряде статей неточности, на порой малообоснованные выводы, публицистика толкала ученых на исследовательский поиск» [Чернова 1999: 262].

Первая всесоюзная конференция, посвященная проблемам немцев СССР, прошла в ноябре 1989 г. (Москва). На ней впервые были подняты вопросы политической и социально-экономической реабилитации немцев. Ранее, 11 мая 1988 г., в Алма-Ате состоялась республиканская научно-практическая конференция (см. также обзор Т. Черновой: [Чернова 1999: 261–278]), что было вполне логично, ведь большинство немцев были депортированы в Казахстан. Еще один форум по теме «Немцы в братской семье советских народов» прошел в Алма-Ате в 1989 г., где были озвучены сведения о насильственном переселении немцев в Казахстан, трудармии, спецпоселениях. М. Хассанаевым был представлен один из первых обзоров архивных материалов о немцах за 1941–1955 гг. (цит. по: [Чернова 1999: 261–262]).

В 1989 г. В. М. Кабузан в своей статье [Кабузан 1989: 18–29] дает исторический очерк появления немцев в России, этапы и места расселения колонистов, динамику численности, географию и этапы размещения немецких поселений в России в XVIII – начале XX в. Причиной миграции немцев автор считает бедственное социально-экономическое положение населения германских государств [Кабузан 1989: 21–22]. В начале XX в., по подсчетам В. М. Кабузана, немцы по численности были 9-м этносом Российской империи [Кабузан 1989: 29].

Начавшееся в 1988 г. рассекречивание спецхранов¹⁶ библиотек, а год спустя и многих архивных фондов позволило ученым начать разработку запретной доселе темы депортации репрессированных народов, в том числе немцев [Рейфман 2007].

И уже в начале 1990-х гг. в России появились первые работы, посвященные более полной и достоверной истории немецкой автономии и советских немцев, а также замалчивавшимся страницам их истории — репрессиям против народа в 1941 г. [Бугай 1991; Малиновский 1991; Герман 1992; Герман 1994; и др.]. Еще ранее об этом были опубликованы труды исследователей из Германии [Fleischhauer 1982; Pinkus 1982; Fleischhauer 1983; Pinkus, Fleischhauer 1987]. Авторы использовали архивы Германии, периодическую печать, обширную литературу. Но, как замечает Н. Э. Вашкау, отсутствие доступа к источникам с российской стороны не позволило осветить картину депортации всесторонне [Вашкау 2006: 3].

В начале 1990-х гг. в Германии стали работать такие исследовательские учреждения, как Центр по изучению истории и культуры немцев в России при Университете Гейдельберга, Институт восточно-европейских и германских исследований в Гёттингене, Институт культуры и истории немцев Восточной Европы при Университете им. Г. Гейне в Дюссельдорфе и др. Изданы монографии и сборники работ, к примеру, впервые на немецком языке — большой том документов, подготовленных А. Айсфельдом и В. Хердтом [Deportation, Sondersiedlung 1996]. Отметим и других исследователей Германии, изучающих историю соотечественников на востоке [Stumpp 1981; Fleischhauer 1986; Einfeld 1999; Einfeld 2003; Schippan, Striegnitz 1992; Klötzel 1999; Приб 2007; Айсфельд 2008; Айсфельд 2010; Айсфельд и др. 2017; Айсфельд и др. 2021; и др.].

¹⁶ Спецхран (отдел специального хранения) — в СССР специальный отдел в библиотеках, доступ к которому был ограничен. В нем находились издания, ознакомление с которыми широкой публики считалось нежелательным по идеологическим соображениям, а также отнесённые по различным соображениям к категории «Для служебного пользования» или «Секретно». С марта 1987 г. в связи с общими процессами декократизации в обществе и установкой на «гласность» началось возвращение книг из спецхранов в открытые фонды. К концу 1988 г. в открытые фонды было переведено 7 930 изданий. К 1988 г. спецхран библиотеки им. Ленина насчитывал более 300 тысяч названий книг, более 560 тысяч журналов, не менее миллиона газет [Джимбинов 1990: 242–253].

И в России чуть позже были открыты по данной теме исследовательские центры. Созданная в 1994 г. на конференции в Анапе Ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев через год стала международной. Она издает 2 раза в год научный журнал «Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев». В 2024 г. ассоциация отметила свое 30-летие научной конференцией «Немцы СССР в период существования своей автономной государственности на Волге и после ее ликвидации (1918–1955 гг.)».

В течение 1992 – июня 2009 г. в Саратове было подготовлено и защищено 36 диссертаций по немецкой проблематике. В Омске 15 соискателей подготовили работы, из них 11 защитились в Омске, остальные — в других городах [МАИИКРН 2010]. По данным на 2014 г., защищены были более 60 кандидатских диссертаций и свыше 20 докторских по истории, культуре, языку и литературе немцев, их авторами стали: А. А. Герман (1995), Т. С. Иларионова (1997), И. Р. Плева (1998), Н. Э. Вашкау (1999), Л. И. Москалюк (2003), Т. Н. Плохотнюк (2004), О. А. Лиценбергер (2005), В. Дённингхаус (2006); Е. И. Зейферт (2008); И. В. Нам (2009), И. В. Черказьянова (2009), Н. В. Венгер (Осташева) (2010); П. П. Вибе (2010), Т. Б. Смирнова (2010), О. В. Ерохина (2012), Н. М. Маркдорф (2012) Е. Н. Чернолуцкая (2012) и др. [Силантьева 2015].

При Саратовском университете действует Центр изучения истории и культуры немцев России¹⁷, за четверть века ставший организатором российских и международных форумов, выпустивший ряд сборников материалов конференций по истории немцев России [Положение немцев 2004; Российские немцы 2004; и др.]. Саратовские ученые внесли большой вклад в развитие исторической науки [Герман 1992; Герман 1994; Арндт 1998; Арндт 2000; Герман, Плева 2002; Герман, Иларионова, Плева 2005; Герман 2007; Лиценбергер 2007; и др.], воссоздавая историю и культуру

¹⁷ <https://www.sgu.ru/structure/imimo/cultural>

немцев России на основе архивных документов, воспоминаний, периодики, исследуя современное положение российских немцев в России и в Германии; по данной теме в Саратове защищены кандидатские и докторские диссертации.

С 2000 г. при СГУ функционирует и Научно-просветительский центр «Литература и языковые варианты поволжских немцев» [Язык и культура 1998; и др.].

С 2001 г. при кафедре истории Волгоградского университета действует Центр германских исторических исследований, который много лет возглавляла профессор ВолгГУ (с 2013 г. — профессор Липецкого госпедуниверситета) Н. Э. Вашкау. Под руководством Н. Э. Вашкау теперь работает Центр германских исторических исследований при Липецком педагогическом университете, издавшем в последние годы ряд материалов научных конференций [Международный диалог 2019; Россия и Германия 2023; и др.]. За годы своей работы Волгоградский центр германских исторических исследований внес значительный вклад в изучение истории, культуры и языка немцев России, выступив организатором российских и международных научных форумов, семинаров, «круглых столов» по немецкой тематике, реализуя научные и академические проекты вместе с вузами России и Германии, осуществляя обмены студентов Волгограда и немецких вузов. Кроме научной, центр вел и просветительскую деятельность, организуя выставки и лекции в разных аудиториях (см. статьи: [Вашкау 2008; Вашкау 2011; и др.]).

Среди первых публикаций начала 1990-х гг. следует назвать работы Л. В. Малиновского, Н. Ф. Бугая, В. Г. Чеботаревой, А. А. Германа, Н. Э. Вашкау, В. Б. Убушаева [Малиновский 1991: 238–241; Бугай 1991: 172–180; Герман 1992; Герман 1994; Чеботарева 1992: 16–19; Убушаев 1992: 37–38; Вашкау 1994; и др.], в которых история немецкого этноса, в том числе репрессии против него, изложены без идеологических купюр на основе архивных документов. В статье 1992 г. «Российские немцы: от

политического самоопределения до национальной катастрофы», вышедшей в сборнике материалов первой научной конференции по проблемам репрессированных народов (г. Элиста, май 1992 г.), В. Г. Чеботарева обозначила основные вехи истории советских немцев: национальное самоопределение немцев через создание Комиссариата по немецким делам в Саратове, потом Трудовой коммуны немцев и Автономной области немцев Поволжья и позже — АССР немцев Поволжья (АССР НП); создание национальных (немецких) районов и сельсоветов, затем их ликвидация; депортация немцев с сентября 1941 г., ликвидация автономии и разделение республики на 2 части и их включение в состав Саратовской и Сталинградской областей; в 1955–1964 гг. снятие с немцев обвинений и клейма поднадзорных и предателей и пособников фашистов; принятие в 1979 г. решения ЦК КПСС о создании немецкой автономной области в составе Казахстана, где в это время проживало около 1 миллиона немцев. Однако решение так и не было осуществлено [Чеботарева 1992: 16–19].

В 1993 г. увидело свет документальное издание «История российских немцев в документах (1763–1992 гг.)» [История российских немцев 1993]. Книга, составителями которой выступили В. Г. Чеботарева и В. А. Ауман, содержит документы, освещающие государственную политику России по отношению к немцам, начиная со второй половины XVIII в. и до 1992 г.

В 2006 г. издан сборник материалов «Немцы в истории России: документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917», отражающий жизнь и деятельность немецкого населения в России дореволюционного периода [Немцы в истории 2006].

Четырехтомник «Das Autorenlexikon der Russlanddeutschen» называет более 3 000 авторов, оставивших свои труды о немцах России, — не только историков, но и писателей, журналистов и др. [Mater 2008]¹⁸. С 1990 по 2006 г. написаны и изданы около 1 000 статей и монографий по истории,

¹⁸ См. сайт автора: www.edarmer.de. На сайте книга появилась несколькими годами ранее, чем была издана в бумажном варианте.

культуре немцев разных регионов России. Однако данные работы известны прежде всего в тех регионах, в которых они издавались, и они не смогли сыграть той просветительской роли, которую могли бы выполнить [Айсфельд 2006].

Огромный пласт публикаций по истории немецких колоний в России сохраняется в уникальных электронных библиотеках информационного портала российских немцев «Rusdeutsch», созданного в 2003 г., и неофициального сайта поволжских немцев *Geschichte der Wolgadeutschen* («История немцев Поволжья») ¹⁹, действующего с 2005 г. (автор идеи и создатель сайта — А. Шпак). Библиотека портала RusDeutsch содержит более 17 тыс. книг, статей, номеров газет и журналов.

В последние годы опубликованы фундаментальные труды: дополненное издание «История немцев России» и коллективная монография «Российские немцы» из серии ИЭА РАН «Народы и культуры» [История немцев 2020; Российские немцы 2021].

Подчеркивая важность и ценность этих научных трудов, а также появление в последнее время новых интересных исследований [История и этнография 2009; Вайман, Черных 2015; Райт 2015; Труд на концессионных 2015; Айсфельд и др. 2017; История немцев 2020; Шепталин 2020; Айсфельд и др. 2021; Российские немцы 2021; и др.], нужно отметить, что большая часть их посвящена истории немцев в масштабах АССР немцев Поволжья или же общей истории немцев в России, или локальной истории. Надо учитывать, что основными местами расселения немцев в России являлись не только Поволжье, но и территория современной Украины, Закавказье, северное Причерноморье, Закавказье, а с конца XIX в. — Сибирь и Северный Кавказ. Поэтому, естественно, немало работ имеет региональный характер: они посвящены истории немцев Кавказа, Кубани и Закавказья, Алтая и Сибири, Оренбуржья и Санкт-Петербурга, Казахстана и Азербайджана, Украины и Урала [Малиновский 1995; Немцы Бурятии 1995; Плохотнюк

¹⁹ <https://bibliothek.rusdeutsch.ru/>; <https://wolgadeutsche.net/library/1>

1996; Плохотнюк 1998; Плохотнюк 2001; Плохотнюк 2004; Зейналова 2002; Немецкое население 2002; Вибе 2007; История и этнография 2009; Черказьянова 2011; Шнайдер, Ктиторов 2012; Саряева 2015; Киссер 2019; Шлегель 2022; и мн. др.].

Поэтому, естественно, отдельные работы имеют региональный характер — посвящены истории немцев Кавказа и Закавказья, Алтая и Сибири, Оренбуржья и Санкт-Петербурга, Казахстана и Азербайджана, Украины и Москвы. К примеру, в 1995 г. в Барнауле и Улан-Удэ опубликованы такие книги, как «Немцы в России и на Алтае» и «Немцы Бурятии» [Малиновский 1995; Немцы Бурятии 1995]. История немцев в каждом регионе имела свои особенности, что стремятся отразить авторы. И можно только приветствовать появление трудов данной тематики исследователей России и стран СНГ, отмечая важность и ценность этих работ [Аккиева 1995; Плохотнюк 1996; Плохотнюк 1998; Плохотнюк 2001; Плохотнюк 2004; Джафарли 2001; Чернова 2004; Вашкау 2006; Вибе 2007; Приб 2007; Корн 2008; Сарепта 2012; Шнайдер, Ктиторов 2012; Вайман, Черных 2015; Айсфельд и др. 2017; Киссер 2019; Из истории 2000; Шепталин 2020; Черказьянова 2021; Чернова-Дёке 2022; Шлегель 2022; и др.]²⁰.

1.2. Немцы Калмыцкой степи в научной литературе

В калмыковедческой литературе неоднократно отмечается, что первыми исследователями, изучавшими язык, быт, культуру калмыков, флору и фауну калмыцкой степи, были выдающиеся российские ученые немецкого происхождения: Гмелин-старший и его племянник С. Гмелин, П. С. Паллас, К. Бэр, Я. Шмидт и др. [Борисенко 1977а; Борисенко 1977б; Алексеева 1983; Бачаева, Мулаева 2010; Алексеева 2010] (см. также: [Fleischhauer 1986: 92–93]).

²⁰ См. также новые работы: <https://bibliothek.rusdeutsch.ru/>; на сайте Национальной библиотеки Украины: http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe

Историография Сарепты достаточно обширна. Особо можно выделить архивные записки сарептских хронистов Х. Зутера, написанные им в период с 1765 г. по 1775 г., и А. Глича «История братской общины Сарепта в восточной России в течение ее столетнего существования» [Suter 2003; Glitsch 1865], работу Х. Хафы «Братская община Сарепта: к истории немцев Поволжья» [Nafa 1936] и коллективную работу «Сарепта: история успеха: история гернгутской колонии Сарепта от её основания до превращения в волостной центр Саратовской губернии» [Сарепта 2012] (см. также: [Курышев, Парфенов 2016: 44–45]).

Добавим и работы М. И. Веревкина «Описание Екатерининских вод в Астраханской губернии, между города ²¹ Царицына и селения евангелического братства Сарепты...» и И. Н. Болтина ²² «Хорография Сарептских целительных вод» [Веревкин 1780; Болтин 1782]. М. И. Веревкин сообщает о 32 минеральных источниках вокруг Сарепты, самый большой из которых расположен к северо-западу от колонии [Веревкин 1780: 8]. Автор описал в таблице, кто из известных и малоизвестных лиц, когда жил у колодца и с каким успехом лечился его целебными водами [Веревкин 1780: 17–80]. И. Н. Болтин в своей хорографии дал сведения об источниках в урочище близ Сарепты и советы тем, кто планирует к тем водам ехать, сообщая, что врач И. Вир²³ из Гернгутерской колонии решил посмотреть и испытать воду. Врач нашел 5 источников, его поиски продолжались всё лето: находя новые источники, родники и ручьи, Иоганн Вир исследовал их [Болтин 1782: 2–5]. О минеральном источнике ранее упоминал академик И. И. Лепёхин, посетивший Сарпинское селение, как он называет нижеволжскую немецкую колонию Сарепту. Но он упоминает только «небольшой серный ключик» у реки Сарпы [Лепехин 1771: 444], хотя вокруг

²¹ Так в названии работы.

²² Веревкин Михаил Иванович (1732–1795) — писатель, переводчик Корана, академик, первый директор Казанской гимназии; Иван Никитич Болтин (1735–1792) — историк, гуманист, крупный землевладелец, генерал-майор, масон, составитель первого толкового словаря русского языка в соавторстве с Д. И. Фонвизиным, Г. Р. Державиным, И. И. Лепёхиным и др.

²³ Иоганн Иоахим Вир (Wier) (1728-1782) — врач, ботаник, аптекарь, исследователь Ергенинских минеральных вод, основатель курорта; высшее медицинское образование получил в Берлине [Широкова 2006: 33].

Сарепты обнаружено 32 источника минеральной воды [Веревкин 1780: 8; Широкова 2006: 33].

Общинному устройству колонии и хозяйственной деятельности братьев посвящены перечисленные и проанализированные выше труды, а также травелоги писателей, путешественников, отчеты чиновников и работы по немецкой колонизации Нижнего Поволжья [Леопольдов 1839; Благовещенский 1850; Клаус 1869; Духовников 1893; Писаревский 1898; Минх 1901; Писаревский 1909; и др.], в том числе и современные работы [Родионов 1995; Курышев 1995; Вашкау 2006; Сарепта 2012; Курышев, Парфенов 2016; и др.].

Среди работ современных авторов отметим работы В. Н. Медведева и А. А. Максимова [Медведев 1996; Медведев 2008; Максимов 2011а; Максимов 2011б; Максимов 2011в; Максимов 2012; Медведев 2012; Медведев 2018; и др.].

Что касается истории немецких поселений на территории Большедербетовского улуса, то вплоть до 90-х гг. XX в. в отечественной науке такие исследования отсутствовали [Белоусов 2010: 52]. Единственной работой, из которой можно было почерпнуть сведения о прошлом немцев Калмыкии, являлась книга А. И. Твалчрелидзе²⁴ «Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях», изданная в 1897 г. [Твалчрелидзе 1991]. В ней даны сведения справочного характера о населенных пунктах Ставропольской губернии, в том числе и о немецких поселениях Хагинско-Немецкое [Твалчрелидзе 1991: 630–632] и Эсто-Хагинское [Твалчрелидзе 1991: 634–637], которые возникли на землях калмыков Большедербетовского улуса.

Близкие к калмыцким кочевьям немецкие поселения Юга России исследовали Т. Н. Плохотнюк, О. В. Ерохина, О. В. Юракова [Плохотнюк 1996; Плохотнюк 1998; Плохотнюк 2001; Плохотнюк 2004; Ерохина 2001;

²⁴ Твалчрелидзе Антон Иванович (1854–1930) — инспектор народных училищ Ставропольской губернии, статский советник, энтузиаст народного просвещения, внесший большой вклад в развитие ставропольского краеведения.

Ерохина 2024; Юракова 2010] и др. По мнению Т. Н. Плохотнюк, «первой известной попыткой исторического анализа факта существования немецких колоний Северного Кавказа стал доклад действительного члена Кубанского статического комитета Б. М. Городецкого», а «с 1993 г. складывается традиция российско-германских исследований истории немецкой этнической общности в России» [Плохотнюк 1996: 5–6].

В Калмыкии изучением истории немецких поселений занимался И. В. Борисенко [Борисенко 1991а; Борисенко 1991б; Борисенко 1998; Борисенко, Убушиева 2000]. Часть его работ опубликована в газетно-журнальной периодике Калмыкии. Будучи еще студентом-историком, И. В. Борисенко издал две статьи об экспедициях Российской академии наук, совершенных во второй половине XVIII в. в том числе в калмыцкие степи, в газете «Комсомолец Калмыкии» и журнале «Теегин герл» [Борисенко 1977а; Борисенко 1977б]. Автор сообщает, что среди участников пяти экспедиций, предпринятых с целью обследования отдельных провинций Российской империи для дальнейшего их хозяйственного освоения, были в основном российские ученые с немецкими фамилиями, первые описавшие калмыков: Иоганн Готтлиб Георги, Иоганн Якоб Фридрих Паррот, Иоганн Антон Гильденштедт, Петер Симон Паллас, Карл Эрнст фон Бэр и Самуэль Готтлиб Гмелин [Борисенко 1977б: 141, 143–145].

Об экспедициях 1768–1774 гг., предпринятых Российской академией наук на юго-восток европейской России и в Сибирь и связанных с именами П. С. Палласа, И. П. Фалька, И. А. Гюльденштедта, И. И. Георги и др., в 1983 г. пишет и П. Э. Алексеева. Автор описывает состав экспедиции, ее результаты, ставшие значительным вкладом в изучение Калмыкии [Алексеева 1983: 106–110].

В материалах научной конференции, приуроченной к 230-летию основания Сарепты, опубликована статья И. В. Борисенко «Из истории немецкой топонимики в Калмыкии» [Борисенко 1995: 14]. Со ссылкой на материалы Всесоюзной переписи 1939 г. автор дает сведения о том, что

рядом с поселениями Эсто-Хагинское и Немецко-Хагинское²⁵ по мере их развития образовались и другие населенные пункты. Автор называет семь сёл: три из них находились на территории Немецко-Хагинского сельсовета, где размещалось хозяйство колхоза им. Розы Люксембург (Нейфельд — 122 человека, Рейнфельд — 188 чел. и Шинбрун — 127 чел. Хутора Фриденталь (333 чел.) и Шинтер²⁶ (415 чел.) были в ведении 2-го Ики-Туктуновского сельсовета Западного улуса [Борисенко 1995: 14]. Вероятно, имеется в виду Шин Тёрл, хутор в Большедербетовском улусе, основанный выходцами из Нем-Хагинского земельного общества. 15 марта 1927 г. на общем собрании жителей с. Немецко-Хагинское обсуждался вопрос о «выдаче согласия группе Христиана Лаутеншлегера в количестве 20 домохозяев при 96 едоках селиться на участке Шин Терл», и собрание единогласно постановило разрешить им поселиться на указанном участке [НА РК. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 55. Л. 118об.].

Топонимические сведения о немецких поселениях позже дополнены лингвистами так: *В 1870 г. немцы основали поселение Грюнталь²⁷ (Зеленая долина), а эстонцы — Либенталь (Долина любви). Однако по решению ставропольского губернатора первое село стало называться Нем-Хагинка, а второе — Эсто-Хагинка (от калмыцкого названия речки Хагин-Сала* [Есенова, Бонет 2010: 72].

В своих краеведческих заметках о Калмыкии «Времен минувших отраженье» И. В. Борисенко сообщает, что в июне 1877 г. выходцы из Эстляндской и Лифляндской губерний после долгих мытарств в поисках плодородной земли получили наконец разрешение ставропольского

²⁵ В работе А. Твалчрелидзе 1897 г. название села дано как Хагинско-Немецкое [Твалчрелидзе 1991: 630–632]. Так же: Кроненталь/Kronental (Немецко-Хагинское; также Хагинское Немецкое, Дейч-Хагинск, Хагинская), до 1917 — Медвеженский уезд Ставропольской губернии, Немецко-Хагинская (Хагинско-Немецкая, Хагинская) / Новогорлыкская волость; в советский период — Воронцово-Николаевский (Сальский) район, с 1924 г. — Калмыцкая автономная область, Яшалтинский / Западный / Большедербетовский улус (в настоящее время — с. Ульяновское, Республика Калмыкия, Яшалтинский район) [Немцы России 2006: 245]. См. также сноску на с. 163 — о написании названия села в документах.

²⁶ Вероятно, Шин Тёрл (от калм. *шин* 'новый', *тёрл* 'жизнь; родной; родственный; род; родня; родственники; родство; рождение) [КРС 1977: 514, 673].

²⁷ Имеется в виду, скорее всего, Кроненталь 'царская долина' (Kronental: от нем. Krone 'крона', 'корона', 'королевская власть', 'коронка' + Tal 'долина') [НРС 1965: 527, 801].

губернатора на поселение при речке Хагин-Сала и балке Овсауль-Кюль²⁸, где калмыки Большедербетовского улуса проводили зимовку [Борисенко 1990: 146]. Скорее всего, выходцы из указанных губерний прибыли в поисках плодородной земли сначала в Бессарабскую губернию, создав там колонии (Mutterkolonien), а уже оттуда после 1871 г. (вследствие утраты немцами в 1871 г. по указу Александра II особого статуса колонистов, что вызвало вторичную миграцию внутри страны и за рубеж) прибыли в калмыцкие кочевья. Это подтверждается архивными документами. В Государственном архиве Ставропольского края в фонде 146 имеется на 23 листах переписка 1877 г. Ставропольского губернского присутствия по крестьянским делам со Ставропольским губернским правлением об образовании в Калмыцкой степи селения Хагинского «из лиц исключительно лютеранского вероисповедания» [ГА СК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 79. Л. 1]. Из переписки выясняется, что немцы прибыли из Аккерманского уезда Бессарабской губернии: согласно ходатайству исправляющего должность губернатора от 15 декабря 1876 за № 2825 «Его Императорское Высочество Великий князь Наместник Кавказский соизволил приказать об отмежевании из Калмыцкой степи при балке Хагин-Сала участка в 10 900 десятин удобной и неудобной земли в границах, объясненных на проектом плане, и о назначении сего участка под поселение колонистов Аккерманского уезда и других лиц исключительно лютеранского исповедания», переселенцы причислялись сословие в государственных крестьян, они получали землю наравне с крестьянами губернии (по 15 десятин на ревизскую душу), им не назначались льготы по податям и другим [ГА СК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 79. Л. 2].

И. В. Борисенко упоминал, что немцы из Екатеринославской губернии на Хагин-Салу стали прибывать позже эстонцев [Борисенко 1990: 146]. Однако, судя по «Журналу Ставропольской комиссии народного продовольствия» от 19 октября 1879 г., помощь деньгами в связи с

²⁸ Возможно, от калм. *овси күлд* 'травяные пути' [КРС 1977: 323, 410]. У авторов разное написание топонима: Овсауль-Кюль, Овсаул-Кюль и др.

неурожаем в губернии оказывалась одновременно колонистам Немецко-Хагинского и Эсто-Хагинского [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 785. Л. 53–54]. В фонде 101 хранится дело 785 на 200 листах под названием «Дело канцелярии Ставропольской губернии по комиссии народного продовольствия о выдаче семействам вновь образуемых селений Хагинского Лютеранского и Хагинско-Эстонского денежной ссуды губернского продовольственного капитала», начатое 1 сентября 1878 г. и завершённое 15 марта 1884 г. [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 785]. В деле сохранены «Именной список крестьян селения Хагинского Немецкого Ново-Егорлыкской волости Медвеженского уезда, нуждающихся в продовольствии — составлен 13 августа 1878 г.» [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 785. Л. 3–3об.]. Такой же документ, составленный той же датой, имеется и по Эсто-Хагинке: Именной список государственных крестьян из Эстонского селения Хагинского Ново-Егорлыкской волости Медвеженского уезда, нуждающихся в продовольствии и обсеменении полей — составлен 13 августа 1878 г. [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 785. Л. 8–8об.].

Земли не хватало на приобретенных территориях — в южных и юго-западных губерниях (Бессарабской, Екатеринославской, Таврической, Новороссийской), поэтому переселенцы (как русские крестьяне, так и иностранцы) предпринимали вторичное переселение как по югу, так и на Кавказ, и на юго-восток. Говоря о причинах переселения немцев в Россию, в частности, вторичного их переселения внутри страны, И. Твалчрелидзе в своей статье 1886 г. о двух немецких колониях (меннонитов) Кубанской области сообщал: *Малоземелие, заставившее колонистов покинуть родную Германию, не переставало преследовать их и в России. В Таврической и Екатеринославской губерниях земли, отведенной немецким колонистам, оказалось недостаточно для поддержания сносного существования всех членов колонии, а потому многим из них пришлось жизнь земледельца переменить на жизнь мастерового* [Твалчрелидзе 1886: 212].

И. В. Борисенко предположил, что поселение на Хагин-Сале должно было возникнуть ранее 1870-х гг., что отмечает карта Кавказской области за

1845 г. В этих местах намечались работы для получения соли с прилежащих озер с калмыцкими названиями: Малая и Большая Яшалта, Джалга, Царын. Грязи последнего использовались местными жителями как лечебные [Борисенко 1990: 146].

Одна из статей И. В. Борисенко является его докладом на республиканской научно-практической конференции «Немцы и калмыки: взаимодействие культур и общность исторических судеб», состоявшейся в апреле 1998 г. в Элисте [Борисенко 1998]. Материалы этой конференции, к сожалению, так и не были опубликованы отдельной книгой. Спустя 12 лет в Элисте в рамках Дней Германии в Калмыкии состоялась международная научно-практическая конференция «Немецкий акцент: Германия в истории, науке и культуре Калмыкии», материалы которой были изданы перед началом форума [Немецкий акцент 2010]. Авторы 24 статей затронули самые разные темы: от немецких топонимов в Калмыкии [Есенова, Бонет 2010] до вклада немецкого ученого Я. И. Шмидта в изучение монгольского и калмыцкого языков [Бачаева, Мулаева 2010].

Данный симпозиум показал: немецкая тематика, несомненно, присутствует в исследованиях калмыцких историков, этнографов и лингвистов, но она больше касается немецко-калмыцких исторических связей [Омакаева 2001; Очир-Горяев 2001] или «немецкого» влияния на топонимику Калмыкии [Есенова, Бонет 2010] (фрагментарно у [Кичикова 2015; Джамбинова 2016]). Кроме того, и дореволюционные авторы, и современные исследователи указывают на тесные торговые и другие отношения между калмыками и колонией Сарепта, основанной Братством гернгутеров на Волге [Дитц 1997: 451–452; Минх 1901; Нейдгардт 1838; Мургаев 1997: 117; Очир-Горяев 2001: 281–284; Максимов 2011а; Максимов 2011б; Максимов 2011в; Максимов 2012; и др.].

В конце 1980-х гг. немецкую тему освещали лишь СМИ. В Калмыкии первой публикацией о депортации калмыцких немцев стала статья Р. Г. Саряевой (под псевдонимом: Р. Григорьева) в районной газете «Ленинец» в

декабре 1988 г. [Григорьева 1988: 2]. В ней автор на примере судьбы жителя Черноземельского района Калмыкии Романа (Райнгольда) Витмана показала историю немцев в России и СССР, выживание «наказанного» народа на спецпоселении, его частичную реабилитацию и возвращение из ссылки в «никуда»: АССР немцев Поволжья так и не была восстановлена, а приезд немецкой семьи, проживавшей до депортации в Саратовской области, в Калмыкию, ставшей им второй родиной, сопровождалось большими трудностями — республика сама поднималась из руин, только возрождалась после 13-летней ссылки калмыков.

Изучение истории немцев Калмыкии было продолжено историком КалМНЦ РАН С. С. Белоусовым. В ходе его исследований были выявлены новые материалы, расширяющие наши представления о причинах переселения немцев на калмыцкие земли. Автор пишет, что одна из двух групп немцев, основавших село Ульяновку, прибыла из колонии Беловеж Черниговской губернии, которая в свою очередь была образована в 1767 г. уроженцами земли Гессен (Германия). Переселиться их в Калмыкию вынудила земельная нужда, возникшая в результате быстрого увеличения немецкого населения колонии Беловеж [Белоусов 2010: 53; Очирова, Белоусов 2011: 98]. По своему вероисповеданию беловежские переселенцы являлись лютеранами; их новое поселение получило название «Кроненталь», затем оно переименовано в Немецкую Хагинку, а после депортации немцев в 1941 г. переименовано в Ульяновку [Белоусов 2010: 53].

В постсоветский период у российских исследователей возрос интерес к религиозной тематике, что в немалой степени было связано с деидеологизацией науки, создавшей условия для объективного изучения роли религии в жизни российского общества и государства. В Калмыкии в этот период издан ряд работ по религиозной тематике. В их числе была статья С. С. Белоусова «Религиозная жизнь немецкого населения Калмыкии (конец XIX – начало XX в.), рассматривающая историю религиозной жизни немцев Калмыкии в досоветский период и в 1920–1930-е гг. [Белоусов 2001].

В 2008 г. опубликована еще одна работа С. С. Белоусова, посвященная миграции немецкого населения Калмыкии в постсоветский период [Белоусов 2008]. Массовый отток немцев Калмыкии в Германию поставил немецкую этническую группу на грань исчезновения. По подсчетам автора, в результате интенсивной миграции из республики число немцев в период между переписями 1989 и 2002 гг. сократилось с 5 586 до 1 643 чел, несмотря на то, что в конце XIX и в начале XX в. немцы были одной из немногочисленных этнических групп Калмыкии, имевшей стабильный положительный естественный прирост населения. С 1988 г. по 2008 г. естественный прирост немецкого населения Калмыкии составил 548 чел, а миграционные потери — 5 000 чел. [Белоусов 2008: 90]. В статье предпринята попытка разобраться в причинах миграционных настроений немецкого населения Калмыкии и рассмотрены мероприятия республиканских властей по их преодолению, которые в итоге не увенчались успехом.

Трагические страницы истории немцев Калмыкии, связанные с их насильственной депортацией, освещаются уже с 1988 г.: сначала в прессе [Григорьева 1988: 2], а с 1991 г. — в научных публикациях, но их не так много, первыми из ученых к разработке данной темы приступили историки Н. Ф. Бугай и В. Б. Убушаев: [Бугай 1991; Убушаев 1992; Убушаев 2001]. Позже тема репрессий против немцев Калмыкии затрагивалась и в других работах калмыцких авторов, но их наберется не более десятка: [Saryueva 2009; Оконова 2013; Саряева 2013; Саряева 2015; Саряева 2016; Оконова, Лиджиева 2014; Саряева 2022].

Обзор научной литературы по истории немецкого населения Калмыкии, как отмечалось выше, показывает, что оно еще не стало объектом всестороннего научного изучения. В работах ученых Калмыкии, посвященных немецкой теме, в большей степени представлены исследования о калмыцко-немецких связях, а работ, в которых бы поднимались вопросы собственно немцев Калмыкии, совсем немного. В немногочисленных работах

рассмотрены отдельные хронологические периоды или отдельные аспекты истории немцев Калмыкии.

Указанные выше факторы во многом определяют характер и актуальность исследований «немецкой» темы в Калмыкии. И, несмотря на огромное количество литературы о российских немцах XVIII–XXI вв., некоторые аспекты их истории, особенно в Калмыкии, до сих пор остаются неисследованными. Поэтому «историю немцев Поволжья, да и всей России, надо изучать, делать ее достоянием широких масс» [Герман 2007: 11]. В этой связи назрела, по мнению историка С. С. Белоусова, необходимость создания обобщающего научного труда о прошлом и настоящем немцев Калмыкии. Исследование должно быть, считает ученый, комплексным, с привлечением специалистов различных направлений гуманитарного профиля: историков, социологов, филологов, политологов и других [Белоусов 2010: 55].

1.3. Обзор источников

В ходе исследования был привлечен обширный круг источников. Наиболее важное значение имел комплекс *делопроизводственной документации и переписки*, большая часть которых хранится в архивах Российской Федерации.

В Государственном архиве Ставропольского края хранятся документы, отражающие процесс переселения в Большедербетовский улус Ставропольской губернии немцев из Бессарабской и Черниговской губерний. Среди архивных дел несомненный интерес представляют дела «Переписка с Ставропольским губернским правлением по крестьянским делам присутствием об образовании в Калмыцкой степи с. Хагинского» (1877–1880 гг.) [ГА СК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 79], «Дело об эстонцах в Ставропольской губернии в селе Хагинско-Немецком» (1884–1887 гг.) [ГА СК. Ф. 135. Оп. 42. Д. 53], а также дела об отдаче в арендное содержание участка свободной Калмыцкой степи в 2-м Большедербетовском роде на 6 лет крестьянам с. Немецко-Хагинского (1880–1886 гг.) [ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 821], об

отдаче в арендное содержание сроком на 12 лет участка свободной Калмыцкой степи, оставленного калмыками 2-го Багатугтунова рода, находящегося в местности «Борны» [ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 281. Л. 1–1 об.], «Переписка с земским начальником Медвеженского уезда по приговору Эсто-Хагинского сельского схода об отводе земли, закрепленной за крестьянами одного места» (1908–1909 гг.) [ГА СК. Ф. 101. Оп 4. Д. 3407], «Протоколы, отчеты комиссии Эсто-Хагинского общества народного образования о деятельности общества, списки членов и устав общества» (1910 г.) [ГА СК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1,2], «Эсто-Хагинский эстонский национальный комитет с. Эсто-Хагинское, Медвеженского уезда, Ставропольской губернии» (1920 г.) [ГА СК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1, 2] и др. В делах содержится информация о постановлении Ставропольского губернского присутствия по крестьянским делам от 18 апреля 1877 г. об образовании в Калмыцкой степи селения Хагинского из «лиц исключительно лютеранского исповедания» [ГА СК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 79. Л. 1] в соответствии с приказом Кавказского наместника об отмежевании «из калмыцких земель» в балке Хагин-Сала участка в 10 900 десятин земли и причислении их к Ново-Егорлыкской волости Медвеженского уезда Ставропольской губернии; о даче Хагинскому Немецкому и Хагинскому Эстонскому «владенных записей»; об обложении налогами; сведения о населении немецких поселений и др. Интересны также материалы фонда 303, имеющего метрические свидетельства о рождении, крещении, смерти и погребении за 1906–1907 гг., «Список приобщившихся тайн» 1903 г., «Списки рожденных и крещенных Ставропольского Евангелическо-Лютеранского прихода» за 1903 г., в которых вписаны рожденные с 1903 по 1910 гг. [ГА СК. Ф. 303. Оп.1. Д. 2, 3, 6]

Такие фонды Российского государственного исторического архива (РГИА), как «Земский отдел МВД», «Первый департамент Сената», «Второй (Крестьянский) департамент», располагают документами по земельным проблемам крестьян селений Немецко-Хагинского и Эсто-Хагинского. В

«Земском отделе МВД» привлекает внимание дело 1904 г. об отдаче Немецко-Хагинскому сельскому обществу Большедербетовского улуса, Ставропольской губернии в арендное пользование калмыцкого оброчного участка под названием «Борне» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 87], дело 1899 г. об отдаче крестьянину Ивану Бедрику через его доверенного — дворянина Жукова в долгосрочную аренду двух участков под названием «Борне» и «Красное». «Тут же об отдаче Немецко-Хагинскому сельскому обществу в аренду, без торгов, участка Борне» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 303]. В фонде «Второй (Крестьянский) департамент Сената» привлекают внимание рапорты ставропольского губернатора по жалобам нескольких крестьян с. Эсто-Хагинское Медвеженского уезда по делу о выходе из общины. Рапорты датированы 14 июня и 7 июля 1908 г. [РГИА. Ф. 1344. Оп. 216. Д. 720, 721, 722, 723, 823, 824].

В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) также имеются документы по главному вопросу крестьян — земельному. В фонде «Федеральный комитет по земельному делу (федкомзем) при Президиуме ВЦИК» можно отметить дело 1925 г. «Переписка с Особой Коллегией Высшего Контроля по земельным делам при Наркомземе РСФСР о земельном споре эстонского населения с. Эсто-Хагинского, Большедербетовского улуса, Калмыцкой автономной области с местными земельными органами» [ГА РФ. Ф. Р-3260. Оп. 12. Д. 9]. В этом же архиве в фонде «4-й спецотдел Министерства внутренних дел СССР» хранятся в 4 томах «Материалы по выселению граждан немецкой национальности (доклады, докладные записки, справки и итоговая сводка о ходе операций по переселению)», в том числе и из Калмыцкой АССР [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86]. В частности, «Докладная записка наркома внутренних дел Калмыцкой АССР Г. Я. Гончарова, начальника КРО НКВД Калмыцкой АССР Короткова начальнику 2-го управления НКВД СССР П. В. Федотову об итогах переселения лиц немецкой национальности из Калмыцкой АССР. 22 декабря 1941 г. [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 43–45] и др.

В Государственном архиве Волгоградской области интерес представляют документы фонда № 283. Здесь хранятся церковные книги о рождении и смерти из описи «Лютеранско-Евангелическая церковь в колонии Сарепте Царицынского уезда Саратовской губернии» [ГА ВО. Ф. 283. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4]. В фонде «Почтово-телеграфные конторы и отделения Саратовского почтово-телеграфного округа» интересны данные о переписке жителей Сарепты и подписке их на периодические издания, характеризующие общий уровень образования колонистов [ГА ВО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2; ГА СО. Ф. 374. Оп. 1. Д. 137].

Архив гернгутского братства Сарепты стал формироваться с первых десятилетий его существования. Даже после разграбления Сарепты войсками Е. Пугачева документы были собраны и сохранены. В 1892 г. ликвидирована была братская община, и архив Сарепты был перевезен в Германию в г. Гернгут, на месте осталась лишь часть церковных книг, которые хранятся в ГА ВО в фонде 283. В 1990-е гг. благодаря сотрудникам Музея-заповедника (далее – МЗ) «Старая Сарепта» была налажена переписка с Правлением архива братской общины г. Гернгута, получены копии документов по истории Сарепты и Каталог документов сарептской общины за 1765–1892 гг. Ныне в архиве Историко-культурного и архитектурного музея-заповедника «Старая Сарепта» (г. Волгоград) хранятся ценные источники по истории этой колонии гернгутеров. Так, в архиве сохранились немецкоязычные труды А. Глича, Х. Зутера и Х. Хафы и их рукописные переводы на русский язык.

Работа сарептского архивариуса Христлиба Зутера «Geschichte des Etablissements der Evangelischen Brüder zu Sarepta in dem (damals) Astrachanischen Gouvernement, 1765–1775» (= «История поселения евангельских братьев в Сарепте в (тогдашней) Астраханской губернии, 1765–1775») была задумана как история первых десяти лет существования колонии. Х. Зутер прибыл в Сарепту с первой колонной переселенцев в 1766 г., знал ее историю с первых дней, и его труд является ценным источником. Работа охватывает период от основания Сарепты до 1775 г.

«История поселения евангельских братьев в Сарепте» в обработке Отто Тайгелера была опубликована в приложении к журналу *Unitas Fratrum* [Suter 2003]. Она переведена на русский язык О. В. Зайончковской.

В работе школьного инспектора и помощника проповедника сарептской общины Александра Глича «*Geschichte der Brüdergemeine Sarepta im Östlichen Russland während ihres hundertjährigen Bestehens*» («История братской общины Сарепта в Восточной России в течение ее столетнего существования») дается обзор 100-летней истории колонии с 1765 г по 1864 г. Работа издана готическим шрифтом в г. Ниски (Саксония) в 1865 г. В архиве МЗ «Старая Сарепта» хранится рукописный перевод книги А. Глича с немецкого языка, осуществленный в 1992 г. Л. М. Донской [Glitsch 1865]. Работа немецкого теолога и публициста Олафа Хервига Хафы «*Die Brüdergemeine Sarepta. Ein Beitrag zur Geschichte des Wolgadeutschtums*» является его диссертацией, которую он защитил в 1936 г. и опубликовал в Бреслау (Вроцлаве). В работе на немецком языке дается исторический очерк основания Сарепты, ее развития, расцвета, упадка, и сведения о роспуске братской общины. Диссертация переведена в 1992 г. с немецкого языка на русский О. В. Зайончковской [Hafa 1936]. К сожалению, рукописные переводы с немецкого языка до сих пор не изданы отдельными книгами.

При освещении вопросов депортации немцев Калмыкии были использованы материалы, хранящиеся в фонде 9 Архива Информационного центра МВД Республики Калмыкия [А ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 43, 44].

В ходе работы привлекались к исследованию *правительственные документы XVIII–XIX вв.*, включая указы [Именной указ 1721; Именной указ 1751; Именной указ 1763; Указ 1721; Указ 1751; Указ 1766; Указ 1800; Указ 1806; Сенатский архив 1888], определившие льготные условия для иностранных переселенцев и регулировавшие территориальные вопросы; законодательные и нормативно-правовые акты [Доклад Сената 1764; Манифест 1702; Манифест 1762; Манифест 1763; Жалованная грамота 1767; Жалованная грамота 1752; Жалованная грамота 1797; Правила 1825;

Положение 1834; Привилегии 1800; Инструкция 1763], определившие права и «преимущества» иностранных колонистов, а также систему управления калмыцким народом; данные переписки официальных лиц, содержащие материалы о конкретных фактах из жизни немецких поселений [СРИО 1889]. Также использовались официальные документы, связанные с осуществлением депортации немецкого населения в 1941 г. и затем мерами по его реабилитации, повлиявшие на судьбу российских немцев [Приказ НКВД 1941; Распоряжение СНК 1941; Указ 1948; Депортированные в Казахстан 2022; Декларация 1989; Постановление 1986] и другие документы, оказавшие значительное влияние на развитие культуры немецкого населения [Постановление ВЦИК 1920; Постановление 1918; Декрет 1919; Постановление Оргбюро 1938а; Постановление Оргбюро 1938б; Постановление Оргбюро 1938в; Постановление Политбюро 1939].

При исследовании истории немецких колоний на границах калмыцких кочевий важное значение имели *статистические источники*, опубликованные в разные годы статистическим комитетом или учеными-статистиками [Бентковский 1873; Саратовская губерния 1862; Памятная книжка 1898], и данные переписей населения [ВПН 1926, IV; ВПН 1926, V; ВПН 1937; ВПН 1939; ВПН 1959; Итоги 1991; Общий свод 1897, ПВПН 1897].

В работе также были использованы сборники *опубликованных архивных документов*, среди которых сборник материалов, характеризующих социально-экономическую, политическую и религиозную жизнь немецкого населения Северного Кавказа в последней четверти XVIII – середине XX в., среди которых и документы о немцах Большедербетовского улуса [Немецкое население 2002], сборник документов по истории немецкой диаспоры в России с 1763 по 1992 гг., отражающих законы, принятые царскими правительствами, формирование национальной государственности; депортацию и реабилитацию немецкого народа, особенности национальной политики ЦК КПСС, положение немцев в республиках бывшего СССР

[История российских немцев 1993]; а также сборник основных документов, отражающий жизнь и деятельность немецкого населения в России и содержащий документы, принятые по этим вопросам высшими органами государственной власти и военным командованием России [Немцы в истории 2006]; материалы, отражающие историю спецпереселения немецкого населения в начале Великой Отечественной войны в восточные районы СССР [Депортированные в Казахстан 2022; Из истории депортаций 2019]. Особое значение для анализа административного подчинения поселений немцев в Калмыцкой степи, топонимического материала имеют сборники материалов по административно-территориальному делению Ставропольского края и Республики Калмыкия, включившие большие блоки документов, позволяющие восстановить историю края и республики [Административно-территориальное 2008; Республика Калмыкия 2019].

К работе также привлекался *картографический материал* [Карта 1869; Карта 1878; Карта 1893; Карта Царицынского; и др.], позволивший наглядно уточнить территории исследуемых немецких поселений. При проведении анализа использованы полевые материалы автора, собранные во время работы с информантами немецкого происхождения — потомками переселенцев в Калмыцкую степь, проживавших в Немецком-Хагинском Большедербетовского улуса.

Дополнительные сведения были почерпнуты из *травелогов путешественников*, в разное время побывавших в Нижнем Поволжье [Измайлов 1805; Аксаков 1988; Духовников 1893; Потоцкий 1936; Немирович-Данченко 1877; Немирович-Данченко 1903; Попов 1893; Сабуров 1835; Салтыков 1827; Шевченко 1977; и др.]. Травелог подразумевает различные жанры: путевой дневник, путевые очерки, записки, дорожный журнал, отчет об экспедиции и т. д. Термины «литература путешествий» и «травелог» в большинстве случаев употребляются практически как синонимы, но при этом некоторые исследователи не без оснований считают необходимым их различать [Печерская 2016: 10]. Русские романтики 20–30-х

гг. XIX в., выстраивая мир по принципу «расподобления обыденного», пытаются найти свой эквивалент западноевропейского ориентализма. Их внимание привлекают прежде всего такие территории, природа и культура которых вполне соответствуют поэтическому эталону, заданному байронической поэмой, — Кавказ, Крым, Бессарабия [Меднис 2016: 22].

Немало травелогов посвящено российским немцам, поволжским колониям, основанным в 1760–1770-е гг. (Mutterkolonien — «материнским колониям») и дочерним поселениям (Töchterkolonien — «дочерним колониям»). Немецкий мир Поволжья, особенно Сарепта, привлекали внимание современников — путешественники, литераторы, ученые. Исследователи, изучающие историю российских немцев, часто цитируют И. С. Аксакова, А. Ф. Воейкова, В. А. Жуковского, П. С. Палласа, И. И. Лепехина, С. Г. Гмелина [Аксаков 1988; Воейков 1822; Лепехин 1771; Гмелин 1777; Паллас 1809; и др.]. Свои произведения посвящали немцам также В. В. Измайлов, А. А. Коринфский, Н. С. Лесков, Н. Н. Лендер, А. Ф. Леопольдов, Вас. И. Немирович-Данченко и др. [Измайлов 1805; Коринфский 1903; Леопольдов 1839; Немирович-Данченко 1877; Лендер 1889; и др.].

Использованный комплекс различных видов источников позволил осветить широкий круг проблем по истории немецких локальных групп в Калмыцкой степи.

Глава II. Немцы-гернгутеры в Калмыцкой степи в XVIII – конце XIX в.

2.1. Переселение немцев в Российскую империю: краткий очерк

Если первые упоминания о немцах на Руси относятся к IX в. [Немцы России 1999: 10], а с конца XII в. в русских городах оседали немецкие торговцы, ремесленники, представители других профессий, то значительное число немцев мигрировало в Россию уже в XV–XVI вв., в период правления Ивана III и Василия III. В Москве, а затем и в других городах появились так называемые Немецкие слободы [Немцы России 1999: 10].

Начало XVIII в. было ознаменовано модернизацией российского общества. Одной из причин приглашения иностранцев в Россию стала нехватка кадров и вообще рабочих рук. Реформы Петра I высветили множество проблем, одной из которых был недостаток людских ресурсов, в том числе специалистов, что и определило издание манифеста императора о вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания [Манифест 1702: 192–195]. Прежде всего требовались военные специалисты (поскольку шла Северная война), чтобы «обезопасить пределы Наши от нападения неприятельского» [Манифест 1702: 193]. Манифест должен был «побудить иноземцев... купно с прочими государству полезными художниками к Нам приезжать, и как в Нашей службе, так и в Нашей земле оставаться» [Манифест 1702: 193].

Преобразования в стране, предпринятые Петром I, нуждались в притоке иноземцев. При Петре Первом иностранцы, особенно из германских государств, привлекались на службу в армию, на флот и занимались большей частью мануфактурой, получая хорошие привилегии, к примеру, освобождение от податей, от воинской повинности, что получили немцы колонии Сарепта в 1765 г., а в 1793 г. император Павел I дал право жителям Сарепты торговать по всей стране [Нейдгардт 1862: 90–91].

Выписывал и приглашал император не только военных специалистов, но и, к примеру, профессионалов в области сельского хозяйства, судя по

указу Петра от 28 апреля 1721 г., даже специалистов, использовавших косы, а не серпы [Указ 1721: 513–514].

В то же время обширные степные пространства на юге и юго-востоке России, не принося государству выгоды, являлись для него источником постоянных беспокойств. Почти незаселенные оседлым земледельческим населением степи были опасны набегами кочевых народов на соседние русские области. По мнению Г. Г. Писаревского, исторический опыт продолжительной борьбы со Степью показал правительству, что лучшим средством для укрепления за собой степных окраин, извлечения из них возможных выгод и водворения спокойствия является их колонизация, одновременно военная и земледельческая [Писаревский 1898: 101].

Причиной вызова и приглашения иностранцев в Россию была не только нехватка трудовых ресурсов. При Екатерине II причиной приглашения иностранцев являлась еще и острая необходимость заселения новых земель (Новороссии и Северного Кавказа), полученных в результате благоприятного исхода русско-турецких войн, «в связи с ликвидацией угрозы турецкого вторжения полным ходом развернулась колонизация и других регионов — Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и т. д.» [Кабузан 1989: 22].

Переселение иностранцев производилось царским правительством (при Екатерине II, Павле I и Александре I) с целью заселения степей Южной России, откуда вытеснялись кочевые народы. Планомерно заселить эти земли русскими крестьянами, по мнению Л. В. Малиновского, не представлялось возможным: нельзя было удержать крепостного крестьянина на новом месте, в необжитой степи, не предоставляя ему в то же время личной свободы и экономических преимуществ по сравнению с другими помещичьими и даже государственными крестьянами, а это неизбежно привело бы к подрыву основ крепостнического порядка [Малиновский 1968: 97]. То есть сдерживающим фактором заселения окраин являлось крепостное право [Кабузан 1989: 22].

Поэтому правительство в широких масштабах приглашало иностранных колонистов — немцев, французов, шведов, болгар, сербов и т. п. К примеру, 24 и 29 декабря 1751 г., Елизаветой Петровной были подписаны два указа, касающихся переселения сербов [Именный указ 1751: 552–558; Указ 1751: 570–577].

Это были поначалу военные поселения, хотя и первый пример земледельческого водворения иностранцев в России также относится ко времени императрицы Елизаветы, он находился в прямой связи, по мнению А. А. Клауса, с тогдашней политикой государства в отношении Польши и Турции [Клаус 1869: 4] — новые земли нужно было обживать.

Необходимость оградить южные границы империи от вторжения турок побудила Петра I вызвать на русскую службу сербов; то же повторено было императрицей Анной Иоанновной; позже, в царствование Елизаветы Петровны, из пришедших волохов, грузинов, болгар и греков образованы были военные пограничные поселения; к ним постоянно присоединялись новые партии славянских выходцев, преимущественно сербов, и таким образом в 1765 г. вся Новороссийская Степь была окаймлена цепью военно-земледельческих поселений. С царствования Екатерины II началась «систематическая колонизация в России» [Благовещенский 1850: 6].

Манифест от 4 (15) декабря 1762 г., ставший началом исторического переселения немцев в Россию, ожидаемого эффекта не принес: в нем отсутствовали гарантии и привилегии со стороны государства [Манифест 1762: 126–127; Герман, Плева 2002: 12]. Поэтому уже в июле следующего года появляются сразу два документа: «Манифест о дозволении всем иностранцам...» и «Указ об учреждении Канцелярии опекунства иностранных переселенцев» [Манифест 1763: 313–316; Именный указ 1763: 312–313; Инструкция 1763].

Июльским манифестом Екатерина разрешила «въезжать и селиться, где кто пожелает», обещала свободное отправление веры и «всякое вспоможение и удовольствие» [Манифест 1763: 313–314]. А в Европе, особенно в

Германии, уже имелись экономические и политические предпосылки к переселенческому движению из страны в Российскую империю: после бесконечных войн, особенно после Семилетней войны (1756–1763), хозяйство средне-европейских государств было крайне расшатано [Зиннер 1925: 2], раздробленность Европы на мелкие государства и ограничение свободы ремесла тормозили развитие торговли и рост благосостояния, не было и сильной промышленности, которая поглотила бы излишек населения. По мнению Я. Г. Штаха, сказались и высокие таможенные пошлины на грузы через портовые города²⁹, особенно хлебные грузы, а также застой в торговле, обнищание купцов, ремесленников и мелких промышленников [Штах 1916: 14–15]. Из этого положения, по мнению П. И. Зиннера, имелся один выход — переселение в Америку или Россию. Агитация агентов русского правительства, посланных за границу для вербовки переселенцев, направила переселенческую волну в Россию [Зиннер 1925: 2].

Опубликованные на нескольких европейских языках манифесты Екатерины II активно распространялись по Европе. В нескольких немецких городах были организованы сборные пункты, откуда переселенцы направлялись в портовые города: Любек, Росток, Бремен. И далее морем на парусных судах в Россию. По прибытии в Ораниенбаум или Петербург они были доставлены на место назначения, в Саратов [Зиннер 1925: 2].

Имелись сведения, что первые партии колонистов поселились в Саратовской и будущей Самарской губернии. Согласно А. А. Клаусу, были основаны 102 колонии с 1764 г. по 1766 г. При этом часть немцев поселилась в Черниговской, Воронежской, Лифляндской и Петербургской губерниях [Клаус 1869: 14; Энциклопедический словарь 1898: 673]. По данным С. А. Чекменева, 102 колонии было создано не за 2 года, а за период с 1764 г. по 1865 г., то есть за 100 лет [Чекменев 1971: 243]. Эти данные С. А. Чекменев приводит со ссылкой на Б. М. Городецкого [Городецкий

²⁹ Пруссия добилась того, что г. Данциг был причислен к тем польским владениям, которые подпали под господство Пруссии. В то время Данциг играл крупную роль в экспорте хлеба, и половина всего экспорта из Польши прошла через него [Штах 1916: 14].

1915: 358]. Причиной колонизации ученый назвал попытку царизма ускорить освоение новых земель любыми средствами, в том числе и заселением иностранных колонистов [Чекменев 1971: 243].

Более поздний манифест Екатерины (14 июля 1785 г.) «О дозволении иностранцам селиться по городам и селениям Кавказской губернии и отправлять беспрепятственно торги, промыслы и ремесла свои» также был опубликован в заграничных газетах [Манифест 1785]. Он приглашал иностранцев водворяться в Кавказской губернии, при этом гарантировались права гражданства, веротерпимость и освобождение на 6 лет от налогов. Энергичные люди из обедневшей массы населения Данцига, откликнувшись на посулы в манифесте, обратились к «тамошнему русскому резиденту Петерсону» с просьбой отправить их на поселение в Россию, причем они выразили желание поселиться не на Кавказе, а в Херсонской губернии, т. е. в Новороссии [Штах 1916: 15]. Скоро об этом движении в Данциге узнал и генерал-губернатор Новороссийского края князь Г. А. Потемкин, который еще раньше энергично хлопотал о заселении вверенного ему края [Штах 1916: 15].

Планы организовать земледельческие колонии, как подтверждает Я. Дитц, впервые появились в конце царствования Елизаветы и осуществлены Екатериной Второй. В начале царствования последней в Среднем и Нижнем Поволжье начались восстания и бунты крепостных крестьян, против которых были приняты крутые меры, и волнения улеглись [Дитц 1997: 23]. Но, как показала «последующая пугачевщина со всеми ее ужасами, не так-то легко было умиротворить Поволжье с его беспокойным населением. Умная Екатерина понимала всю опасность положения» этого края: спустя пять месяцев после вступления на русский престол она «решилась заселить его спокойными и надежными колонизаторами» [Дитц 1997: 23].

П. И. Зиннер в историческом очерке «Немцы Нижнего Поволжья» в главе «Причины колонизации» видит их в стремлении правительства

Российской империи к расширению восточных границ: в вековой борьбе с кочевыми народами юго-востока Европы (татарами, киргизами, калмыками и др.) московскому торговому капиталу в XVI в. удалось, наконец, захватить великий водный путь — Волгу на всем протяжении, от истока до устья. Чтобы удержать за собой всю власть над этим путем, московское и, позднее, петербургское правительство стремилось к продвижению восточных границ возможно далее к востоку, в приуральские, зауральские и даже в переднеазиатские степи. Это делалось с целью оттеснения вглубь Азии «полудиких, свободолюбивых народов» путем заселения захваченных у них территорий и создания, таким образом, оплота против попыток последних к нападениям, наездам [Зиннер 1925: 1].

Постепенно правительство, по мнению П. И. Стручалина и Н. А. Смирновой, «установило контроль над кочевыми народами, и обстановка становилась более безопасной для пришлого мирного населения, хотя набеги продолжались до конца XVIII в.» [Стручалин, Смирнова 2015: 35].

Потребность в подкреплении пограничных сил России на юго-западе и невозможность достигнуть этого переселением из самой России побудили императрицу Елизавету Петровну поручить полковнику австрийской службы Ивану Хорвату-Откуртичу³⁰, которому был пожалован за услуги чин генерал-майора, нанять за границей полки «из сербов» [Жалованная грамота 1752: 581–584]. Полтора месяцами ранее, 24 и 29 декабря 1751 г., Елизаветой Петровной были подписаны: именной, данный Сенату указ «О принятии в подданство сербов...» [Именной указ 1751: 552–558], а также сенатский указ (вследствие именного) «О поселении на российских границах приходящих сербов» [Указ 1751: 570–577]. Оба документа обозначили границы поселений новых иностранцев. Их поселили «на Украине, за Днепром», особыми округами (ротами). А местность в Екатеринославской губернии, где они водворились, получила название «Новой Сербии». В

³⁰ Иван Самойлович Хорват-Откуртич (1713–1786) — российский государственный деятель, руководитель заселения Новой Сербии, получившей позже название Новороссии.

1764 г. Новая Сербия переименована в Новороссийскую губернию [Клаус 1869: 6].

При следующих императорах (Екатерине II и Александре I) приобретенные огромные степные пространства нужно было оживить оседлым земледельческим населением. «...колонизация исключительно русскими силами тогдашних окраин империи потребовала бы такого периода времени, выждать который казалось правительству несовместным с пользами и потребностями государства. И вот где начало колонизации из-за границы», — писал А. А. Клаус [Клаус 1869: 6].

Для поселения новых мигрантов — немцев — была назначена местность между Доном и Волгой: согласно Высочайше утвержденному докладу Сената от 19 марта 1764 г. «О размежевании земель, назначенных для поселения выезжающих иностранцев», это были земли «от острова Чердынского до Царицына, от Царицына до крепосцы Донской и далее до Безымянной реки, впадающей в Дон, потом до реки Медведицы, и далее до Хопра, а от Хопра до реки Битюга», «до Новохоперской, а оттуда вверх по Хопру... до Саратовского уезда» и далее «по малым рекам до Безымянной реки, впадающей в Волгу против острова Гордымского³¹» [Доклад Сената 1764: 649–650; Клаус 1869: 11–12; Энциклопедический словарь 1898: 673].

Водворение иностранцев производилось 60-70-верстными округами, места для поселения давали так, чтобы на ней могло водвориться до 1 000 семей; надел для семьи ограничивался 30 десятинами, но каждой колонии предлагались запасные земли «для будущих детей» [Доклад Сената 1764: 649–650; Клаус 1869: 11; Энциклопедический словарь 1898: 673]. На новых поселенцев возлагались задачи создания образцовых хозяйств с улучшенными способами земледелия.

Таким образом, немцы появились на территории российского государства не в результате пресловутого «натиска на Восток», а по приглашению царствующего дома [Айсфельд 2010: 13].

³¹ У А. Клауса обозначено как: Гордынский [Клаус 1869: 11].

Путь из Германии был труден, многие мигранты, как отмечают исследователи, не смогли добраться до цели: из Германии на Волгу вышло 27 тысяч человек, после водворения в колониях к 1 января 1769 г. оказалось 23 246 душ [Дитц 1997: 61]. По сведениям П. И. Зиннера, в 1764–1773 гг., то есть почти в течение 10 лет, было поселено в 106 колониях около 8 000 семейств с 27 000 душ обоего пола. 43 колонии были основаны самим правительством, а 63 — частными вызывателями [Зиннер 1925: 3]. Почти через полвека количество немцев на Нижней Волге увеличилось до 120 тысяч человек. В путеводителе «Волга: от Твери до Астрахани» (1862 г.) сообщалось, что колонистов в Нижнем Поволжье «считается до 120 т. душ, из них более двух третей — лютеране, за ними идут реформаты, и очень мало католиков» [Боголюбов 1862: 353].

А уже к концу XIX в. в России существовало свыше 2 тысяч немецких колоний-поселений. Немцы составляли, по данным энциклопедии «Немцы России», 1,42 % от всего населения империи и являлись восьмой по численности национальностью в стране [Немцы России 1999: 10].

После Первой мировой войны на основании Брест-Литовского договора российские немцы получили право вернуться на «старую» родину, в Германию. Германское правительство склонно было рассматривать всех колонистов как реэмигрантов и готово было взять их под свое покровительство. Чтобы не допустить этого, советскому правительству необходимо было срочно установить свою власть в немецких колониях. Поэтому в Саратов были командированы коммунисты — бывший немецкий военнопленный Э. Рейтер³² и австрийский военнопленный К. Петин для организации немецкой автономии на советских началах [Усанова 1993: 40]³³. И. Фляйшхауэр назвала Эрнста Рейтера и Карла Петина военнопленными немецкими социал-демократами [Fleischhauer 1986: 591].

³² Эрнст Рудольф Иоганнес Рейтер (Ройтер) — немецкий социал-демократ, нарком и председатель Поволжского комиссариата по немецким делам в АССР немцев Поволжья в 1918 г., в 1948–1953 годах — правящий бургомистр Берлина. Во время первой мировой войны попал в плен, примкнул к большевикам.

³³ См. также: [Корн 2008].

30 апреля 1918 г. Э. Рейтер и К. Петин создали в Саратове Поволжский Комиссариат по немецким делам. 19 октября 1918 г. декретом была провозглашена автономная область (Трудовая коммуна) немцев Поволжья (АО НП), в феврале 1924 г. преобразованная в АССР немцев Поволжья.

Таким образом, немецкая автономия образовалась распоряжением «сверху», при активной поддержке советского правительства, а также под давлением большевистской агитации Поволжского комиссариата [Усанова 1993: 41; Вашкау 1994: 27]. Поскольку целью образования республики было установление советской власти в немецких колониях, то самоуправлению отводилась второстепенная роль.

Также были созданы немецкие национальные районы в РСФСР (в Алтайском и Красноярском краях, Оренбургской и Крымской АССР) и Украинской ССР — в Днепропетровской, Николаевской и Одесской областях. Это в известной мере создавало возможности для развития немецкого национального компонента в России и других союзных республик. Однако, как отмечают исследователи, этот процесс натолкнулся на жесткое сопротивление авторитарной системы [Немцы России 1999: 11].

В конце 1920-х гг. была проведена реформа административно-территориального деления в стране, важным посылом являлось экономическое районирование, в связи с чем были созданы крупные административно-территориальные единицы — области и края, среди которых и Нижне-Волжский край. Входившие в него «Немецкая республика и Калмыцкая область оставались самостоятельными единицами, и их внутреннее устройство было прежним, определённым их конституциями» [Герман 2007: 241].

Как указано в предисловии к упомянутой выше библиографии Ф. П. Шиллера 1927 г., посвященной российским немцам, «на нынешней территории Советского Союза, по последним статистическим данным,

находится 2 042 немецких поселения с населением около миллиона человек»³⁴ [Schiller 1927: 1].

Основные места расселения немцев в России — это не только Среднее и Нижнее Поволжье, но и Волынь, Закавказье, Северное Причерноморье, а с конца XIX в. — и Северный Кавказ, и Сибирь. Из-за территориальной разобщенности немцев-колонистов и различных особенностей их исторического развития, как отмечают исследователи, они делились на несколько групп по социальному, территориальному и конфессиональному признакам: поволжские немцы; украинские немцы — выходцы из Причерноморья, зачастую разделяющиеся по конфессиональному признаку на лютеран и католиков; волынские немцы; бессарабские немцы; кавказские немцы (или швабы из Баден-Вюртемберга) и меннониты — особая этноконфессиональная общность [Герман, Плева 2002: 6].

2.2. Появление членов религиозного братства на юге Российской империи: причины и последствия

В середине XVIII в. юго-восток, юг и юго-запад европейской части России «состояли из степей, образовавших как бы посредствующий пояс между нами и постоянным кочевьем орд башкир, киргиз-кайсаков и калмыков в нынешних губерниях: Оренбургской, Уфимской, Самарской и Астраханской; ногаев и вообще татар в Кубанской области, по побережью морей Черного и Азовского и в Крыму... Русское оседлое население было весьма редкое даже в большей части нынешней Саратовской губернии» [Клаус 1869: 4].

А. А. Дульзон считает, что «на левобережье Волги *немцы были дорусским населением* Поволжья. Территория, которую они занимали, вероятно, считали своей кочевые племена калмыков и киргиз-кайсаков» [Дульзон 2012].

³⁴ Перевод мой. — Р. С.

То есть для Поволжья характерна большая пестрота этнических традиций и значительный диапазон их вариативности: русские и татары, чувашаи, мордва и марийцы, калмыки, немцы и казахи. И в результате длительного межэтнического контакта в Поволжье складывается своеобразный «культурный тип», отличающийся большой толерантностью к иноэтническим компонентам [Шишкина 2004: 155–156].

В начале XVII в. этнический состав нижеволжского региона пополнился калмыками, перекочевавшими из Центральной Азии. Официальной датой добровольного вхождения калмыцкого народа принято считать 1609 г. [История Калмыкии 2009, I: 265] Приход калмыков на Волгу одни исследователи датируют 1632 г. [Стручалин, Смирнова 2015: 35], отмечается, что первым появился тайша Лоузан [История Калмыкии 2009, I: 306]. По другим данным «первым в 1630 году вышел на Волгу сам Хо-Урлюк, а не его сын Лоузан» [История Калмыкии 2009, I: 306]. Приводились и другие данные. Так, А. Н. Минх в объемном, 5-томном (каждый том имеет несколько выпусков) «Историко-географическом словаре Саратовской губернии» (1898–1902), в томе «Южные уезды» (Вып. 3, 1901 г.) называет более раннюю дату: *С 1616 г. кочует по астраханским степям монгольское племя калмыков, многочисленные единоплеменники которых обитали на северных отрогах Гималайских гор до берегов озера Балхаша и отсюда далее в северную Сибирь, а к западу их кочевья простирались до границ Русских и Бухарских владений. Все монгольские племена совокупно (говорит летопись колонии Сарепты, в волостном правлении) разделяются на 9 знамен или цветов, из коих восточным принадлежат 5, а западным — 4 цвета* [Минх 1901: 891].

Первое поселение немцев, представителей религиозной общины из Гернгута (Саксония, Германия), на территории калмыцких кочевий появилось в 1765 г., в 26 верстах южнее г. Царицына. Свою колонию новые

поселенцы нарекли Сарептой по названию речки и озера Сарпа, созвучному библейскому городу Сарепта Сидонская³⁵.

Главной причиной своего переселения в Россию и создания нового форпоста община считала проповедь Евангелия, миссионерскую деятельность среди калмыков и других этнических групп России, поиск «пробужденных» среди христианских единоверцев [Медведев 2018: 2; Медведев 2007: 92].

Цель основания этой колонии, как отметил Нейдгардт³⁶, указанный в журнале без инициалов, «в стране дикой и в то время опасной была, как и при основании всех других колоний евангелического братского общества, религиозная — ознакомить нехристианские народы Астраханской губернии со Священным писанием» [Нейдгардт 1838: 246].

Со ссылкой на [Нейдгардт 1838: 246] В. Благовещенский добавил: *«колония эта, получившая название Сарепты, имела еще цель религиозную: ... распространить Христианское учение между нехристианскими народами Астраханской губернии; вследствие чего оно сблизилось было с Калмыками, сбывало им свои произведения и посылало к ним миссионеров, но вскоре, встретив сильные препятствия, принуждено было отказаться от своих благочестивых видов»* [Благовещенский 1850: 21].

А. А. Клаус называл Сарепту крайним на востоке форпостом религиозно-экономической ассоциации, известной под наименованием «Общества Евангелических братьев», *Brüderunität*» [Клаус 1869: 57]. Сарепта создавалась как миссионерское торгово-промышленное, а не земледельческое поселение [Медведев 2007: 95].

³⁵ Сарепта Сидонская (Царфат, Церпата) — город на юге Ливана, между древними городами Сидоном и Тиром (Суром). Ныне на месте Сарепты сохранились лишь руины древних построек. Современный город переместился и называется Сарафанд. В 1920 г. российская колония Сарепта стала поселком (некоторые энциклопедические словари именуют его городом) Красноармейском, вошедшим в состав Сталинграда в 1931 г. В этимологическом словаре М. Фасмера поясняется, что калмыцкое название Сарепты — *Saksūn* (от нем. *Sachsen* ‘саксонцы, Саксония’) [Фасмер 1971: 562]. По словам П. П. Попова, калмыки называли Сарепту *Саксун Хютр* ‘Саксонский хутор’ [Попов 1994: 151]; калм. *күүтр* (кю́тр) — ‘хутор’ [КРС 1977: 331].

³⁶ Вероятнее всего, Петр Петрович Нейдгардт, статский советник, писатель по статистике в 1862–1869 г.; до 1870 г. секретарь Санкт-Петербургского губернского статистического комитета, автор трудов «Список земельных владений Санкт-Петербургской губернии», «Список земельных владений Новоладожского уезда», составитель путеводителя по Волге (1862 г.) в восьми частях [Нейдгардт 1862].

Доклад Г. Г. Орлова, президента Канцелярии опекунов иностранных, «О правилах для поселения в России братского Евангелического общества» основывался на прошении от делегата Братского общества Петра Кодрата³⁷ Фриза [О правилах для поселения 1765: 151–160]. Община просила разрешить им: 1) пользоваться всеми правами и преимуществами, которыми пользуются другие свободные землевладельцы в России; 2) строить на своей земле города, села и деревни, дороги, а также церкви, училища и дома духовного назначения, 3) учреждать свою внутреннюю полицию в поселениях и внутреннее правление под «надзором» губернатора; 4) свободно торговать, заниматься ремеслом, основывать фабрики и мануфактуры и др.; 5) ограничить права других людей в строительстве на избранной гернгутерами земле каких-либо строений; 6) поселянам беспрепятственно получать паспорта для безопасного проезда; 7) не призываться на военную и гражданскую службу и не выполнять повинности, связанные с обеспечением военных; 8) в течение 30 лет быть свободными от налогов; 9) для строительства получить беспроцентную ссуду и помощь в виде «мастеровых людей из Российских подданных»; 10) свободно выехать обратно из России при желании, оплатив налог казне в виде определенной части от нажитого в России имущества; 11) пользоваться льготами для агента гернгутеров, который будет при надобности проживать в Санкт-Петербурге [О правилах для поселения 1765: 151–154]. По мнению графа Г. Г. Орлова, все испрашиваемое можно было колонистам разрешить при соблюдении определенных условий.

В докладе отмечалось, что в апреле 1765 г. «общество Евангелического братства.., приняв намерение о заведении особого в Астраханской Губернии селения, прислало ... в С. Петербург людей, которым надлежит положить делу сему начало, в пользу нового того селения, утверждаясь на ... указе, данном им 11 Февраля прошлого 1764 года, а наипаче на полученном

³⁷ Так в документе. Речь о представителе (агенте) Братства во взаимодействии с государственными органами — Петере Конраде Фризе (Peter Conrad Fries).

дозволения, чтоб поселиться им в областях Вашего Императорского Величества, где пожелают, и совершенною пользоваться вольностию в своем законе и в публичном отправление веры» [О правилах для поселения 1765: 152].

Поселение немцев-гернгутеров позникло на территории калмыцких кочевий ниже Царицына по реке Сарпе. Поэтому вопрос о том, какие земли разрешалось занять гернгутерам, довольно сложен.

В Манифесте императрицы Екатерины II от 22 июля 1763 г. указывались свободные земли, на которых предлагалось разместить колонии иностранцев, в том числе от Саратова вверх по реке Волге примерно до р. Иргиз, а также от Саратова вниз по Волге: «ниже речки Мухар-Тарлика, при довольной же пахотной земле, для сенокосов 6 366, да лесу дровяного и для строения годного, 94 десятины...». Далее следовал список выделяемых земель по различным рекам и речкам, среди которых не упоминалась (Шорва (Сарпа). Всего «угодных к выделению мест» в Астраханской губернии предлагалось более 70 000 десятин [Манифест 1763: 316].

В 1765 г. при поселении сарептян в докладе Г. Г. Орлова отмечалось мнение Канцелярии опекунства иностранных: «Тою землею, которая будет братьям... для поселения их отведена и на оную дача учинена будет, владеть им дозволяется по их благоизобретению с совершенною в том вольностию, изъемя одну только ту свободу, чтоб никому посторонним и не принадлежащим к их колонии и Обществу людям ни малейшей части из той дачной их земли не продавать и ни под каким видом не уступать» [О правилах для поселения 1765: 155].

Через два года своей «Жалованной грамотой Сарептскому Евангелическому обществу Аугсбургского вероисповедания» от 27 марта 1767 г. Екатерина II пожаловала «в вечное владение» территорию по течению Волги «ниже города Царицына в 27 верстах при реке Сарпа», которая состояла из 4 173 десятин и 2 100 квадратных саженой удобной и 1 633 десятин, 1 070 саженой неудобной земли [Жалованная грамота 1767: 62].

Таким образом, «Жалованная грамота» утверждала владение той землей, «которую они сами выбрали».

Однако территория, которая была избрана гернгутерами, входила в территорию калмыцких кочевий, что вызвало конфликт.

Специфика ситуации при основании немецкой колонии состояла в том, что она была вблизи Царицына, а также в том, что она была основана на калмыцких кочевьях, и естественно, калмыки считали своими земли, отмежеванные переселенцам.

Во время переселения немцев в Нижнее Поволжье в этих местах случилась сильная засуха. И именно в этот период кочевья калмыков были распоряжением свыше ограничены нагорной (правобережной) стороной Волги, хотя в этих местах они ранее проводили зимнее время, а летом и весной занимали территории по левобережью Волги: «наместник со всем калмыцким народом оставлен летовать на нагорной стороне, где множество скота их и по тесноте здешней мест ныне же в корме оказывается недостаток как то наместник пришед ныне....» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 386. Л. 60об.–61]. Глава Калмыцкого ханства Убаши обращался с жалобой о том, что астраханское население «ходит со скотом за калмыцкими улусами», и И. Кишенский докладывал в Коллегию иностранных дел, что наместник обращает внимание, что они «взошли ныне в те места, где калмыцкой народ в зимнее время пребывание свое имеет, ... тамошние места вытравливают, ... просит оттуда их сослать в другие места, где они напредь сего обыкновенно в летнее время находились» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 386. Л. 82об.].

Такие жалобы и просьбы наместником Калмыцкого ханства выражались неоднократно. В другом письме И. Кишенский излагал просьбу Убаши: «Наместник ханства Калмыцкого просил меня о сем донести, Государственной коллегии иностранных дел представляя, по необширности для калмыцкого народа на здешней нагорной стороне места, может быть в скоте их великий упадок, особливо де как калмыцкой народ единственно до вольного скота все свое благополучие заключает, а без того оне сами

беднейшиии назваться могут по таковому его наместника представлению и я ... о том Государственной коллегии иностранных дел покорнейше донести если ... калмыцкий народ продолжит на нагорной стороне при самой Волге ...оттого и упадок последовать может» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 386. Л. 61]. Чиновник, глубоко знавший проблемы калмыцкого общества, обращался с просьбой разрешить кочевать калмыкам по левобережью: «наместника ханства и прочих владельцев с калмыцкими улусами ... луговую сторону до наступления ... воды перепустить дабы калмыцкой народ по крайней в скотском корму нужде в скоте ... не мог претерпеть разорения. Отчего легко в сем ветреном народе последовать может великое неудовольствие, а для охранения Кизлярского края с Моздоком ежели потребуется надобность приказать противу прежнего оставить несколько войска» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 386. Л. 61–61об.]. В этом письме указывается одна из причин, по которой калмыкам было приказано кочевать по правобережью Волги в зимнее время: в случае необходимости для государства калмыцкому войску не было необходимости переправляться через реку.

В связи с появлением новых поселений «иностранцев» наместник Убаши заявлял в Коллегию иностранных дел о том, что под поселения отдаются земли калмыцких улусов, на которых они кочевали со времени прихода в Россию [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 369. Л. 72–72об.]. В рапорте в КИД докладывалось о «последовавшем калмыцкому народу от поселившихся на нагорной стороне иностранцев в кочевых местах крайнем утеснении» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 388. Л. 139], о том, что наместник Убаши и «бывшие при нем владельцы табун отоков Бамбар, ... Цебек Дорджи и хошоутов Замьян с немалым прискорбием ... о заселенных иностранцами на нагорной стороне местах так мне отзывались, что они не находят способа где их впредь кочевье иметь да и нынешним летом в прокормлении своего скота все крайне претерпевали...» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 388. Л. 139]. Возмущение высказывалось в связи с тем, что необходимы пути к реке для скота, в связи с

чем определялись специальные прогоны [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 400. Л. 78–78об.].

На основе заявлений наместника Калмыцкого ханства Убаши «осенью 1765 г. в Коллегии иностранных дел был подготовлен „Экстракт, подготовленный по жалобам Убаши“. Из него следовало, что наместник неоднократно жаловался на строительство поселения выше Саратова по р. Иргиз³⁸. Наместник считал, что земли здесь „с самого прихода калмыцкого народа в Россию некогда заселяемы не были и всегда тамо кочевали калмыки безо всякого препятствия и притеснения“. В 1766 г. улусы прикочевали на р. Сарпу к селению Братского евангелического общества, основанного ... на нагорной стороне Волги недалеко от Царицына. ... начались конфликты ... В 1765 г. наместник обратился в Коллегию с просьбой решить вопрос о новых поселениях, возникших на территории калмыцких кочевий... Лишь в феврале 1767 г. И. А. Кишенсков в доношении в Коллегию иностранных дел вынужден был признать ... калмыки „в кочевых своих местах крайнее утеснение терпят“ ... на луговой стороне Волги от Самары до Царицына, где прежде кочевали калмыки, все места заняты селениями, жители которых не допускают калмыков кочевать, из-за этого происходят постоянные ссоры, угоны скота» [Цюрюмов 2007: 313–314].

В условиях такого «утеснения» и появления в 1765 г. новой колонии иностранцев на правобережье Волги, где сложно было прокормиться калмыцкому скоту, а самим калмыкам не потерпеть огромные убытки в хозяйстве, в 1766 г. состоялся конфликт между калмыками и новопоселенцами.

Сотрудник музея-заповедника «Старая Сарепта» В. С. Мягкая пишет, что были «некоторые проблемы среди соседей. Земля, на которой строили Сарепту, ранее принадлежала калмыкам. Теперь же кочевникам надо было смириться с этой утратой, а это было не просто. Калмыки, вооруженные луками, стрелами и ружьями... были опасны для переселенцев. Поэтому

³⁸ Речь идет о землях, расположенных намного дальше от калмыцких кочевий, чем Сарепта.

Сарепта вынуждена была в 1766 году послать братьев Брандта и Броберга к хану Большой Торгутской орды, чтобы изложить свой протест. Когда это не помогло, пришлось апеллировать к коменданту Царицына. После чего братьям не только был возмещен их ущерб, но, что самое главное, они получили покровительственное письмо Хана, заверенное его печатью, в котором говорилось...: „Письмо и печать Убуши. Ни один калмык, как бы он не назывался, не должен растоптать против устья реки Сарпы, где поставлены по приказу пограничные столбы, пашни и другие площади, никому не приносить потери. Писано в 28 день Гашая³⁹ (августа) 1766 года“. Но и этот документ не был в состоянии защитить братьев, хотя копии с него были прибиты к пограничным столбам. Часть калмыков читать не умела, а часть не могла отвыкнуть от мысли, что земля принадлежит не им. Правда, распри продолжались недолго, так как посещать Сарепту калмыки стали всё больше, отчасти чтобы купить табак, отчасти с целью посещения врача, услуги которого они быстро оценили...» [Мягкая 1997: 120].

В. Мягкая не приводит источник при ссылке на письмо наместника Убаши, которое противоречит жалобам, высказывавшимся им в Коллегию иностранных дел. Но известно, что по поводу конфликта, вспыхнувшего в 1766 г. между калмыками, считавшими своей землю у Сарпы, и колонистами, Екатерина II направила грамоту наместнику Убаши.

Грамота Екатерины II была направлена возглавлявшему Калмыцкие дела И. А. Кишенскому, и в указе последнему императрица отмечала, что «впредь для лучшего оных иностранцев охранения от калмык, во время их чрез Волгу перехода, вы истребовали уже от наместника ханства за печатью его и письмо» [СРИО 1889: 202], возмещение ущерба, который приказывалось произвести в грамоте, было произведено, но при последующем нарушении будет неминуемо применено наказание тем, кто будет совершать набег на Сарепту. В грамоте от 2 ноября 1766 г. императрица, не желая понимать аргументы наместника, обвиняла в «разбое»

³⁹ Т. е. день «гаха».

калмыков: «Когда по полученному здесь от тебя, нашего верноподданного, представлению о воображенной тобой опасности могущего быть калмыцкому народу утеснения в местах их пребывания от начавшихся по Волге новых селений достаточные меры приемлются, чтобы калмыцкому народу от оных притеснений не было, и всегда для калмык и скота их известные и довольные места оставались, дошло сюда между тем весьма неприятное известие, что калмыки в бывший их на последи с горной на луговую сторону реки Волги переходе, при заведенном на горной стороне недалеко от Царицына при реке Сарпе селении, которое одно только и есть ниже Царицынской линии, многие и разные обиды оказали, ставя свои кибитки на принадлежащих к тому селению землях, причем, как скошенное сено потравили, так нескошенные луга и весь хлеб потоптали, заборы переломали, виноград и прочие вспаханные поля опустошили, а работников били не смотря, что во всем том им надлежащее запрещение делано было от находившегося при том селении караула. Такие самовольные и общую безопасность нарушающие поступки, ... приводят здесь крайнее неудовольствие. Заводимые при Волге селения, когда при всем том из виду не выпускается того, чтоб для обращения калмыцкого народа довольно удобных и скотопажитных мест оставалось, а впредь и ближайšie к тому определения еще сделаны быть имеют, не должны в калмыцком народе возбуждать никакого сомнения, потому что калмыкам, состоя как известно все их богатство в скоте, подаваться чрез то будет лучший способ сбывать оный с пользою с рук ... По получению Всего нашего высочайшего имп-го указа, имеешь ты, наш верноподданный, через учрежденное в калмыцком народе общенародное правительство приказать исследовать о вышеписанных учиненных калмыками заведенному при реке Сарпе новому селению обидах и все убытки возвратить» [СРИО 1889: 197–198]. В грамоте, помимо приказа о возмещении убытков, повелевалось наместнику, чтобы селение, которое «не великое пространство занимает» [СРИО 1889: 198], калмыки обходили стороною и переходили бы Волгу как можно далее от

этого селения для «пресечения всех случаев, могущих производить впредь несогласия и споры между калмыками и новыми поселенцами» [СРИО 1889: 198]. Наместнику Екатерина II приказала стараться истребить у владельцев «худое понятие, которое некоторые из них воспрять могли бы от сего весьма небольшого ниже Царицынской линии поселения...» [СРИО 1889: 199].

В связи с жалобами, поступавшими в Коллегию иностранных дел от наместника ханства по поводу ущемления в кочевьях из-за вновь созданных поселений в Астраханской губернии, И. А. Кишенскому был направлен указ, в котором повелевалось отмежевать все вновь учрежденные по Волге поселения и обозначить границы для того, чтобы калмыки видели эти пограничные столбы. Жалобы калмыцкой стороны в Санкт-Петербурге рассматривались как надуманные [СРИО 1889: 199–200]. Екатерина II обращала внимание, что в письме Канцелярии опекунства иностранных подданных от 30 сентября 1766 г. отмечались жалобы «поселившихся ниже Царицына при устье реки Сарпы иностранцев, так называемого Братского евангелического общества» [СРИО 1889: 200].

Несмотря на официальные заверения императрицы о том, что власть печется о том, чтобы калмыки не почувствовали «утеснения» в кочевьях, И. А. Кишенский признавал, что «на луговой стороне Волги, где прежде калмыки кочевали от самой Самары до Царицына, едва не все места заняты селениями, поблизости оных калмыков кочевать не допускают, происходят с обеих сторон непрестанные ссоры, грабежи и драки, и захватывают друг у друга людей, а иногда делается смертное убийство» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 369. Л. 73–73об.]. Потому астраханскому губернатору предлагали обеспечить меры, чтобы «за поселяющимися иностранцами наблюдать дабы от них захвата и обид калмыкам происходить не могло и довольствовались местами, отведенными им, не занимая своевольно чинимого излишества [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 369. Л. 74].

Рис. 1. Крепость Сарепта. Гравюра. Рядом с колонией изображены кибитки калмыков.

Источник: <https://sareptamuseum.ru/2023/03/10/сарептская-крепость/>

Рис. 2. Карта «Калмыцкое ханство в 1730–1771 г.»
 Источник: [История Калмыкии 2009, I: карта № 8]

Рис. 3. Фрагмент «Карты Калмыцкой степи 1869 г.» На карте наглядно видно, что кочевья были отрезаны от реки, что являлось предметом споров еще в 1760-е гг.
 Источник: [Карта 1869].

Рис. 4. Фрагмент «Карты Царицынского уезда» по состоянию на 1862 г.
 Сарепта расположена на границе уезда.

Источник:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Царицынский_уезд?oldformat=true&utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera#/media/Файл:Царицынский_уезд.jpg

Таким образом, ситуация была сложной. Указ императрицы должен был неукоснительно исполняться, за спокойствие в крае отвечали чиновники. Однако и они признавали, что обустройство поселений вдоль Волги ограничивает выход к реке, что для скотоводов являлось большой

проблемой. Вместе с тем, власти уже объявили сначала Манифестом от 22 июля 1763 г., затем разрешением, данным посланцам гернгутеров, о том, что они могут выбрать себе место поселения. Потому в 1767 г. последовал указ Екатерины II, согласно которому повелевалось отмежевать земли из калмыцких кочевий новопоселенцам Сарепты.

Территориальный вопрос обусловил стремление колонистов Сарепты возвести крепость, и ее строительство при поддержке властей началось в 1768 г.

События ближайших лет в корне изменили ситуацию. В 1771 г. состоялась откочевка большей части калмыцкого народа в Центральную Азию. В изменившихся условиях вопрос о территориях кочевий калмыков решался иначе. Они были резко сокращены — как по причине уменьшения численности калмыцкого населения, так и в связи с появлением переселенческой волны. Калмыцкое ханство было ликвидировано рескриптом Екатерины II в 1771 г., наместник ханства Убаши возглавил откочевку и был уже далек от территории калмыцких кочевий.

Жалованной грамотой Павла I от 1797 г. были подтверждены права владения Сарептской колонии: «Об утверждении прежних ее прав и преимуществ»: «неоспоримое и вечно потомственное владение землями, под Сарептскую колонию отведенными» [Жалованная грамота 1797: 671–675]. Грамотой утверждалось «сему Обществу неоспоримое и вечно потомственное владение землями, под Сарептскую колонию отведенными и межеванием в свое время утвержденными, со всеми угодьями, к ним принадлежащими» [Жалованная грамота 1797: 671].

Когда на Волгу вернулся Большедербетовский улус, откочевавший ранее на Дон, то Павел I в 1800 г. подписал «Привилегии, данные депутатам Калмыцкой Орды Большого Дербета» [Привилегии 1800: 259]. 27 сентября 1800 г. Сенату был дан указ «Об отводе калмыкам Малаго и Большого Дербета всех земель от Царицына по рекам: Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и взморью» [Указ 1800: 322; Сенатский архив 1888: 656]: в 1800 г.

Павел I принял решение о восстановлении системы наместничества и предпринял попытку упорядочить территориальный вопрос.

Указ Павла I краток, в нем в пользование калмыкам возвращаются все земли, которые они занимали до откочевки в Центральную Азию: «Калмыцким Малаго и Большаго дербета владельцам и другим Калмыцких же орд владельцам и чиновникам, с народом их в Астраханской Губернии кочующим, Всемилостивейше жалуем во владение все те земли от Царицына по рекам: Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и Взморью, и словом, все те места, на коих до ухода за границу Калмыки имели кочевье свое, исключая тех, кои по уходе Именными указами пожалованы» [Указ 1800].

Таким образом, указ Павла I от 1800 г. [Указ 1800] подтвердил решения, данные жалованными грамотами Екатерины II от 1767 г. и Павла I от 1797 г. [Жалованная грамота 1767; Жалованная грамота 1797] в отношении территорий, отведенных гернгутерам. Наместнику калмыцких улусов Чучею Тундутову, утвержденному в этой должности, оспаривать указ самого императора в части отдельных территорий, жалованных грамотами после 1771 г., не имело смысла, так как возвращаемая территория была весьма значительной. К тому же «оставшиеся в России калмыки в силу своей немногочисленности были не в состоянии занять под свои кочевья всю принадлежавшую им ранее огромную территорию. Новое руководство России приняло решение уменьшить отводимую калмыкам территорию. 2 апреля 1802 г. руководитель Государственной коллегии иностранных дел граф В. П. Кочубей уведомил Главного пристава калмыцкого народа Н. И. Страхова о невозможности отвода калмыкам всей обещанной им императором Павлом I земли. Далее он пояснил: когда Павел I издавал указы о восстановлении должности наместника и наделении калмыков землями, то он рассчитывал этим подтолкнуть ушедших в Джунгарию калмыков к возвращению в Россию, но поскольку эти надежды не оправдались, то теперь отпала необходимость в отводе столь огромной территории» [История Калмыкии 2009, I: 465].

В 1803 г. после смерти Чучея Тундутова наместничество было упразднено. И в том же году Александр I повелел Сенату отвести калмыкам «нужное только количество земли, без стеснения в их кочевьях» [История Калмыкии 2009, I: 465]. При этом обращалось на необходимость подсчета необходимой для калмыцких кочевий земли и то, что переданные ранее в частное пользование земли не должны были попасть в передаваемые по новому решению в калмыцкие улусы территории.

В ближайшие же годы территориальный вопрос был решен с учетом указанных ограничений. И в 1806 г. Александр I подписал указ «О назначении земель калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской» [Указ 1806]. В нем границы кочевий были определены после предварительной проработки земельного вопроса астраханскими гражданскими властями, с учетом численности калмыцкого народа, количества скота у калмыков, а с учетом того, что определенные земли были розданы помещикам и переселенцам [Горяев, Команджаев 2012: 119–120]. Согласно указу 1806 г., «для общего кочевья калмыцкого народа была определена нагорная степь, лежащая от Волги на запад, с северной стороны границами были обозначены помещичьи, казачьи земли и земли казенных поселян, с южной стороны границы были очерчены Каспийским морем и рекой Кумой до селения Володимировки и оттуда до реки Канычи, а от нее рубежом земель войска Донского до пределов владений селений Чапурняков и Цацы Саратовской губернии» [Указ 1806: 285]. Таким образом, указом 1806 г. земли под Сарептой и рядом с ней (татарские села Большие и Малые Чапурники в 8–10 км от колонии, далее село с калмыцким названием Цаца в 25–30 км от Сарепты) признавались закрепленными за проживающим в них населением: кочевья калмыков ограничили «до пределов владений селений Чапурняков и Цацы Саратовской губернии» [Указ 1806: 285]. В 1825 г. были приняты «Правила для управления калмыцким народом» [Правила 1825], «Положения по управлению калмыцким народом» 1834 г. и 1847 г.

[Положение 1834; Положение 1847], определившие правовые аспекты управления народом, в том числе и территориальные вопросы.

Сарептинская колония, таким образом, находилась во фронтальной полосе у границы калмыцких улусов: после сокращения калмыцких кочевий было снято противоречие в решении вопроса о землях, занятых переселенцами-гернгутерами.

Таким образом, исторически данное поселение было основано на территории Калмыцкого ханства, и история Сарепты с момента ее появления связана с историей Калмыкии. В последующие годы Сарепта находилась во фронтальной зоне, и ее жители постоянно осуществляли контакты с калмыцким населением.

В 1765 г. первые пять братьев-миссионеров из Гернгута (Германия) прибыли через Санкт-Петербург (сначала отметившись в Канцелярии опекунства иностранных переселенцев), Саратов и Царицын на левый берег реки Сарпа. Здесь они и основали свою колонию.

Колонисты были объявлены свободными от содержания ямов и от всяких поставок в казну, а их дома — свободными от постоя. Все эти особые права и льготы Братства подтверждены жалованными грамотами Екатерины II (27 марта 1767) и Павла I (20 июля 1797), в коих земли, дарованные колонистам, утверждались в их вечное и потомственное владение, и, сверх того, в вознаграждение услуг Братьев Евангелического Общества, прибавлено им несколько тысяч десятин земли в Астраханской губернии [Благовещенский 1850: 20–21].

Названные выше манифесты Екатерины и ее указ 1763 г. стали основой для развития колонизации, причины которой не были понятны ближайшим соседям прибывших иностранцев — калмыкам. В архиве общины в Гернгуте (Моравский архив), частично представленном К. Лангерфельдом⁴⁰ в 2000 г. на международном форуме [Исторические связи калмыков 2001], об этом

⁴⁰ Карл-Ойген Лангерфельд (Karl-Eugen Langerfeld, 1942–2022) — потомок известного сарептского рода, почетный опекун исторического и культурного наследия Нижнего Поволжья.

есть записи, к примеру, из инструкции для братьев-миссионеров: «Общайтесь с людьми так, чтобы они обязательно спросили: почему вы здесь и почему вы такие?.. калмыки гадают, почему немцы находятся здесь в Саксуне (калмыки называли Сарепту именно Саксун, т. е. саксонский город). Лама и два гелюнга думали следующим образом: немцы — умный народ, думающий на столетие вперед, посылают сюда так много своих людей, потому что хотят захватить российскую империю» [Лангерфельд 2001: 231]. Выступление на форуме К. Лангерфельда дополнено калмыцким исследователем А. Т. Баяновой в дайджесте газеты «Новости Сарепты»: в документе № 04 Хаммель пишет о том, что калмыки не могут понять истинных причин появления колонистов и теряются в догадках о подлинных намерениях сарептян [Баянова 2009: 10].

В сентябре 1766 г. в Сарепту прибыл «новый транспорт *братьев и сестер* в числе 51 человека. Все члены поселения состояли в услужении *братства*», получали за работу определенную плату и сами покупали «по таксе из общественных заготовлений все нужное» [Минх 1901: 894]. В 1768 г. были построены общественные и частные дома, в которых население разместилось корпоративно, *и в корпорациях устроились мастерства* [Минх 1901: 894].

А. Ф. Леопольдов в своем «Статистическом описании Саратовской губернии» (1839 г.) дает следующие сведения о Сарепте: пять братьев одного братского общества, под предводительством начальника своего Даниила Гейнриха⁴¹ Фика, умершего в 1801 г., приехали в Россию в 1765 г., выбрали сие место для поселения и дали ему название Сарепты. Сия колония построена на счет казны; употреблено на нее 48 748 руб. 25 коп., кои в 1803 г. все возвращены в казну [Леопольдов 1839: 65].

Первые пять будущих колонистов, «этот первый транспорт *братьев*», был под руководством брата Вестмана, которому было поручено избрать окончательное место поселения; ни женщин, ни детей в этом транспорте не

⁴¹ Так у А. Леопольдова.

было. Саратовский воевода, отправляя колонистов в Царицын, командировал с ними землемеров и военный конвой [Минх 1901: 893].

Миссионеры получили 17 256 гектаров земли, здания колонии, выстроенные русскими солдатами и рабочими, освобождение от податей на 30 лет, освобождение от постоянной, квартирной, рекрутской и подводной повинностей, право свободного пивоварения и винокурения в пределах своего округа и, самое главное, самостоятельное выборное управление, свободное от вмешательства уездных и губернских властей. Гернгутеры оказались трудолюбивыми, предприимчивыми и ловкими людьми, сумевшими использовать все выгоды своего положения [Поволжье 1926: 379].

Русский писатель, поэт и журналист В. В. Измайлов в своем «Путешествии в полуденную Россию» (Часть вторая, 1805 г.) восторженно описывает Сарепту как веселое место между дикими пустынями, «украшенное не великолепными, но приятными зданиями», писатель гуляет в «убежище новых евангелистов», «живущих без роскоши, но в изобилии», и радуется «гражданскому и нравственному порядку колонии» [Измайлов 1805, 4: 81–82]. Сарептяне, подчеркивает автор, «счастливы не блеском просвещения, а простотою нравов, заняты не важными науками, а полезными ремеслами» [Измайлов 1805, 4: 82].

Писатель отмечает чистоту на улицах колонии, «выстроенной хорошо», трудолюбие колонистов и их любовь к порядку, простоту и опрятность в одежде каждого человека, «выражение сердца на всех лицах» [Измайлов 1805, 4: 83–84]. Автору нравится в немцах «кроткий вид» и в то же время «смелый шаг», он видит в них «истинно счастливого и свободного человека» [Измайлов 1805, 4: 84].

Травелог Поволжья изучает чувашская исследовательница Л. Н. Сарбаш [Сарбаш 2016; Сарбаш 2018; и др.]. В своих работах автор анализирует инациональный, в том числе немецкий, мир Волги в жанре путевых записок (волжском травелогe) XIX в., отмечая культурно-этническое

своеобразие национальной жизни и описывая образ немецкой Сарепты как уникального, по мнению путешественников, явления российской действительности.

Исследуя творчество В. В. Измайлова, Л. Н. Сарбаш отмечает, что писатель обращает внимание на общественное устройство Сарепты: в общине гернгутеров отсутствует «точная собственность», и в ней осуществляется принцип равенства [Сарбаш 2016: 25]. В. В. Измайлов пишет об этом так: «Все общее между ними. Нет ничего собственного» [Измайлов 1805, 4: 90].

В Сарепте трудится каждый («Каждый обязан отправлять какое-нибудь ремесло» [Измайлов 1805, 4: 90]), и это способствует благосостоянию и процветанию общины: «Нет ни одной семьи, которая бы томилась в нищете или в праздности, скиталась бы печально с сумою или носила рубище, оскорбительное для человечества» [Измайлов 1805, 4: 92].

Практически всё в Сарепте восхищает писателя, особенно он радуется сарептскому табаку, делая ему неплохую рекламу: «Когда вы будете нюхать табак сарептский, вспомните, что растение его обрабатывается в Шенбруне, то есть в селении прекрасного источника, рукою миролюбивых людей, вспомните мою прогулку, расположение души моей, и вы почувствуете себя к добру склоннее. И так скажите всем друзьям нашим: нюхайте табак сарептский, он делает людей добрее» [Измайлов 1805, 4: 99].

В «Письмах родным» И. С. Аксаков, сын русского писателя С. Т. Аксакова, автора «Аленького цветочка», описывая гостиницу в Сарепте, подчеркивал ее чистоту, предупредительность поселенцев [Аксаков 1988: 14]. Во время поездки с ревизией в Астраханскую губернию в 1844 г. И. С. Аксаков побывал в Сарепте: «Улицы чисты необыкновенно, — замечал он, — перед каждым домиком ряд пирамидальных тополей; архитектура совершенно особенная. Видел я почтенных сарептских мужей с длинными немецкими трубками. Русские очень любят этих добрых гернгутеров, уважают их, удивляются их искусству и терпению, но однако ничего не

перенимают. Необыкновенно странное впечатление производит на вас эта немецкая добродушная республика в глуши России!» [Аксаков 1988: 14].

В «Путешествии Яна Потоцкого⁴² в Астрахань и окрестные страны в 1797 году» дается описание Сарепты и взаимоотношений сарептян с калмыками [Потоцкий 1936: 201]. Рассуждения Я. Потоцкого о калмыках, как и заблуждения сарептских колонистов относительно калмыков, скептически воспринимаются историком Б. Ф. Железчиковым. Ученый считает одной из причин неудач немецких миссионеров в Сарепте их ошибочное представление о вековой лени калмыков. Наоборот, по мнению Б. Ф. Железчикова, калмыки не только занимались единственно приспособленным к экологии края и относительно рентабельным хозяйством, но и развивали довольно сложные виды промыслов: кузнечное, куячное (изготовление панцирей и кольчуг), деревообрабатывающее, ткачество, в ограниченном количестве изготавливали огнестрельное оружие и даже занимались фальшивомонетничеством [Железчиков 2001: 301–302].

А. А. Клаус несколько ранее (в 1869 г.), чем в путеводителе 1926 г. под редакцией В. П. Семенова-Тян-Шанского, привел другие цифры по отведенным колонии землям: 15 821 десятина, в том числе удобной земли — 4 443 дес., за которые «общество уплачивает казне по 7¹/₄ к. сер. или 25 к. асс. за дес.⁴³» [Клаус 1869: 47 (прим. к прилож. II)].

В связи с этим имеются замечания А. Ф. Леопольдова о количестве удобной и неудобной земли у сарептян: «во владении Сарепты 17 170 десятин 181 сажень; из сего количества неудобной, как то: каменистой, болотистой, под поселением, дорогами, озерами и солончака 15 251 десятина и 1 108 саж. Здесь нет ни леса, ни озер, полезных для колонистов, ни тучных пажитей. Край дикий и пустынный, и человек в поте лица добывает себе пропитание» [Леопольдов 1839: 67–68].

⁴² Потоцкий Ян (1761–1815 гг.) — польский историк, лингвист, географ, этнограф и помещик, служил при Александре I в Министерстве иностранных дел Российской империи. Его «Путешествие...» впервые опубликовано в «Северном Архиве» за 1828 г. (№ 1 и 2), затем в «Астраханском сборнике», в 1936 г. издано в сборнике «Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII вв.» [Потоцкий 1936: 198–218].

⁴³ По 7 копеек с четвертью серебром или 25 копеек ассигнациями за десятину земли. — *Р. С.*

Путешественник, писатель и журналист Вас. И. Немирович-Данченко, брат режиссера и театрального деятеля Вл. И. Немировича-Данченко, в своей книге «По Волге: Очерки и впечатления летней поездки» 1877 г., оговариваясь, что не будет останавливаться на «очерке Сарепты и других гернгутерских колоний этой части Волги», сообщает, что в будущей книге им будет посвящены отдельные разделы и будет рассказано о поездках в калмыцкие монастыри, а в указанной книге он ограничился замечанием о том, что в Сарепте проживают разные народы и что далее «русский элемент на Волге мало-помалу уступает инородческому» [Немирович-Данченко 1877: 177]. В этих путевых заметках Вас. И. Немирович-Данченко сообщает о Сарепте, которой не видно вовсе с парохода, только видны сады ее и виноградники. У пристани автор заметил толпу немцев: «Все это выбрито, все в жилетках с металлическими пуговицами, в каких-то синих узких штанах. Не русское, чуждое... Кому нужно, тот запасается здесь сарептским бальзамом и сарептскими пряниками!» [Немирович-Данченко 1877: 176].

В другом своем травелоге — «Великая река: картины из жизни и природы на Волге» (1902–1903), показывая полиэтничность Поволжья, Василий Немирович-Данченко описывает и «немецкую» Волгу. Изображая г. Вольск как «Швейцарию на Волге», автор приводит слова попутчика на пароходе: «от Вольска урожай на немца пошел» [Немирович-Данченко 1903: 98]. Текст пестрит топонимами немецкого происхождения: «Это что за колония? — Ааргау. — А эта? — Цюрих. — А там? — Шафгаузен. [Немирович-Данченко 1903: 98]. Упоминаются и другие названия немецких поселений. Путешественник отметил зажиточность колоний, высокий технический уровень производства: «диковинные мельницы да разная машины», «пружиной табак режут» [Немирович-Данченко 1903: 98]. Его попутчик оценил немцев как «сквозной народ, что говорить», писатель же добавляет: «А сквозной народ этот богатеет да богатеет» [Немирович-Данченко 1903: 99].

Описывая прочные блокгаузы на берегу, выстроенные «на диво», Вас. И. Немирович-Данченко резюмирует: «Разом веет на вас практичностью, хозяйственностью, довольством» [Немирович-Данченко 1903: 99]. Сравнивая немцев из разных колоний, автор считает, что здешние не то, что сарептские: «те в пустыню пришли и среди мертвых степей благосостояние создали» [Немирович-Данченко 1903: 99].

Граф А. В. Салтыков, составивший о Сарепте далеко не лестное мнение, в своих «Записках путешественника в Сарепту», изданных в 1827 г., но написанных, как поясняется редактором, «за 30 лет до оногo», сообщал: «Сарепта, ныне названная городом, имеет в длину 350 сажен, полверсты ширины, и две версты в окружности; она лежит на реке Сарепте, которая в полуверсте от города, впадает в Волгу. В ней 1 церковь и 18 каменных домов, прочие небольшие деревянные. Посреди площади большой колодезь, который довольствуется водою всех жителей. Лучшие дома: братской, сестр, старшин и вдов» [Салтыков 1827: 67].

Немецкое поселение граф называет «печальной Сарептой»: «Это могила 500 мертвецов, еще живущих: каждый из них откупил себе место, где его схоронят; получил номер, под которым он ляжет, и в праздник, все, как тени, гуляют вокруг могил своих. Преугрюмые лица прикрыты престранными париками» [Салтыков 1827: 66–67]. А. В. Салтыков заметил, что в колонии «осуждается смех, а малейшая улыбка почитается неосторожностью» [Салтыков 1827: 67]. Автор травелога обратил внимание на то, что в лавках Сарепты слишком высокие цены. При этом он выделил простирающиеся в окружности Сарепты сады, изобилующие виноградом. А ведь посетивший колонию академик И. И. Лепехин 25–26 июля 1769 г. отмечал «изрядные сады не для увеселения глаз, а для всеобщей пользы», а также у доктора «заведенный особенный аптекарский сад, где посеяны многие лечебные травы» [Лепехин 1771: 444]. Сарептский виноград ценился в Царицыне дороже, чем донской и астраханский [Медведев 2001: 376].

А. В. Салтыков дает и некоторые ботанические сведения о Сарепте, замечая даже оливковые деревья и другие неизвестные растения [Салтыков 1827: 68]. Серебристые тополя отметил и Вас. И. Немирович-Данченко в своем травелоге [Немирович-Данченко 1877: 175].

В путеводителе 1926 г. о Поволжье под редакцией проф. В. П. Семенова-Тян-Шанского о колонии говорится, что по внешнему виду Сарепта — небольшой, хорошо распланированный, чистенький городок с мощеными улицами, обилием садов и тротуарами, обсаженными тополями. В путеводителе сообщается, что «братья гернгутеры (немецкие сектанты) прибыли сюда в количестве 150 человек по приглашению Екатерины II» [Поволжье 1926: 379]. Они были членами религиозного объединения гернгутеров «Евангелический Братский Союз» (от названия местечка Хернхут⁴⁴ в Саксонии, основанного в 1722 г. благодаря известному богослову Н. Цинцендорфу); братство обосновалось в этом поселении в 1727 г.

Этнограф, путешественник Н. Н. Лендер отмечал особенность южной немецкой колонии: «Сарепта... изолированный от всяких посторонних веяний отдельный крошечный мирок, ни одним штрихом не напоминающий остальные пункты Поволжья» [Лендер 1889: 202–210].

Сарепте посвящали свои травелоги и произведения других жанров А. Ф. Воейков («Письмо из Сарепты», «Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы ханов Золотой Орды»), А. Ф. Леопольдов («Несколько слов о колонистах», «Статистическое описание Саратовской губернии», «Поездка в Низовое Поволжье»), Я. Сабуров («Поездка в Саратов, Астрахань и на Кавказ»), К. И. Попов («Записки о Саратове»), Д. Л. Мордовцев («Сарепта») и многие другие.

А. Ф. Леопольдов⁴⁵ в своем «статистическом описании Саратовской губернии» (1839 г.) сообщает, что «Сарепта... необширна; жителей только 397 душ; 45 домов, из коих каменных 32 и 13 деревянных. ... есть выселок,

⁴⁴ Herzhut (нем. 'мужская шляпа')

⁴⁵ Леопольдов Андрей Филиппович (1800–1875) — краевед, этнограф, писатель, журналист, первый редактор саратовских «Губернских ведомостей».

называемый Шенбрун, состоящий из трех дворов... Церковь у них одна. Сарептяне все грамотны» [Леопольдов 1839: 67].

В своей «Поездке в Саратов, Астрахань и на Кавказ» (1835 г.), описывая Сарепту, «малые средства» которой были усилены духом кротости, порядка и образованности, Яков Сабуров находит в ней «все элементы гражданского благосостояния» [Сабуров 1835: 28], он видит Сарепту как «оазис в Ливийской пустыне» и «приветливый огонек в осеннюю ночь», в которой «в теперешнем виде» прекрасные дома, шоссе, фонтаны, сады, европейская промышленность и образованность. При этом Я. Сабуров отмечает евангельскую кротость сарептян, добродушие и терпение, а также философическо-религиозное направление жизни народной. И это, считает автор, лучшее доказательство того, что просвещение в народе может быть соединено с его нравственными достоинствами [Сабуров 1835: 29].

Осенью 1835 г. ревизор К. И. Попов, посетив Сарепту, дал характеристику системе образования и воспитания в колонии: «В местную школу отдают своих дочерей многие колонисты и немцы из образованного и богатого класса, живущие в Саратове, и из школы выходят девицы благонравные; их с удовольствием берут в гувернантки русские помещики; мужской пол, образовавшийся в Сарепте, тоже выходит хорошей нравственности и занимает лучшие места в торговых магазинах и конторах, преимущественно немецких» [Попов 1893: 228–230].

С самого своего основания Сарепта в культурном отношении была выше Саратова, замечал историк, краевед Ф. В. Духовников, лестно отзываясь о сарептских школах: «Там было несколько учебных заведений, появившиеся раньше, чем в Саратове, и туда отдавали учить своих детей помещики и богатые люди. Там же процветали фабрики и ремесла. Колонисты отдавали в Сарепту своих детей учиться ремеслам, которые, благодаря этому, распространялись по колониям. Точно также колонисты в Сарепте выучились ткать сарпинки, чем теперь занимаются несколько колоний» [Духовников 1893: 259]. Автор дополняет, что в первой половине

XIX в. на Немецкой улице в Саратове жили колонисты — ткачи сарпинки. И для сбыта своей продукции, считавшейся отменной, колония в разных городах России в то время имела свои, «сарептские», магазины.

2.3. Сарепта: статистические и иные сведения о колонии

Динамику населения Сарепты за столетие, с 1765 г. по 1864 г., приводит в своей книге «Наши колонии» (1869) А. А. Клаус. Сведения излагаются автором в приложении к книге, названном «Таблица о движении народонаселения в колонии Сарепте за первые 100 лет ее существования» [Клаус 1869: Приложение III]. По данным А. А. Клауса, в 1765–1774 гг. прибыло из-за границы в колонию 190 человек, родилось 32 чел., умерло 26, убыло за границу 6, «наличное население в последний год десятилетия» составило 190 человек [Клаус 1869: Приложение III]. В то же время А. Клаус сообщает, что осенью 1768 г. и в январе и ноябре 1769 г. прибыли еще три транспорта, в числе до 160 братьев и сестер, так что все население колонии образовало уже более 200 обоего пола душ [Клаус 1869: 73]. С этого времени община стала улучшать свой материальный быт.

С. Г. Гмелин в «Путешествии...» сообщал, что в 1769 г. «сарпинских жителей обоего пола было не с большим шестьдесят человек» [Гмелин 1777: 30], к исходу года добавилось еще 30 с небольшим жителей, а к осени 1771 г. прибыло еще 60 человек.

Согласно статье Нейдгардта «Исторические и статистические сведения о Сарептской колонии», в 1838 г. число миссионеров в ней «простирается до 383 человек» (163 муж. и 220 жен.). Там же обитают около 30 семейств работников из саратовских колоний, 40 русских, 20 татар и значительное число калмыков [Нейдгардт 1838: 257].

Ф. М. Преображенский в «Саратовском сборнике», в своем «Отчете о действиях и занятиях Саратовского статистического комитета за 1880 г.», в параграфе «Общее количество и состав народонаселения» сообщает: «К 1-му января 1881 г. в губернии числилось 2 021 838 человек. Население состоит

главным образом из следующих племен: великорусского, малорусского, немцев, мордвы, чуваш и татар; ... кроме них калмыки, цыгане и евреи... Немцы, выходцы из разных государств Германии, появились здесь первоначально в колонии Царицынского уезда Сарепте в 1765 г. ... Калмыки появились в губернии в половине XVII века...» [Преображенский 1882: 2–3].

В Государственном архиве Волгоградской области сохранилась Kirchenbuch (Церковная книга о рождении и смерти за 1818–1834 гг.) на немецком языке, содержащая 91 страницу [ГА ВО. Ф. 283. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. В ней в разделе Geborne und Getaufte (рожденные и крещенные) указано, кто именно, в какой семье, когда родился и когда был крещен [ГА ВО. Ф. 283. Оп. 1. Д. 1. Л. 1об.–26об., Л. 41–47об.]. В разделе Im Herrn entschlafen (упокоенные в Господе) [ГА ВО. Ф. 283. Оп. 1. Д. 1. Л. 27–41] обозначены умершие, в основном младенцы; усопшим от старости указан 1 человек за весь период. Начало книги датируется декабрем 1817 г., когда приведено одно рождение 22 декабря, хотя в названии единицы хранения обозначен период с 1818 г. по 1834 г. Поэтому в таблице ниже дадим данные с 1818 г.

Таблица 1. Количество рождений и смертей в Сарепте с 1818 по 1834 г.

Год	Родились и крещены	умерли
1818	24	3
1819	29	5
1820	32	7
1821	19	5
1822	27	4
1823	24	5
1824	13	2
1825	15	3
1826	20	7
1827	20	5
1828	19	4
1829	15	6
1830	11 + 14 (продолжение списка с Л. 41)	3
1831	17	1
1832	12	4
1833	17	6
1834	14	3

Составлено по: [ГА ВО. Ф. 283. Оп. 1. Д. 1. Л. 1об–47об].

Как видно из таблицы, в отдельные годы рождаемость превышала смертность, в отличие от данных, приводившихся А. Н. Минхом. Анализируя столетний период существования Сарепты (с 1765 по 1865 гг.), А. Н. Минх находит «полный застой в народжении населения» [Минх 1901: 904]. В среднем, по его мнению, соотношение числа рождений к смертности — 50/49, при том, что в колонии не было эпидемий, в 1830–1840-х гг., сообщает А. Минх, не было ни одного холерного случая. В течение этого векового периода в Сарепту прибыло 1 255 братьев и сестер, выехало же обратно в Германию всего 677 человек; родившихся в этот период было 1 054 человека обою пола, умерших 1 038. То есть, считает А. Н. Минх, разница в 16 человек между рожденными и умершими — «крайне ничтожная цифра» [Минх 1901: 904]. Ничтожность рождаемости в Сарепте становится тем разительнее, если сравнить, что другие колонисты, поселившиеся в то же время в том же Поволжье, что и сарептяне, «в течение 92 лет удесятерились исключительно народжением» [Минх 1901: 904]. Причина такого «крайне неуспешного народжения» населения в Сарепте не обусловлена, по словам А. Н. Минха, ни климатическими, ни экономическими факторами, но всецело зависит от социального устройства данной колонии, общинно-церковного устава и неразрывно связанной с ним общественной и частной жизни.

Возможно, в Kirchenbuch (Церковной книге о рождении и смерти за 1818–1834 гг.) была не отражена смертность взрослого населения. Поскольку почти до первой четверти XIX в. браки в Сарепте заключались по жребию и оставаться вне уз брака было естественным делом — функционировали дом холостых братьев, дом сестер (незамужних), дом вдов, то вполне объяснимо отсутствие значительного демографического роста в колонии, хотя немецкие семьи отличались многодетностью. Немногочисленной колония была и в XIX в., в отличие от других немецких колоний России, которые значительно увеличивались, не считая, конечно, первые годы переселения и поселения немцев в России или аграрные кризисы (неурожаи и засухи), которые исследователями также отмечаются причинами низкой рождаемости

[Мешков 2013: 254–255]. В. Д. Мешков отмечает, что у переселенцев до их прибытия в Россию средний возраст вступления в брак повышался в XVIII в. и в начале XIX в. составил 29 лет у мужчин, а у женщин — 26 лет, что способствовало ограничению рождаемости в условиях малоземелья и необходимости поддержания уровня благосостояния [Мешков 2013: 251]. После переселения в Россию брачный возраст уменьшился в течение одного поколения, так как потерял свою регулирующую функцию: поселенцы обрели землю (сельхозугодья) [Мешков 2013: 251].

В списках населенных мест Саратовской губернии, по сведениям за 1859 г., составленным и изданным в 1862 г. Центральным статистическим комитетом МВД Российской империи, в Царицынском уезде, в стане № 2, значится: Сарепта, колония немецкая, при реке Волге и устье речки Сарпы, расстояние от уездного города (Царицына) — 28 верст, от становой квартиры — 56 [Саратовская губерния 1862: 109]. Число дворов в колонии указано 63, в них проживало 446 жителей: 215 мужчин и 231 женщина (население колонии выросло по сравнению с тем количеством, которое приводил в своей работе Нейдгардт в 1838 г.). В колонии действовали одна лютеранская церковь, одна фабрика и 7 заводов, из учебных заведений в списках показаны 2 училища [Саратовская губерния 1862: 109].

В книге профессоров И. К. Бабста и К. П. Победоносцева, посвященной путешествию в 1863 г. старшего сына Александра II — цесаревича Николая по России, немало места занимает не только описание калмыков и их традиций, но и обзор экономики Сарепты [Бабст, Победоносцев 1864: 326–330]. Они отмечают, что всех жителей в Сарепте около 450 обоего пола, и около 600 посторонних людей работают на ее фабриках и заводах [Бабст, Победоносцев 1864: 326].

В «Списках населенных мест» по Саратовской губернии указано, что близ колонии имелись два минеральных источника: Гезундбрунн и Шёнбрунн [Саратовская губерния 1862: 109].

О минеральном источнике, исследовании его воды сарептским врачом Иоганном Виром, о развитии курорта и причинах его упадка сообщает и Яков Дитц [Дитц 1997: 433]. Всего вокруг Сарепты И. Вир открыл и исследовал 32 источника минеральных вод, бальнеологическое значение которых актуально до настоящего времени. Но один из первых курортов в России с грязевыми и минеральными ваннами, открывшийся в Сарепте и получивший название в честь императрицы «Екатерининские воды», постигла бесславная участь [Широкова 2006: 33]. Причину быстрого заката курорта Я. Дитц видит не в уменьшении силы источника, а в самом «строе сарептской братской общины». Из-за своего религиозного фанатизма гернгутеры не создали своим гостям нужных условий, хотя курорт сулил высокий доход. Сарептянам нельзя ведь было веселиться и злоупотреблять спиртным.

Граф А. В. Салтыков также упоминает минеральные источники близ Сарепты во время своего путешествия в 1797 г.⁴⁶ и пишет, что первыми открыли источник калмыки [Салтыков 1827: 72].

По правую сторону Московского почтового тракта, но ближе к Царицыну, расположена, как указано в статистических документах, Калмыцкая колония (Каменный буерак) при балке Каменной. Расстояние от уездного города — 4 версты, до становой квартиры — 32. Число дворов — 14. Число жителей: 94 мужчин и 53 женщины [Саратовская губерния 1862: 109].

Академик И. И. Лепехин, посетивший Сарепту через 4 года после ее основания, в 1769 г., заметил, что «селение их обнесено земляным валом с принадлежащими ему раскатами, для безопасности и защиты от кубанских набегов сие укрепление уставлено пушками» [Лепехин 1771: 443].

Строительство укреплений Сарепты осуществлялось колонистами под руководством «данного от правительства инженера». Для охраны колонии

⁴⁶ Травелог графа Алексея Владимировича Салтыкова (1730–1803), камергера, генерал-майора, писателя, правителя Тамбовского наместничества, «Записки путешественника в Сарепту» был опубликован в альманахе Б. М. Федорова «Памятник отечественных муз» через 24 года после смерти графа, в 1827 г., спустя 30 лет после самого путешествия, на что указывает в сносках сам издатель альманаха Б. М. Федоров.

комендант Царицына полковник И. Е. Цеплетев выделил 12 пушек с прислугой и 20 солдат. Так уже в 1768 г. Сарепта превратилась в маленькую крепость [Родионов 1995: 40].

Описывая Сарпинское селение, как называет И. И. Лепехин Сарепту, академик обратил внимание, что в колонии в 1768–1769 гг. уже имелся водопровод: «Низменные горы... снабдевают их прозрачною и приятною водою. Они с сих гор провели деревянные трубы, и посреди своего жилища соорудили обширное вод вместилище с насосами, из которого довольствуются и все проезжающие. Из сего ж вместилища во все жила проведены трубы на голландский образец, где каждая хозяйка в своей поварне всегда столько имеет воды, сколько ей потребно» [Лепехин 1771: 443–444].

Финский лингвист Г. Й. Рамстедт, побывав в калмыцких землях в 1903 г., описывал и Сарепту. С 1898 по 1912 гг. ученый предпринял 7 поездок на восток, в том числе и в калмыцкие земли, о чем им был сделан «Отчет д-ра Г. Й. Рамстедта за 1903 год», опубликованный в марте 1904 г. в «Известиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» [Рамстедт 1904: 11–14]⁴⁷. В отчете ученый сообщил, что прибыл в Сарепту 19 марта 1903 г.: «Там я впервые увидел калмыцкие юрты» [Рамстедт 1904: 11]. Г. Й. Рамстедт насчитал в Сарепте около 200 калмыков, живущих в колонии. А за 23 года до его приезда в Сарепту, по данным Ф. М. Преображенского за 1880 г., изданным в 1881 г. губернским статистическим комитетом в «Саратовском сборнике», в Сарепте проживало 50 калмыков (цит. по: [Минх 1901: 910]).

⁴⁷ Заметки о семи поездках ученого на восток были опубликованы в 1944 г. на финском языке. В 1978 г. вышел перевод Дж. Р. Крюгера на английский язык со шведского издания книги 1961 г. Перевод издан «Монгольским обществом» в Блумингтоне под названием «Seven Journeys Eastward, 1898–1912: Among the Cheremis, Kalmyks, Mongols and in Turkestan and to Afghanistan (English, Finnish and Swedish Edition)» [Ramstedt 1978]. В Научной библиотеке КалмНЦ РАН имеется перевод 4-й главы данного издания книги Г. Й. Рамстедта о поездке в калмыцкие земли, осуществленный в 1991 г. преподавателем Калмыцкого университета К. У. Манджиевой. Выражая благодарность библиотеке и переводчику, мы пользуемся этим переводом. В 2025 г. в двух номерах журнала «Теегин герл» опубликован перевод 4-й главы («Мои поездки в земли калмыков»), подготовленный в Финляндии к. филол. наук Т. Н. Богрдановой с финского языка из книги Харри Халена, ученика Г. Й. Рамстедта.

В травелогe о семи поездках на восток, в главе 4-й о поездке к калмыкам, Г. Й. Рамстедт называет Сарепту «привлекательным местом» в отличие от Царицына, в котором «немогущие улицы, а грязь и запах керосина, и тухлой рыбы совсем не украшают город»⁴⁸ [Ramstedt 1978: 102]. Г. Й. Рамстедт коротко пишет об истории появления гернгутеров в Калмыцкой степи: моравцы разработали четкую программу работы по обращению калмыков в христианство; из различных профессиональных групп (портных, сапожников, мельников, булочников, ткачей и т. д.) они организовали элитные группы так, что каждое ремесло было представлено двумя способными и очень религиозными семьями. Эти семьи расселились вдоль маленькой речки Сарпы на калмыцкой территории восточнее Ергеней. Здесь они основали уникальный городок, все здания которого были в немецком стиле. На площади в Сарепте они расположили церковь, женский дом, детсад, дом для девушек, больницу и гостиницу, наряду со многими другими крепкими двухэтажными зданиями [Ramstedt 1978: 103].

В 1903 г. финский ученый тоже обратил внимание на водопровод: *жители Сарепты соединили вместе маленькие источники длинными деревянными трубами и установили таким образом в своем городе водопровод. Во дворах и садах были водопроводные краны, возле каждого находилась бочка, «Бруннен» или колодец, а также «Труэ» или корыто, где поили скот и полоскали белье* [Ramstedt 1978: 105].

В 1864 г., по сведениям из «Путеводителя по Волге» Я. Кучина (1865 г.), которые приводит А. Н. Минх, в колонии Сарепта насчитывалось около 450 человек и около 600 посторонних работников [Минх 1901: 908].

Также А. Н. Минх ссылается на данные Ф. М. Преображенского за 1880 г., опубликованные в «Саратовском сборнике» губернским статистическим комитетом в 1881 г.: в 1880 г. постоянных и временно проживающих в Сарепте жителей обоего пола считается 1 200 душ, из них

⁴⁸ Здесь и далее [Ramstedt 1978] цитируется по рукописному переводу на русский язык К. У. Манджиевой 1991 г. (хранится в НБ КалмНЦ РАН).

русских — 105, татар — 45, калмыков — 50, колонистов других местностей (поселян собственников) — 500 и членов евангелического братства (сарептян) — 500; домов в Сарепте 190, из них каменных — 90, деревянных — 100, крыто железом 36, тесом — 140 и толем — 14, вообще устроены чрезвычайно красиво и опрятно. Скота считалось: 180 лошадей, 500 волов, 300 коров, 400 овец и 250 свиней [Минх 1901: 910].

По архивным документам 1886 г. и 1889–1890 гг., в Сарепте функционировала почтово-телеграфная контора: в рапорте на имя начальника Главного управления почт и телеграфов дается «Список почтовых, телеграфных и почтово-телеграфных учреждений Саратовского округа на 1 января 1890 г.», в котором под номером 73 указана Сарепта как имеющая почтово-телеграфную контору [ГА ВО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 6. Л. 17]. В данном списке напротив названий населенных пунктов показано, «какого рода учреждение» имеется в населенном пункте: контора или отделение [ГА ВО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 6. Л. 15–17].

В фондах Государственного архива Волгоградской области имеется также копия «Статистической таблицы» за 1886 г., составленной 28 марта 1887 г. и отправленной в Главное управление почт и телеграфов [ГА ВО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2. Л. 1]. Таблица, как и всё дело № 2 (на 59 листах), является копией документа из Государственного архива Саратовской области, что указано на обороте каждого листа дела [ГА СО. Ф. 374. Оп. 1. Д. 137]. Согласно таблице, в графе «Местность нахождения почтовых учреждений» под номером 44 обозначена Сарепта, которая имела «иногород. разряд учреждения», обозначенный как: V(5) [ГА ВО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2. Л. 4; ГА СО. Ф. 374. Оп. 1. Д. 137. Л. 2об]. Согласно данным из таблицы за 1886 г., Сарептская почтово-телеграфная контора располагала 3 почтовыми ящиками, которые очищались 2 раза в день; в графе «сколько раз в день разносится корреспонденция» указано: 1 [ГА ВО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2. Л. 4; ГА СО. Ф. 374. Оп. 1. Д. 137. Л. 2об].

По данным Саратовского губернского статического комитета за 1891 г., Сарепта принадлежала ко 2-му стану Царицынского уезда, 1-му участку земского начальника и имела 345 дворов, 761 душу мужского пола, 814 — женского, всего 1 575 душ обоего пола всех вообще жителей с пришлым населением [Минх 1901: 911].

В 1838 г. в Сарепте, по данным Нейдгардта, работали винокуренный, пивоваренный, мыльный и свечной, кожевенный, гончарный и кирпичный заводы, а также фабрики: горчичная, табачная, чулочная и колпачная, красильная и 3 ткацких. Кроме того, кузница, бойня, магазин, аптека, гостиница и 2 булочных лавки. Из ремесленников работали: 2 часовых мастера, 2 столяра, переплетчик, золотых дел мастер, слесарь, кузнец, 2 сапожника, 2 портных и кондитер [Нейдгардт 1838: 256–257].

Через 30 с небольшим лет А. А. Клаус подтверждает и дополняет сведения Нейдгардта: «К упомянутым мастерствам и промыслам присоединились заводы свечной и кожевенный, красильная и бойня. Табачная фабрика устроилась вполне, и все изделия и производства Сарепты находили удобный сбыт, возраставший из года в год, особенно на месте, среди калмыцких орд [Клаус 1869: 73]. Постепенно, за счет общинной экономии, были учреждены магазины и склады в главных городах и местечках Нижнего Поволжья, а также в Москве и Петербурге. А вот производство зерна и особенно скотоводство в больших масштабах оказались убыточными — по причине частых засух и скудости почв, а также вследствие невозможности выдержать конкуренцию с калмыками, отменными скотоводами. Более успешными оказались табаководство и садоводство — плодовое и виноградное, которыми братья и занялись усердно (см. также: [Клаус 1869: 74]).

Если по данным Нейдгардта, в 1838 г. в Сарепте имелось 56 каменных и 136 деревянных зданий, а вне колонии еще одно каменное и 45 деревянных, и проживало 383 человека, то по сведениям А. А. Клауса к январю 1865 г. в Сарепте насчитывалось 470 жителей (239 женщин и 231 мужчина), сверх

того, в предместьях постоянно проживало от 500 до 550 рабочих, преимущественно из приволжских колоний. И Сарепта уже располагала 85 каменными и 221 деревянным домами и строениями, колокольня была снабжена общественными часами, а церковь — отличным органом [Клаус 1869: 89–90].

Осенью 1835 г. ревизор К. И. Попов проводил в Царицынском уезде проверку народной переписи 1834 г., 8-й ревизии, и посетил в октябре Сарепту (его «Записки о Сарепте» были опубликованы спустя 58 лет в издании саратовского Общества вспомоществования нуждающимся литераторам «Саратовский край»): «Колония состояла из реформатов, более 500 душ мужского пола. Поселена она на отличном местоположении. Дома на главной площади и улицах преимущественно каменные, двухэтажные, крытые железом» [Попов 1893: 228]. К. И. Попов отметил, что «в каждый дом проведена вода желобами, с устройством кранов для выпуска ее. Магазины.., склады их и фабричные заведения в лучшем состоянии. Сверх колониального управления, за всем порядком надзирает полицмейстер, из их же общественников» [Попов 1893: 229].

По сведениям Нейдгардта, из общественных учреждений в 1838 г. в Сарепте функционировала школа для мальчиков, она помещалась в одном здании с Братским домом (Brüderhaus), располагавшемся в каменном двухэтажном доме; в ней работали три учителя. Была также школа для девочек с двумя учительницами, располагалась она в Доме сестер (Schwesternhaus). Для вдов имелся особый Вдовый дом, который, как и здания обеих школ, выстроен из камня в два этажа [Нейдгардт 1838: 257].

С 1801 г. в Сарепте начали выращивать новую в России производственную культуру — горчицу, продукция из которой получила самые похвальные отзывы [Родионов 1995: 41]. Г. Й. Рамстедт писал, что после того, как посеы зерновых на степных песчаных почвах не дали хорошего результата, житель Сарепты изучил выращивание горчичника во Франции и привез его семена с собой в Сарепту. Был заключен контракт, и

эта культура дала хорошие урожаи. В Сарепте находились 5 больших горчичных фабрик [Ramstedt 1978: 105].

С 1810 г. развивается производство пользующейся большим спросом новой бумажной ткани — сарпинки. В колонии действовали свечной и мыловаренный заводы, пекарня с пряничным и кондитерским производством, паровая химическая лаборатория по производству «сарептского бальзама» — водки, эфирно-горчичного масла и других продуктов [Родионов 1995: 41].

В. Н. Медведев называет Сарепту единственной иностранной колонией в России, «пытавшейся создать товарное сельское хозяйство и вести его по капиталистически, применяя наемный труд» [Медведев 2012: 148].

Со ссылкой на Й. П. Фалька⁴⁹ В. Н. Медведев сообщает, что хозяйственное освоение территории позволило превратить степной край в местность для нормального проживания [Медведев 2012: 148].

2.4. Немцы Сарепты: социодемографическая характеристика

С самого своего основания Сарепта в культурном отношении была выше Саратова, замечает в конце XIX в. историк и краевед Ф. В. Духовников: там было несколько учебных заведений, появившихся раньше, чем в Саратове, и туда отдавали учить своих детей помещики и богатые люди [Духовников 1893: 259]. Ф. В. Духовников также отмечает, что в Сарепте «процветали фабрики и ремесла. Колонисты отдавали в Сарепту своих детей учиться ремеслам, которые, благодаря этому, распространялись по колониям» [Духовников 1893: 259]. Точно так же колонисты в Сарепте выучились ткать сарпинки, чем позже стали заниматься в нескольких колониях.

В Саратове, по сообщению Ф. В. Духовникова, в первой половине XIX в. на Немецкой улице жили колонисты — ткачи сарпинки; товары из

⁴⁹ Иоганн (Юхан) Петер Фальк — шведский и русский путешественник, натуралист, исследователь природы России, апостол Карла Линнея и автор труда «Статьи для топографического познания России» в 3 томах [Falk 1785].

Сарепты продавались в разных городах России в специальных магазинах, которые назывались сарептскими; в Саратове даже одну из улиц, на которой жили приказчики из сарептского магазина, также называли Сарептской [Духовников 1893: 259].

В 1838 г. в Сарепте, по данным Нейдгардта, гернгутеры уже имели горчичное и табачное производство, шили чулки и колпаки, у них имелась свои красильная и три ткацких фабрики, а также пивоваренный, винокуренный, кожевенный, гончарный, кирпичный мыльный и свечной заводы. Работали также магазин, аптека, гостиница, 2 булочных лавки, кузница и бойня. Трудились 2 столяра, 2 сапожника, 2 портных, 2 часовых мастера, слесарь, кузнец, переплетчик, кондитер и золотых дел мастер [Нейдгардт 1838: 256–257].

Горчичные фабрики являлись самыми важными в Сарепте. В первые 10 лет XIX в. этот промысел приносил мало выгоды, как отмечает Нейдгардт. В 1810 г. на горчичную фабрику обратил внимание сам император, пожаловав золотые часы фабриканту Нейцу. Тот построил конскую мельницу, а в 1815 г. новую фабрику, которая ежегодно производила около 300 пудов горчичного масла и до 1 000 пудов горчицы [Нейдгардт 1838: 254–255].

Сарептяне имели и кожевню, на которой ежегодно изготавливали до 2 000 подошвенных кож, а также гончарню, изделия которой успешно продавались в другие губернии. Механик мастерил очень хорошие термометры и барометры; в доме сестер Сарептского общества (Schwesternhaus) занимались разнообразным женским рукоделием. Для продажи своей продукции Сарепта имела в Москве, Санкт-Петербурге, Астрахани и Саратове своих комиссионеров [Нейдгардт 1838: 255].

Сарептские булочники пекли лучший хлеб и пряники, поставлявшиеся во многие города России. Сарептская аптека, по словам Нейдгардта, «всегда славилась добротой медикаментов и ни в чем не уступала аптекам в губернских городах» [Нейдгардт 1838: 255]. А. Н. Минх приводит выдержки

из «Путеводителя по Волге» Я. Кучина 1865 г., в котором говорится и о Сарепте: «На маленьком пароходном дебаркадере можно приобрести знаменитый сарептский бальзам: он там недорог, продается стеклянками⁵⁰ различной величины» [Минх 1901: 908].

Образ жизни сарептян, по мнению авторов путеводителя по Волге, «совершенно немецкий: утром пьют они кофе, преимущественно ячменный или пшеничный; за обедом едят картофельную похлебку и овощи, мясо едят по воскресеньям» [Боголюбов 1862: 353–354].

Близлежащее Поволжье было занято в то время исключительно земледелием и рыбной ловлей и крайне нуждалось в предметах промышленности. Окрестное калмыцкое население, временами тревожившее колонию своими набегами, представляло в то же время дешевую, неорганизованную рабочую силу [Поволжье 1926: 380]. Эти два обстоятельства и были использованы сарептянами. В начале у них были лесопильни и мельницы, позднее колония стала славиться ткацким и прядильным производством, вырабатывая на фабриках новую ткань — сарпянку или сарпинку. Работали здесь и суконные, табачные фабрики, свечной и мыловаренный заводы. Однако, по замечанию А. А. Клауса, с 1820 г. суконное и чулочное производства в Сарепте прекратились, а сарпиночное находилось в крайнем упадке [Клаус 1869: 86].

Пробовали заниматься сарептяне разведением винограда и тутового дерева и выделкой сахара из сорго, но бросили за невыгодностью. Всего же прочнее и выгоднее оказалось горчичное производство, составляющее до сих пор славу Сарепты. Колонисты начали сеять горчицу по инициативе Вольно-Экономического Общества. Первая горчичная ручная фабрика была основана в 1807 г. Затем была применена паровая сила, и производство достигло значительных размеров [Поволжье 1926: 379–381]. Согласно путеводителю 1926 г. «Поволжье: Природа, быт, хозяйство», в Сарепте насчитывалось 25 700 жителей.

⁵⁰ Так в источнике.

Успешному развитию колонии способствовало привлечение на ее фабрики и заводы наемной силы, причем среди рабочих были и калмыки. Примечательно, что оплата труда наемных рабочих в Сарепте была выше, чем в других российских регионах, например: «в 1914 г. в Сарепте на лесопильном заводе Бауэра рабочие добились повышения заработной платы с 1,5 до 1,85 рублей в день; в то же время на лесопильном заводе Максимова в Ельшанке зарплата была снижена с 1,25 до 1,15 рублей» [Стручалин, Смирнова 2015: 35].

В конце XVIII – начале XIX в. «производство хлопковой ткани, чулок, табака, пива, шерсти, горчицы осуществлялось только в пределах поселения-общины. Колония изготовляла на заказ определённые виды изделий, например, для калмыков — керамические фигурки Будды, а для казаков — гончарную посуду, свечи, обувь» [Стручалин, Смирнова 2015: 38].

Начиная с первых своих указов в отношении переселенцев, правительство предоставляло им ряд льгот, так как одной из задач переселенческой политики являлась передача культурных традиций от колонистов местному населению. Прежде всего речь шла о распространении ремесел и хозяйственных навыков. Однако эта задача решалась с трудом: «Русские... уважают их, удивляются их искусству и терпению, однако ничего не перенимают» [Аксаков 1988: 81]. Но и сарептяне избегали контактов с местным населением, так «по данным переписи 1897 г. только 14 % поволжских немцев знали русский язык» [Стручалин, Смирнова 2015: 38].

За 60 лет до первой переписи населения граф Салтыков в своем травелоге тоже отметил, что колонисты не владеют русским языком: «Наступил праздник — день основания Сарепты. Мы, желая обласкать жителей, послали просить старшин и других к себе обедать, и в час после полудня совсем очутились в Германии. Только двое из гостей говорили по-русски, прочие ничего не разумели» [Салтыков 1827: 76].

А. А. Палтов (А. Велицын), исследовавший как ревизор более 250 немецких колоний в Российской империи, путешествуя по Волге,

отмечал упадок в немецких колониях к концу XIX в.: «Пока существовала контора опекуна над колониями, ... колонии преуспевали... После уничтожения конторы опекуна всё рухнуло... Хозяйство колоний быстро пришло в упадок» [Велицын 1893: 255–256].

По мнению А. Н. Минха, местная жизнь является до бесконечности монотонной и подавленной. Весь религиозно-общественный строй братской общины проникнут тенденцией вогнать каждого в рамку и охватить всего человека не только в общественной, но и в частной жизни. Член общины не должен был позволять себе ни музыки, ни танцев, ни какой-либо игры и развлечений, не имеющих прямого религиозного характера, ни, наконец, лишнего шага, смеха или шутки; весь интерес, всем помыслы должны быть сосредоточены на одном «славословии Господа» [Минх 1901: 904].

Отмечая «скудную и единообразную здешнюю жизнь», граф Салтыков подчеркивал, что «уныние здесь обладает временем», «скука считает часы», что 6 недель, проведенных в Сарепте, кажутся шестью месяцами [Салтыков 1827: 67].

В 1838 г. в Российской империи насчитывалось 287 школ колонистов. Всего в МГИ (без школ колонистов) было 60 школ (1880 учащихся), в ведомстве Святейшего Синода (на 1837 г.) — 100 школ [Черказьянова 2004б: 11]. Наличие школы практически в каждой немецкой колонии было закономерным явлением с момента появления колонистов в России. Немецкая школа в России изначально носила общественный характер, отличалась высоким уровнем самоорганизации. Обучение было всеобщим и обязательным для детей 6–14 лет. Эта традиция была привнесена из Германии. Однако на исторической родине такой подход к школе сформировался при самом активном участии государства. Впервые принцип принудительного обучения был провозглашен в Веймарском школьном уставе 1619 г. Пасторам и учителям вменялось в обязанность вести списки детей от 6 до 12 лет [Черказьянова 2004б: 10].

Братья Боголюбовы, авторы путеводителя по Волге⁵¹, замечают, что в Нижнем Поволжье в каждой колонии имеется школа: «школьный учитель определяется с согласия пастора, а жалованье платит мир. Он учит и надзирает за учениками» [Боголюбов 1862: 354].

Ф. М. Преображенский, на статистические сведения (1880 г.) которого ссылается А. Н. Минх, замечает, что жители Сарепты «образованнее других колонистов губернии» [Минх 1901: 910]. «Сарепта всегда отличалась культурой. Поэтому одновременно с основанием ее возникли школы, в то время как в Саратове о просвещении еще и не думали» [Дитц 1997: 452].

А. А. Минх в своем историко-географическом словаре также приводит данные из путеводителя 1862 г. «Волга: от Твери до Астрахани», не называя авторов — Н. П. и А. П. Боголюбовых, обозначая лишь, что речь об издании общества «Самолет»: «...лежит колония Сарепта; жителей в ней считается 450 душ; по наружности она походит на город. Жители ее по образованию стоят гораздо выше своих собратьев (других поволжских колоний), и между ними есть окончившие воспитание в германских университетах» [Минх 1901: 906].

Г. Й. Рамстедт также отмечал уровень образования сарептян: «Молодые люди из Сарепты часто посылались на учебу в Германию, и цивилизация сохранялась на относительно высоком уровне» [Ramstedt 1978: 105].

Дело обучения и воспитания детей постоянно обращало на себя внимание сарептянского общества. Получив от российских монархов в качестве разных дозволений и привилегий и «возможность воздвигать общедоступные школы и дома, обустроенные согласно своим церковным обычаям», колонисты открыли уже в 1772 г. школу для мальчиков, в 1773 г. — для девочек, в 1787 г. — для учеников-ремесленников и взрослых

⁵¹ Текст путеводителя «Волга: от Твери до Астрахани» составлен Н. П. Боголюбовым, рисунки к нему выполнены его братом — художником, академиком Императорской Академии художеств, профессором А. П. Боголюбовым.

работников из приволжских колоний, живших и работавших в Сарепте, в 1797 г. — для детей этих работников [Курышев 1995: 27].

По сведениям А. А. Клауса (то же самое пишет и А. Н. Минх), школа для мальчиков в 1780 г. была разделена на 2 класса, «в высшем классе» преподавались русский и латинский языки, история и география; с 1793 г. был открыт и третий класс «со введением в программу преподавания математических и естественных наук, как-то: физики, механики, химии, ботаники и т. д. Учебными пособиями служили: аптечная лаборатория, библиотека, гербарий, а также местные заводы и промышленные производства» [Клаус 1869: 80; см. также: Минх 1901: 900].

Примерно в то же время были учреждены еще две элементарные школы: одна для взрослых работников из приволжских немецких колоний, другая — для детей тех из них, что проживали в Сарепте с семьями. Число этих работников в то время достигало постоянно до 300–400 человек. Многие из них проживали в Сарепте десятки лет, находя здесь хороший заработок и обучаясь различным ремёслам и промысловым производствам.

Ревизор К. И. Попов в 1835 г. отметил высокую нравственность сарептян, особенно в отношении образования: «Нравственность ... отличается хорошими качествами, в особенности в образовании молодых девиц. В местную школу отдают своих дочерей многие колонисты и немцы из образованного и богатого класса, живущие в Саратове, и из школы выходят девицы благонравные; их с удовольствием берут в гувернантки русские помещики; мужской пол, образовавшийся в Сарепте, тоже выходит хорошей нравственности и занимает лучшие места в торговых магазинах и конторах, преимущественно немецких» [Попов 1893: 229–230].

Как отмечалось выше, из общественных учреждений в 1838 г., по сведениям Нейдгардта, в Сарепте функционировала школа для детей мальчиков, она помещалась в одном здании с братским домом (Brüderhaus), располагавшимся в каменном двухэтажном доме; в ней работали три

учителя. Была также школа для девочек с двумя учительницами, располагалась она в доме сестер (Schwesternhaus) [Нейдгардт 1838: 257].

Сарепта была селением поголовной грамотности [Родионов 1995: 41]. На протяжении XIX в. учебные заведения колонии считались образцовыми, лучшими в регионе, а уровень образования и воспитания — высоким. Кроме школьного, гимназического, некоторые сарептяне имели высшее образование. К началу XX в. насчитывалось до 50 ученых, писателей, художников и музыкантов — выходцев из Сарепты [Курышев 1995: 27].

Уровень образования обитателей Сарепты отмечали и другие авторы: в Сарепте есть своя школа, сказывают, хорошо устроенная, для обучения мальчиков и девочек отдельно. Учителя выписываются из Германии... Вообще все члены сарептского общества умеют читать и писать и знают арифметику [Бабст, Победоносцев 1864: 333]. Авторы добавили, что некоторые молодые люди обучаются в Германии. Заметили путешественники, что в Сарепте не редкость встретить русского работника, который свободно говорит по-немецки; даже некоторые калмыки выучились немецкому языку [Бабст, Победоносцев 1864: 334].

О том, что население Сарепты было грамотным, говорит и тот факт, на сколько периодических изданий оно было подписано через почту и насколько интенсивно вело переписку. Выше говорилось, что в Сарепте располагалась почтово-телеграфная контора, в колонии имелись 3 почтовых ящика, которые очищались 2 раза в день. Добавим, что за 1886 г. сарептяне получили 5 274 «абонементных периодических издания» [ГА ВО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2. Л. 16], отправили 657 писем и получили 656 писем [ГА ВО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2. Л. 4; ГА СО. Ф. 374. Оп. 1. Д. 137. Л. 2об.]. Для сравнения: в Ольховке получено 104 и отправлено 104 письма за весь 1886 г., в Самойловке получено и отправлено по 208 писем, в Камышине отправлено 425 писем, получено 424, в Сердобске — 209 и 208 соответственно, хотя в Камышине и Сердобске в то время населения было больше [ГА ВО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2. Л. 4, 6]. Из раздела «Международная корреспонденция» упомянутой выше

«Статистической таблицы Саратовской губернской почтовой конторы и подведомственных ей учреждений» [ГА ВО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2. Л. 1; ГА СО. Ф. 374. Оп. 1. Д. 137. Л. 1] выясняется, что сарептяне отправили в 1886 г. за границу 1 333 франкированных письма и получили 1 541 франкированное письмо и 23 нефранкированных, открытых писем отправили 339 и получили 254 открытых письма; бандерольных отправок, «кроме абонементных периодических изданий», отправлено сарептянами 39, а получено 561; заказной (рекомендованной) корреспонденции отправлено 171, получено 101 [ГА ВО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2. Л. 17; ГА СО. Ф. 374. Оп. 1. Д. 137. Л. 9]. Словом, переписка с границей была у гернгутеров более интенсивной, чем внутри страны.

Говоря об образовании в Саратовской губернии, Ф. М. Преображенский замечает, что в губернии количество немецких школ больше: «...одно немецкое училище приходится на 2 033 немцев, ... тогда как одна русская школа в уездах приходится на 3 538 жителей православного и единоверческого вероисповеданий и раскольников разных сект... При таком сопоставлении особенно рельефно выражается низкий уровень народного образования, в котором находится русское население губернии» [Преображенский 1882: 20].

Некоторые из учителей и воспитателей из Сарепты позже стали известными личностями. Я. Е. Дитц особо отметил миссионера Я. И. Шмидта (1781–1847), ставшего ориенталистом, и химика-технолога, в будущем академика И. Х. Гамеля (1788–1862): «Я. И. Шмидт состоял членом Государственного Совета и составил „Тибетско-русский словарь“ и „Граматику монгольского языка“; И. Х. Гамель кончил Петербургскую медико-хирургическую академию и получил степень доктора медицины. Отказавшись от докторской практики, Гамель работал в Министерстве внутренних дел и был послан в 1813 г. в Англию для изучения технологии. ... Все полезные сведения Гамель спешил сообщать России, он хотел видеть в ней все хорошее, что было на Западе» [Дитц 1997: 453]. Я. И. Шмидт

сделал немало для развития тибетологии и монголоведения в России. Хотя он родился в Амстердаме, но уже через год его семья переехала в Сарепту, и здесь он изучил калмыцкий язык, познакомился с культурой калмыков, поддерживал контакты со знатоками тибетского языка. Его перу принадлежали переводы Евангелий на калмыцкий язык, книги религиозного содержания, которые направлялись в калмыцкую степь. Я. И. Шмидт, работая в Академии наук, занимался переводами тибетских текстов и также готовил переводчиков в открытом им классе калмыцкого языка [Ученые 2006: 243]. Наиболее известны его работы: «Грамматика монгольского языка» [Шмидт 1832], тибетско-русский словарь [Шмидт 1843], монгольско-немецко-русский словарь [Шмидт 1835].

В СПбО Архива РАН хранятся материалы, переданные из Архива востоковедов СПбФ Института востоковедения РАН. В фонде № 785 представлены работы Я. И. Шмидта. Его труды положили начало монголоведению и тибетологии в России, именно он ввел эти дисциплины в круг европейских наук [Алексеева, Музраева, Намжавин 2006: 117].

Одним из первых исследователей калмыцкого языка стал Г. А. Цвик, живший в Сарепте с 1818 по 1836 гг. По поручению дирекции Братской общины гернгутеров он проводил миссионерскую работу среди калмыков и изучал язык, культуру и быт калмыцкого народа. Г. А. Цвик является автором двух книг по грамматике калмыцкого языка и автором словаря [Zwick 1851; Zwick 1853; Ученые 2006: 236–237].

Сарепта постепенно превратилась в один из центров просвещения поволжского субрегиона. Этому способствовал тот факт, что возникшая в чужом государстве, в необжитом месте, ориентированная на самофинансирование, колония постоянно нуждалась в грамотных работниках, квалифицированных специалистах. Высокого уровня образования членов религиозной общины требовала и главная цель гернгутеров — миссионерская деятельность [Курышев 1995: 27].

В 1926 г. агроном Л. Штранд в своей небольшой книге «Как ведут свое хозяйство немцы Поволжья» подчеркнул, что немцы живут лучше русских крестьян [Штранд 1926: 11]. И пояснил свою мысль: *Происходит это потому, что они на учение смотрят как на обязательный путь в жизни. Еще первые немецкие переселенцы принесли с собой в безлюдную степь уважение к школе. Каждая колония считала своей обязанностью построить школьное здание. Посещение школы являлось обязательным для каждого ребенка от 7 до 15-летнего возраста. Конечно, в этих школах ученик приобретал немного знаний — он научался читать и писать, и на этом кончалось его обучение. Лучшим ученикам удавалось поехать за границу и там кончить свое образование, но таких было немного. Их на 100 учеников приходилось около 3–4 человек* [Штранд 1926: 11].

Долгое время приволжское колониистское водворение только отсюда заимствовалось и учителями, и ремесленно-промысловыми знаниями; только здесь и из иногородних сарептских магазинов огромный край снабжался без обмана, «right fix», солидными товарами, предметами домашнего обихода и прихоти. Особенным доверием и известностью пользовались врачи и аптека в Сарепте [Клаус 1869: 80].

Из 120 тысяч поволжских колонистов, по подсчетам Н. П. Боголюбова, две трети составляли лютеране, затем по численности следовали реформаты и очень мало католиков [Боголюбов 1862: 353].

Если немцы-земледельцы, поселившиеся в 1870-х гг. в пределах кочевий калмыков Большедербетовского улуса Ставропольской губернии и основавшие села Немецко-Хагинское и Эсто-Хагинское, придерживались поначалу лютеранского и меннонитского вероучений, а к концу XIX в. меннонитов постепенно вытеснили баптисты [Белоусов 2001: 334–335; Белоусов 2010: 53], то Сарепту веком ранее основали члены братства гернгутеров, относящегося к протестантизму. Основателями братской общины были табориты, последователи Я. Гуса. По Я. Е. Дитцу, изгнанные из Чехии и Моравии, гуситы перебрались в 1456 г. в Польшу, а «в 1467 г.

образовали евангелическое братство, назвав себя богемскими братьями». Тридцатилетняя война стала причиной постепенного исчезновения моравцев, «оставшиеся в живых вынуждены были скрываться» [Дитц 1997: 431]. В начале XVIII в. Я. Шпеннер и А. Франк основали в Германии с целью «устроить жизнь во Христе» несколько мелких общин. Вскоре гернгутерам стал помогать Н. Л. Цинцендорф, который в 1727 г. построил дом для моравцев, куда «стали стекаться остатки богемских братьев, а кроме них и последователи других преследуемых сект, и граф им всем покровительствовал, так как сам не принадлежал к какой-либо секте» [Дитц 1997: 431–432].

Руководство общинами, находящимися в разных государствах, осуществляла дирекция в Бертельсдорфе. Главная задача братства — миссионерство, в 1750 г. было 286 миссионеров [Дитц 1997: 433].

Пригласить гернгутеров еще в конце 1750-х гг. в Россию для устройства колонии пытался граф И. Г. Чернышев, но братья отказались, поскольку не было согласия правительства [Дитц 1997: 435].

После появления манифеста Екатерины II «они приняли ее призыв и отправили в октябре 1763 г. в Петербург двух депутатов — Павла Лаурица и Иоганнеса Лорица для переговоров о колонизации» [Дитц 1997: 435]. Гернгутеры получили разрешение от Синода селиться в России, но с запретом обращать в свою веру русских поданных. При этом была разрешена миссионерская деятельность среди нехристианских народов.

Заявляя, что целью колонизации в Поволжье является «миссионерская деятельность среди калмыков, кавказских горцев и среднеазиатских народов», моравские братья планировали «поселиться около калмыков в Астраханской провинции». Братьев заверили, что им «нечего опасаться препятствий в обращении язычников и что в договор с братством не будет включено ни дозволения, ни прямого воспрещения миссионерской деятельности» [Дитц 1997: 436].

Собрание моравских братьев одобрило организацию миссионерского пункта между Астраханью и Царицыном и «уполномочило для заключения с русским правительством окончательного договора брата-магистра Петра Конрада Фриза ..., а гражданским и духовным старшиной нового поселения определило брата-пресвитера Даниеля Генриха Фика» [Дитц 1997: 436].

Жизнь общины регулировалась строгими правилами, члены общины именовались братьями и сестрами и образовывали корпорации (или хоры), вхождение в которые осуществлялось с учетом социального положения [Минх 1901: 894]. Холостые братья и незамужние сестры жили особо в отдельных корпоративных домах, для каждого пола особо, кроме семейных, называвшихся приватными [Минх 1901: 904].

Браки в немецкой колонии заключались фактически по принуждению и назывались «браки по жребью» [Курышев, Парфенов 2016: 46]. Саратовский чиновник К. И. Попов в «Записках о Саратове» писал: «Вот странности в отношении бракосочетаний. У них женятся по жребью. Например, в течение года должно совершиться 10 или более браков; женихи берут билеты, и кому какая девица, или вдова достанется, тот непременно и должен на ней жениться. Не пожелавшего исполнить все условия и постановления сарептского колониального управления, или замеченного в дурной нравственности они исключают из своего братства, и исключенные должны совсем удалиться из колонии, без всякого вознаграждения из общественного капитала, где быть может находилась и частица удаляемого из общества» [Попов 1893: 229; Минх 1901: 904–905].

В жизни сарептян жребий играл особую роль как указатель воли Божьей: «Жребий сводил лиц разных возрастов, вопреки их личным склонностям, и сколько старых холостяков и отцветших сестер сошли в могилу, не получив права даже мечтать о браке» [Минх 1901: 904].

О том, что женятся в Сарепте не по любви, а по «назначению», отмечает и граф А. В. Салтыков: «Ни любовь, ни родительская власть не располагают здесь женитьбою. Старшины назначают жениха невесте, и по их

приговору, каков бы он ни был, уже непременно должно приступить к браку. При нас случилось, что один здешний житель был по братским нуждам в Петербурге; старшины, не дав ему знать, в отсутствие помолвили его и три раза провозгласили о свадьбе его в церкви. Он через неделю возвратился и крайне был удивлен, сведав, что он почти женат. После венца новобрачным не позволяют целую неделю жить вместе» [Салтыков 1827: 69–70].

Если это граф А. В. Салтыков писал в 1797 г. (заметки были опубликованы спустя 30 лет, в 1827 г.), то Я. Сабуров в 1835 г. сообщил, что жребий уже был отменен: «Прежде браки их были по жеребию, но впоследствии сей обычай, основанный на слишком отвлеченных понятиях о евагнельском равенстве всех братий, был отменен. Они женятся между собою, но по выбору и обоюдному согласию [Сабуров 1835: 29].

Сестры общины, как и братья, жили в Сарепте в отдельном общежительном доме. Граф А. В. Салтыков описал Дом сестер: «Оне все девицы. ... самая младшая имеет 30 лет, а большим около 50; оне не прекрасны; одеты все по-детски, и к ним, как к детям, приставлены мамы. Мы нашли всех их за работою: оне шили шелками, вязали кошельки и занимались другими приличными их полу трудами... Старшая мама, которая управляет всем домом и хорошо говорит по-русски, нам все объясняла — она водила нас по всем покоем, показывала их рукоделья». Граф описывает спальню сестер, «которая совершенно походила на кладбище. У всех девиц была одна комната, где более 100 кроватей... и стояли очень тесно. Я дал заметить маме, что ... спальня ... не может быть здорова от стесненного воздуха и духоты...» [Салтыков 1827: 74–75].

Члены братства, утратившие супругу или супруга, переходили в хор (корпорацию) вдовцов и вдов. Краткую характеристику последних читаем у графа А. В. Салтыкова: «Нам дозволено было увидеть вдов. Избавь вас Бог, ... чтобы оне когда-нибудь во сне привиделись вам. У самого Гогарта⁵² упала бы кисть от страха, если бы он вздумал представить их на полотне! Сколько в

⁵² Уильям Хогарт (1697–1764) — английский живописец, рисовальщик и гравёр.

этом доме недостает зубов, глаз, не говоря уже о волосах, потому что все оне показались нам лысыми. Оне, сказывают, очень мало времени наслаждались замужеством, что и вероятно. Быть их мужьями и жить долго — не естественно!» [Салтыков 1827: 76].

Тем не менее религиозное начало в жизни поселения ослабевало, главной причиной этого был провал миссионерской работы среди нехристианских народов. Б. Ф. Железчиков утверждает, что, «отправляясь в Россию, а далее проживая там, братья поверхностно разбирались в обстановке в России, особенно ее юга, да и не поняли истинных целей российского правительства, проводящего колонизаторскую политику, в частности, в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье» [Железчиков 2001: 300–301]. Кроме того, многие из братьев, «прожив всю жизнь в России, не знали не только калмыцкого, но и русского языка» [Железчиков 2001: 301].

Другая ошибка гернгутеров состояла в убежденности, что калмыки — язычники, братья принимали веротерпимость калмыков-буддистов, последователей махаяны, отсутствие отпора с их стороны за интерес к проповедуемому братьями христианству. К тому же гернгутеры не учли, что после откочевки части калмыков в 1771 г. в Центральную Азию власти и православная церковь стремились внедрить у калмыков православие, и их успехи будут более впечатляющими [Железчиков 2001: 301].

Еще одной причиной неудач немецких миссионеров Б. Ф. Железчиков считает их представление о якобы вековой лености калмыков и стремлении их к попрошайничеству. Исследователь приводит аргументы, свидетельствующие об обратном, о занятиях калмыков, которые не ограничивались скотоводством, но и занимались промыслами и др. [Железчиков 2001: 301–302].

Сотрудники музея-заповедника «Старая Сарепта» (г. Волгоград) В. Н. Медведев и М. И. Табаков в своей статье рассмотрели «последний эпизод в миссионерстве» братства гернгутеров — экспедицию Х. А. Цвика и

И. Г. Шилля в калмыцкие улусы летом 1823 г. по раздаче Библии [Медведев, Табаков 2009: 115].

В мае–августе 1823 г. гернгутеры вновь направились в 6 калмыцких улусов, всё еще надеясь обратить их в свою веру и распространить среди них религиозные книги. Но калмыки приняли их весьма недоброжелательно: «представители духовной и светской власти калмыков объясняли попытки христианизации калмыков намерением их ассимиляции. ... В ходе этой поездки миссионерам удалось раздать около 300 экземпляров Священного Писания. Это была последняя миссионерская экспедиция сарептян к калмыкам. Таким образом, главная цель основателей колонии Сарепта не была достигнута» [Курьшев, Парфенов 2016: 47].

2.5. Взаимоотношения калмыков и миссионеров колонии Сарепта

Изучением калмыцкого народа занимались и православные священники, и жители Сарепты. Первые контакты сарептян с калмыками начались сразу же после создания в 1760-х гг. колонии, и интерес к калмыкам во многом определялся задачами гернгутерской миссии. Это подтверждает и Нейдгардт: «С самого начала некоторым членам общества было назначено: поселиться между калмыками, изучить их язык, нравы и обычаи, чтобы мало-помалу приготовить в этом народе успехи христианского учения. Хотя это предприятие и было сопряжено с большими затруднениями, оно сблизило калмыков с братским обществом; особенно калмыки Дербетовской орды часто посещали Сарепту, покупали ее произведения и доставляли самой колонии немаловажные выгоды. Между тем, колония подверглась большим опасностям: в 1769 г., кубанские татары и кабардинцы покушались ее разграбить, но были разбиты калмыками» [Нейдгардт 1838: 247].

С 1771 г. начались бунты яицких (уральских) казаков, разразившиеся вскоре пугачевщиной. Первое известие о разорении Казани Е. Пугачевым и мятежниками в Сарепте было получено 23 июля 1774 г. Этот год стал годом испытаний для колонии: Е. Пугачев сжег ее; 196 жителей колонии бежали по

Волге в Астрахань, а вернувшись, увидели лишь развалины; нужно было вновь строиться; ущерб составлял, по сообщению Нейдгардта, до 70 000 рублей серебром [Нейдгардт 1838: 248]. «Только щедрые вспомоществования государыни и деятельное пособие братского общества дали возможность в скорое время вознаградить эту потерю, вновь устроить фабрики и другие заведения. Для большей безопасности колонию обвели рвом и устроили башни». С того времени до начала XIX в. она постепенно приходила в цветущее состояние [Нейдгардт 1838: 248; см. также: Минх 1901: 895, 897].

Но и «после взятия Пугачева и поражения бродивших всюду шаек его» Сарепта не знала покоя. А. Н. Минх сообщает о бедствиях, постигших Сарепту в 1901 г., когда имели место случаи грабежа со стороны соседнего населения, отдельные представители которого нападали на стада, брали в плен жителей, даже врываются в саму колонию; приводимые факты автор подтверждает ссылками на архивные дела и подлинные письма форштеера (форштегера) Данилы⁵³ Фика, писанные на ломаном русском языке и наполненные жалобами на грабежи и всякого рода бесчинства со стороны калмыков и разных «неведомых» людей [Минх 1901: 898].

Что касается миссионерской работы, то моравцы, как отмечал Х. Зутер, «остерегались учить калмыков понятиям о своей христианской вере до того, как они сами, после достаточного знакомства с языком, могли бы объяснить всё это чётко и достаточно основательно» [Suter 2003: Л. 72об.].

С миссионерской целью братья-гернгутеры впервые появились среди калмыков в 1769 г. Но и до этого времени сарептяне приезжали в калмыцкие улусы с целью наладить связи хозяйственного характера, а также изучить калмыцкий язык. Со своей стороны калмыки приезжали в Сарепту для осуществления торговли и лечения у сарептских медиков. Первый визит миссионеров был неудачным. И только спустя 11 лет гернгутеры крестили слепую калмыцкую девочку, которая проживала в Сарепте еще с 1769 г. Подобный же пример крещения имел место в 1806 г., когда сарептяне

⁵³ Так у А. Н. Минха.

привезли в общину 4 киргиз-кайсацких девочек — их крестили в 1810 г. Успешным для миссионеров был 1815 г.: братья обратили в христианство 23 калмыка в Хошеутовском улусе. Но они были изгнаны через 2 года из улуса и жили на отшибе [Курышев, Парфенов 2016: 47].

В 1813 г. было создано Российское библейское общество. Важнейшей его задачей стали переводы религиозной христианской литературы на разные языки. Библейское общество поручило члену гернгутского братства Я. Шмидту перевод Евангелия на калмыцкий язык, а также способствовало распространения типографским способом христианской литературы на калмыцком языке [Алексеева, Музраева, Намжавин 2006: 117].

В 1823 г. калмыков дважды посетили сарептские колонисты Генрих А. Цвик⁵⁴ и Йоханнес Г. Шилль. По итогам поездок в 1827 г. была издана в Лейпциге книга на немецком языке⁵⁵ [Reise von Sarepta 1827], где были приведены ценные географические сведения о восточной части Ергеней, почвенно-климатическое описание калмыцкой степи, сарпинских озер, Волги и Ахтубы, также приложена карта калмыцких кочевий. Подробная карта калмыцкой степи, историко-этнографические сведения о калмыках, географические, ботанические и энтомологические зарисовки Нижнего Поволжья вызвали интерес не только в Сарепте, но и в ученых кругах России и Германии, что подвигло Х. А. Цвика опубликовать работу сначала в Германии на немецком языке, потом в Лондоне — на английском [Медведев, Табаков 2009: 116].

В 1828 г. проводилась ревизия Астраханской губернии, в том числе была осуществлена проверка управления калмыцким народом.

⁵⁴ Генрих (Хайнрих) Цвик (Heinrich August Zwick, 1796–1855) — немецкий путешественник, этнограф, востоковед, археолог, миссионер и просветитель, художник и автор «Грамматики западно-монгольского, т. е. ойратского или калмыцкого, языка» (Gramatik der West-Mongolischen, das ist Oirad oder Kalmükischen Sprache, 1852) [Zwick 1851] и «Руководство по западно-монгольскому языку» (Handbuch der Westmongolischen Sprache, 1853) [Zwick 1853].

⁵⁵ «Reise von Sarepta in verschiedene Kalmücken Horden des Astrachanischen Gouvernements im Jahr 1823 vom 26-ten Maj bis 21-ten August neuen Stils in Angelegenheiten der Russischen Bibel-Gesellschaft unternommen von H. A. Zwick und J. G. Schill und von ersterem beschrieben» («Путешествие из Сарепты в разные калмыцкие орды Астраханской губернии с 26 мая по 21 августа 1823 г. по новому стилю по делам Русского библейского общества, предпринятое Х(Г). А. Цвиком и И. Г. Шиллем и впервые описанное») [Reise von Sarepta 1827].

Обнаружилось, что в управлении нет хороших переводчиков с калмыцкого языка. В результате в Петербурге был открыт класс переводчиков, преподавателем был назначен Я. И. Шмидт. За 8 лет своей работы он подготовил немало переводчиков, которые должны были отработать в губернии не менее 6 лет по этой специальности [Алексеева, Музраева, Намжавин 2006: 118].

Калмыки нуждались в медицинской помощи, что тоже способствовало развитию их связей с колонией. Особой популярностью пользовался врач Иоганн Вир. Постоянным и благодарным его пациентом был зайсанг Тохмут, который «был для Сарепты важным человеком», поскольку покровительствовал колонистам [Glitsch 1865: Л. 70].

Миссионеры придавали большое значение оказываемой калмыкам медицинской помощи, так как считали, что это поможет заслужить доверие у них. В дневниках моравских братьев описаны несколько случаев лечения колонистами калмыков: больного туберкулезом Манджи, женщины с раной на языке. «Иногда пациенты были настолько религиозно затронуты, что вылеченные калмыки направляют свою вечернюю молитву на Сарепту вместо Тибета» [Лангерфельд 2001: 231], они настолько благодарны лекарям-колонистам, что «посылали поклоны с протянутыми руками в сторону Сарепты, а не Тибета» (док. №14) [Баянова 2009: 10].

Налаживанию связей способствовала и экономическая заинтересованность с обеих сторон. Колонистам было удобно покупать скот рядом с Сарептой у калмыков. А товары, произведенные в колонии, в том числе кожа, «охотно раскупались калмыками, среди которых были торговцы, бравшие целые партии» [Suter 2003: Л. 143об]. С 1767 г. в сарептяне в собственной дубильне обрабатывали кожу, которую привозили кочевники [Максимов 2012: 34]. Со следующего года в колонии открылась мукомольня, и муку охотно покупали калмыки.

Большим спросом среди кочевников пользовался и сарептский табак. «Торговля с калмыками, — писал Х. Зутер, — была в этом [1770] году очень

значительна и выгодна, ремёсла в Сарепте имели хороший сбыт, и, по всей вероятности казалось, что колония только благодаря коммерции с этой нацией со временем оправится от столь многих расходов и докажет свою производительность» [Suter 2003: Л. 143об].

Во время сенокоса и уборки зерновых сарептяне прибегали к помощи и найму калмыков. Кроме того, «женщины старались немного заработать на дублении овчин, изготовлении мехов и других предметов одежды; даже дети были готовы, по первому знаку, производить в саду или около строящихся домов уборку щепок и другого мусора» [Suter 2003: Л. 103об.].

А. А. Клаус, говоря о весьма оживленных отношениях немцев и калмыков, отмечал, что «калмыки не признавали границ владения и, нисколько не стесняясь, травили сарептские хлебные поля и сенные покосы, истребляли лес и т. д.» [Клаус 1869: 74]. После жалоб сарептян и по настоянию правительства Сарепта получила от калмыцкого хана особую охранительную грамоту. Но, как отмечал А. Клаус, мало помогла эта грамота. «Только благодаря благосклонности одного из калмыцких зайсангов Сарепта достигла более действительной защиты от вторжений в ее владения. Тохмут — так именовался этот зайсанг — принадлежал к Дербетской или Малой Орде, кочевавшей в то время по правому берегу Волги, тогда как Ханская, или Большая Орда пребывала на той стороне реки и переходила ее только изредка. Тохмут полюбил Сарепту со времени излечения его одним из братьев от тяжелой болезни; он постоянно ограждал колонию от разных злоумышлений своих соплеменников, делавших хищнические набеги даже на лежащие далеко к северу немецкие колонии. Отсюда калмыки угоняли скот, а в 1768 г. похитили даже несколько человек колониетских детей [Клаус 1869: 74].

У калмыков же имелись свои основания для совершения набегов на новую колонию. Как пишет сотрудник музея-заповедника «Старая Сарепта» А. А. Максимов, «колонизация нижневолжского региона, приводившая к сокращению пастбищных территорий, сужение автономии Калмыцкого

ханства и частое вмешательство в его жизнь российских чиновников, а также массовое обращение калмыков в православие, с последующим переходом обращенных к оседлому образу жизни — всё это вызывало тревогу и недовольство как среди калмыцкой знати и духовенства, так и среди рядовых калмыков» [Максимов 2011б: 2].

Тем не менее отношения калмыков с немецкими колонистами большей частью были взаимовыгодными, и калмыки оказывали сарептянам военную помощь. В 1769 г. татары и кабардинцы «не дошли до Сарепты лишь на 2-суточное расстояние, потому что были отражены калмыками» [Минх 1901: 895]. Профессора И. К. Бабст и К. П. Победоносцев, путешествуя в 1863 г. с цесаревичем Николаем Александровичем, отмечали: «О калмыках вообще слышали мы от сарептян добрые отзывы» [Бабст, Победоносцев 1864: 334].

В мае 1770 г. «братья» Даниэль Фик, Иоганн Ничман и Хайнрих Хассе со своими жёнами, а также около двадцати холостых «братьев» посетили калмыцкие кочевья («Орду») по приглашению ханши, которая была весьма любезна и, помимо прочего, рекомендовала сарептянкам учиться верховой езде [Suter 2003: Л. 155–155об].

А. А. Максимов со ссылкой на Х. Зутера пишет, что «в январе 1771 г. зайсанг Тохмут прибыл в Сарепту и сообщил о намерении Большой (Торгутской) орды покинуть пределы России и переселиться в Китай, предварительно разграбив все поселения, расположенные между Царицыном и Астраханью, включая Сарепту. Хан Бамбур⁵⁶ намеревался... увести в Китай сарептского врача, ремесленников и всех работоспособных мужчин. Тохмут сообщил также о твёрдом намерении Малой (Дербетской) орды сохранить верность российской короне. Форштеер (староста) колонии Даниэль Фик поспешил довести эти известия до сведения царицынского коменданта...» (цит. по: [Максимов 2012: 36]).

Сарептяне приготовились к атакам, а «комендант Царицына выслал в Сарепту около сотни рекрутов» [Suter 2003: Л. 163об.–164].

⁵⁶ Речь о нойоне Бамбаре.

Уход из России богатых и многочисленных торгутских улусов («Торгутской орды»), которые составляли по разным сведениям от 2/3 до 4/5 от общей численности калмыков, привел к экономическим потерям сарептян: торговля «получила смертельный удар и никогда больше не процветала так, как прежде» [Glitsch 1865: Л. 75], а «утрата рынка сбыта привела к резкому сокращению производства» [Suter 2003: Л. 165–165об.]. Сократилось и поле деятельности для миссионеров.

С начала XIX столетия происходит постепенное падение хозяйства братьев Сарепты: «после ухода в 1771 г. большой калмыцкой Орды в Азию главный сбыт сарептских произведений направился на север, но здесь возникла конкуренция со стороны северо-приволжских колонистов, в которых Сарепта воспитала опасных себе соперников; в то же время английская машинная пряжа делалась дешевле и доступнее сарептской. Другой причиной была дороговизна сарептских изделий и обнаружившаяся постепенно отсталость их» [Минх 1901: 901].

Предпринятые Петром I реформы в России высветили множество проблем, одной из которых была нехватка людских ресурсов, в том числе специалистов, что и определило приглашение иностранцев селиться на вновь обретенных пространствах империи, в частности ее юг и юго-восток. Первые поселения были большей частью военными, затем — земледельческими, поскольку правительством ставились задачи обживать целинные земли, вводить их в хозяйственный оборот, извлекать из них выгоду. Кроме того, преследовались цели расширения страны на восток и на юг.

Поселение немцев-гернгутеров было основано в 1765 г. на территории Калмыцкого ханства, в улусах — ниже Царицына по реке Сарпе, что привело на первом этапе к жалобам со стороны наместника Убаши в Коллегию иностранных дел и конфликту, в который вмешались российские власти, а Екатерина II направила специальную грамоту наместнику с жесткими требованиями и указ подполковнику И. А. Кишенскому. После откочевки

большой части калмыцкого народа в 1771 г. и ликвидации Калмыцкого ханства территории калмыцких улусов были сокращены в начале XIX в., и эти земли были исключены из калмыцких кочевий.

Братская община Сарепты на новом, непривычном (засушливом и безводном) месте смогла за небольшое время возделывать эти земли, построив хорошую хозяйственную базу. В 1790–1800 гг. Сарепта «играла роль экономического и торгового центра Поволжья, втягивая в товарно-производственные отношения местное население и приезжих купцов, развивая централизованную мануфактуру с элементами цеховой структуры, капитализма, с наемным трудом. Общинные и частные предприятия колонии прошли эволюцию от кустарного промысла к ремесленно-фабричной мануфактуре» [Медведев 2012: 151]. Гернгутерская колония показала пример экономической адаптации в новых для нее условиях, в иноконфессиональном, инонациональном окружении полиэтничного региона. Устойчивость хозяйственного развития достигалась за счет социального единства религиозной по характеру группы, приверженной общинно-церковному уставу, наличия своего храма и школы, хорошего образовательного уровня колонистов. Это было первое и единственное поселение братьев-гернгутеров в России, внесших огромный вклад в развитие Нижнего Поволжья, а Сарепта стала одним из экономических и культурных центров региона.

Для развития сарептской колонии необходимы были ее демографическое развитие и хозяйственная стабильность. Экономика Сарепты в первые десятилетия после ее основания развивалась успешно, имелись пивоваренный, винокуренный, гончарный, мыльный и свечной заводы, налажено было производство табака и горчицы, ткани сарпинки. Но у колонии вследствие специфики состава ее населения имелись демографические проблемы: тогда как население нижеволжских колоний увеличивалось активными темпами, у «братьев»-протестантов, вступавших

до начала IX в. в брак традиционно — по жребью, рождаемость едва преобладала над смертностью, что являлось угрозой развитию.

Несмотря на имевшие место случаи набегов и конфликтов, между гернгутской общиной и калмыками установились взаимовыгодные связи, и калмыцкие кочевья являлись постоянным и широким рынком сбыта продукции сарептян. С откочевкой большей части калмыцкого народа в 1771 г. в пределы Центральной Азии этот рынок существенно сократился, что сказалось на хозяйстве Сарепты.

Миссионерская цель основания колонии Сарепты не была достигнута. В 1892 г. братья-гернгутеры вернулись в Германию. Тем не менее, представители братской общины Сарепты внесли значимый вклад в изучение калмыцкой культуры.

Глава III. Немецкая локальная группа в Большедербетовском улусе Калмыцкой степи

3.1. Предпосылки к появлению немцев на территории калмыцких кочевий Большедербетовского улуса

Немецкие колонии появились в конце XVIII в. не только в Поволжье и других регионах империи, но и на Северном Кавказе: их здесь существовало более 200 (на территории современной Ростовской области свыше 100, на Ставрополье — 60, на Кубани — 20) [Плохотнюк 2002: 3]. Границы Российской империи после русско-турецкой войны 1768–1774 были отодвинуты, на юге в состав империи «вошли земли до Кубани. Для их укрепления сооружалась Азово-Моздокская линия, а территория заселялась выходцами из внутренних губерний. Российское правительство, заинтересованное в скорейшем освоении региона, разрешило поволжским немцам-колонистам переселение на Кавказскую линию» [Плохотнюк 2002: 3]. То есть вопрос о переселении колонистов на Кавказ был определен еще во время строительства Азово-Моздокской линии [Чекменев 1971: 245].

На территории Калмыцкой степи расселялись в разные периоды не только калмыки, но и представители других народов. Одной из этнических групп Калмыкии являются и немцы, проживавшие здесь в период с конца XIX в. и по своей численности входившие, согласно данным переписей, в первую тройку или пятерку из более чем 40 национальностей.

В начале XVIII в. основная территория кочевий калмыцкого народа находилась в пределах Астраханской губернии, основанной указом Петра I 22 ноября 1717 г. [Именный указ 1717: 520]. После откочевки большей части калмыков в 1771 г. и ликвидации Калмыцкого ханства оставшиеся на Волге улусы были отнесены под юрисдикцию астраханского губернатора и приравнены к уездам. До откочевки в Центральную Азию калмыки кочевали на пространстве примерно в 32 миллиона десятин. После 1771 г. ареал их расселения сократился. Освободившиеся земли начали заселяться представителями других народов.

Население Калмыцкой степи уже с начала XIX в. сталкивалось с самовольными переселениями крестьян, основывавшими поселения. Так были самовольно образованы села Аксай, Левокумское и Михайловка, в результате чего калмыками было утрачено 46 217 дес. земли. С. С. Белоусов в связи с этим отмечает: «В сопоставлении с общей площадью калмыцких земель (более чем 12,2 млн дес.) потери, в общем-то, были небольшими. Дело, однако, заключалось в том, что каждый случай узаконивания самовольных крестьянских поселений, во-первых, означал фактическое отступление властей от буквы и духа закона, во-вторых, нарушал законные права калмыцкого народа и, в-третьих, становился заразительным примером для других самовольных переселенцев. Поэтому российское правительство, несмотря на исключения, которые время от времени допускались в отношении отдельных самовольных поселений, продолжало законодательно запрещать самовольные поселения. Так, в новом „Положении об управлении калмыцким народом“, введенном в действие в 1836 г. указом императора Николая I от 24 ноября 1834 г., вопросу о самовольных поселениях была посвящена отдельная глава — „О мерах к отвращению самовольных водворений в улусах“. В ней говорилось: „Всем, не принадлежащим к калмыцкому народу людям, какого бы звания не были, строго воспрещается селиться на землях, во владение калмыков отведенных, пасти на оных скот и вообще иметь постоянное там пребывание“» [Белоусов 2022: 156–157].

Самовольные переселения крестьян на земли калмыков власти предотвращали в случае своевременного поступления информации. Так, «благодаря своевременному вмешательству калмыцких властей, например, в 1841 г. было предотвращено поселение 300 воронежских переселенцев на участке земли между реками Большой и Малой Кугультами, а в 1842 г. была пресечена попытка большой партии крестьян из Воронежской губернии водвориться на урочище Терновка в отдельной части Малодербетовского улуса» [Белоусов 2022: 157].

Государственные крестьяне после указа Николая I «О заселении дорог на калмыцких землях в Астраханской губернии» 30 декабря 1846 г. стали селиться на землях между Волгой и Доном. Указом планировалось основание поселений вдоль трактов и обоседление калмыков с приобщением их к земледелию. Если в начале поток мигрантов превышал утвержденные цифры и власть даже принимала меры по оставлению в поселениях самовольных переселенцев [Пальмов 1925: 145], то затем число желающих поселиться в степи уменьшилось. В итоге «в начале 1860-х гг. процесс создания поселений вдоль дорог по указу императора Николая I от 30 декабря 1846 г. завершился. За период 1848–1859 гг. было учреждено 25 поселений, в которых на 15 сентября 1859 г., по сведениям Главного попечителя калмыцкого народа, проживали 1 875 семей государственных крестьян... Это было меньше запланированной проектом цифры, предусматривавшей ... создание 44 станиц и поселение в них 4 400 семей, половину из которых должны были составить добровольно пожелавшие перейти к оседлой жизни калмыки» [Белоусов 2022: 199]. Большая часть переселенцев была из Воронежской, Тамбовской, Харьковской, Екатеринославской губерний.

Реформа по отмене крепостного права в России значительно повлияла на миграции населения. Как писал М. У. Абдоков, 1861 год «всколыхнул нищую Российскую империю», привел в движение тысячи крестьянских семей, сотни обозов с семьями и скарбом из центральных и западных областей империи заплыли на юг, где, по рассказам, лежали плодородные, а главное — свободные земли [Абдоков 1968: 3]. Интенсивное заселение юга России после отмены крепостного права юга России коснулось частично и территории Калмыцкой степи, хотя после реализации проекта заселения дорог в Калмыцкой степи организованные переселения пошли на убыль [Белоусов 2022: 217].

Переселенцы, появившиеся в калмыцких кочевьях после указа 1806 г. «о 10-верстной полосе вдоль правого берега реки Волги и в значительных

размерах по указу 1846 г. о заселении калмыцких дорог» составляли «около 25 % населения этого региона, или приблизительно 47 тыс. чел.» [Команджаев 2012: 288]. Со ссылкой на [Населенные места 1905] автор отметил, что «в это число вошли жители тех сел Астраханского и Черноярского уездов Астраханской губернии и Медвежинского уезда Ставропольской губернии, которые непосредственно врезались в территорию калмыцких улусов и незначительное количество так называемых „посторонних“ лиц в улусах (чиновники, торговцы и др.)» [Команджаев 2012: 288]. Кроме того, существовали и «маленькие самовольные поселки и хутора на оброчных статьях и захваченных участках в 10-верстной полосе, население которых не учитывалось, при этом документы делопроизводственного и законодательного характера свидетельствуют о том, что земельная площадь у калмыков сокращалась, шло заселение окраинных улусов Калмыкии, особенно в ее спорных местах, даже в начале XX в.» [Команджаев 2012: 288].

Крестьянская колонизация означала сокращение кочевий калмыков, хотя указ о заселении дорог предполагал занятие территорий только вдоль трактов. По данным отчета Ордынского отделения Астраханской палаты государственных имуществ (АПИ), в 1848 г. «за калмыками Астраханской и Ставропольской губерний числилось 10 248 556 десятин и 1 439 сажень удобной и неудобной земли, но цифры эти были неточными, так как подробного исчисления калмыцких земель с момента выхода в 1806 г. „Положения об отводе земель калмыкам и другим народам...“ не проводилось» [История Калмыкии 2009: 514].

С середины XVIII в. «калмыцкая степь методично заселялась перемещающимися крестьянами» [Катушов 1998: 17]. Сюда шли безземельные переселенцы из Воронежской, Курской, Тамбовской губерний и с Украины, порождая многочисленные конфликты с местным населением из-за землепользования. В названиях новых поселений они выражали свои лучшие чаяния: Плодовитое, Садовое, Обильное, Заветное, Ремонтное,

Виноградное, Приютное и т. д. Широкой полосой они «рассекли» калмыцкую степь, расчленив и без того относительно обмельчавший и разрозненный народ на волжских и донских калмыков [Катушов 1998: 17].

Об уменьшении в период со второй половины XVIII в. калмыцких кочевий сообщает Н. Н. Пальмов в своей работе 1931 г.: «Еще с 60-х годов XVIII в. к Нижнему Поволжью двинулась колонизационная волна в лице волжского казачества, а затем немцев — выходцев из Моравии. Калмыки тогда уже почувствовали стеснение в кочевьях, а дальнорские политики предусматривали в дальнейшем еще большее ухудшение положения» [Пальмов 2007: 381].

Говоря о крестьянской колонизации, нельзя не вспомнить и обозначенные выше заметки А. А. Палтова (А. А. Велицына), в которых автор, посетивший свыше 250 немецких поселений, признавал их угрозой германизма для страны [Велицын 1893: 1]. А. А. Палтов неоднократно подчеркивает захват земель немцами или их «систематическую скупку», называя немецкую колонизацию вредной: «откуда берут немцы средства для покупки такой массы земли?», «скупка земель немцами есть явление беднеть», «многообразны и многообразны частные случаи эксплуатации немцами русского населения» [Велицын 1893: 20, 21, 23].

После трагических событий 1771 г. калмыки Большедербетовского улуса переселились на земли Войска Донского, а в 1800 г. — обратно на кочевья Астраханской губернии по соседству с Малодербетовским улусом [Львовский 2002: 18].

«Привилегии, данные депутатам Калмыцкой Орды Большого Дербета», подписанные Павлом I, учреждали особые правила для большедербетовских калмыков, которые становились независимыми от донской власти [Привилегии 1800: 259]. Указом Павла I от 27 сентября 1800 г. Сенату повелевалось выделить малодербетовским и большедербетовским калмыкам «все земли от Царицыно по реке Волге и рекам Сарпе, Салу, Манычу, Куме и

взморью, словом все те места, на коих до ухода за границу калмыки имели кочевье свое» [Львовский 2002: 18–19; Указ 1800: 322].

Территория, занимаемая калмыками Астраханской губернии, согласно «Правилам для управления калмыцкого народа», утверждённым 10 марта 1825 г., была поделена на 6 улусов [Правила 1825; Республика Калмыкия 2019: 9].

В книге «Слово о Старой Сарепте» П. П. Попов⁵⁷ пишет об одновременном поселении разных народов в Нижнем Поволжье: «Русские и украинцы селились на Волге одновременно с татарами, калмыками, немцами» [Попов 1994: 43].

В 1870-х гг. в пределы Большедербетовского улуса⁵⁸ Ставропольской губернии прибыли немцы, которые поселились компактно в кочевьях калмыков. Названия своим новым местам обитания немецкие колонисты давали по названиям рек, речек или балок и оврагов, у которых они поселились. Бывали и случаи, когда поселения получали название по фамилиям своих первых форштегеров (старост), которые сопровождали их из Германии в Россию и основали с ними колонии. Но часто администрация на местах давала немецкие названия новым поселениям, зачастую одинаковые — разным колониям. Я. Дитц отмечал, что официальные названия, в большинстве немецкие, данные колониям государственными российскими учреждениями, «совершенно произвольны и вызывают лишь удивление» [Дитц 1997: 240]. «Администрация давала нескольким колониям одно и то же имя: есть, например, два Розенфельда (Розовое поле), в которых искусственно разведенные розы вряд ли растут по скудости почвы; их пришлось различить прибавкой к названию рек, на которых они расположены: Розенфельд на Нахое и Розенфельд на Еруслане; звучит совсем как Ростов-на-Дону, Царицын-на-Волге» [Дитц 1997: 241].

⁵⁷ Петр Павлович Попов — основатель и первый директор Государственного историко-этнографического и архитектурного музея-заповедника «Старая Сарепта».

⁵⁸ Большедербетовский улус в 1860 г. был передан из подчинения Астраханской губернии в Ставропольскую губернию.

«Калмыцкие» немцы, водворившиеся в 1870-х гг. у речки Хагин-Сала⁵⁹ в Большедербетовском улусе, назвали свое поселение Хагинкой.

Среди тех пилигримов, что двинулись обозами из центральных и западных областей империи, было несколько семей из Эстонской и Лифляндской губерний, которые надеялись летом 1877 г. найти на Кавказе привольную жизнь [Абдоков 1968: 3]. В итоге ходоки от этих семей (Мадас Куркус, знавший русский язык, Хендрик Херм, Юрий Арндт, Михпель Бейрбах) добились разрешения у ставропольского губернатора поселиться эстонцам в долине речки Хагин-Сала [Абдоков 1968: 3–4].

В Государственном архиве Ставропольского края в фонде 146 хранится дело № 79 за 1877 г. (на 23 листах) под названием «Переписка Ставропольского губернского присутствия по крестьянским делам со Ставропольским губернским правлением об образовании в Калмыцкой степи селения Хагинского [ГА СК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 79. Л. 1]. Судя по документам, немцы прибыли из Аккерманского уезда Бессарабской губернии: согласно ходатайству исправляющего должность губернатора от 15 декабря 1876 за № 2825 Его Императорское Высочество Великий князь Наместник Кавказский соизволил приказать об отмежевании из Калмыцкой степи при балке Хагин-Сала участка в 10 900 десятин удобной и неудобной земли в границах, объясненных на проектом плане, и о назначении сего участка под поселение колонистов Аккерманского уезда и других лиц исключительно лютеранского исповедания с тем, чтобы переселенцы, какия пожелают на этой земле водвориться, причислились в сословие государственных крестьян без льготы от платежа податей и других повинностей и получили в надел землю, как и все крестьяне Ставропольской губернии, по 15 десятин на ревизскую душу [ГА СК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 79. Л. 2]. Это же указано и в справочнике «Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII в. по 1920 г.» [Административно-территориальное 2008: 261].

⁵⁹ Хагин-Сала (калм. *Хагин сала* — соленая / засоленная балка; от калм. *хаг* ‘солончак’ и калм. *сала* ‘балка’) — река в Яшалтинском и Городовиковском районах Калмыкии, длина — 64 км.

В фонде 101 ГА СК имеется также «Именной список крестьян селения Хагинского Немецкого Ново-Егорлыкской волости Медвеженского уезда, нуждающихся в продовольствии — составлен 13 августа 1878 г.» [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 785. Л. 3–3об.]. Такой же документ, составленный тем же числом, имеется и по Эсто-Хагинке: «Именной список государственных крестьян из Эстонского селения Хагинского Ново-Егорлыкской волости Медвеженского уезда, нуждающихся в продовольствии и обсеменении полей — составлен 13 августа 1878 г.» [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 785. Л. 8–8об.]. В первом списке значилось 14 семей, в которых 39 мужчин и 35 женщин, во втором списке указано 26 семей, состоящих из 75 мужчин и 55 женщин.

В 1883–1884 гг. в село Немецко-Хагинское дополнительно переселились эстонцы. Это были православные крестьяне Вознесенской церкви Арросарского прихода из Феллинского уезда Лифляндской губернии [ГА СК. Оп.42. Д. 53. Л. 4]. Всего мужчин по списку значилось 28, женщин — 30 [ГА СК. Оп.42. Д. 53. Л. 5об.]. К Хагинскому приписаны 18 мужчин, 12 женщин, из них в отсутствии 10 мужчин и 6 женщин. К ним вновь сверх списка прибыло 2 мужчин, 4 женщины. Итого: православных в Хагинском 10 мужчин, 10 женщин [ГА СК. Оп.42. Д. 53. Л. 5об.].

В памяти народа сохранились сведения из истории немецкой этнической группы в Калмыкии. Так, дата переселения немцев на юг известна их потомкам, проживавшим в пределах бывшего Большедербетовского улуса. Пенсионер-старожил из г. Городовиковска Иван Лауденшлегер в газетной статье 1990 г. называл датой поселения немцев в долине речки Хагин-Сала май 1870 г., когда немецкие колонисты, по его мнению, появились на территории нынешнего Яшалтинского района Калмыкии, основав село Немецкое-Хагинское. Прибыли немцы на эти земли по приглашению ставропольского губернского начальства. В 1868 г. появились сначала «делегаты» для осмотра места будущего поселения. Переселенцам предлагались земли на одну тысячу семей в кочевьях большедербетовских калмыков, находившихся с 1860 г. в подчинении

ставропольской администрации. В течение полутора месяцев на правом берегу речки Хагин-Сала была произведена разметка и планировка будущего села [Лауденшлегер 1990: 2].

Однако в списке населенных мест Ставропольской губернии на 1873 г., составленном статистиком И. В. Бентковским [Бентковский 1874], немецкие поселения у речки Хагин-Сала не указаны. В других уездах Ставропольской губернии уже проживали немецкие колонисты. И. В. Бентковский, к примеру, указывает в Пятигорском уезде под цифрами 270–273 колонии, основанные до 1873 г.: Устряловка, Константиновская, Николаевская, Каррас, Темпельгоф (колония с таким же названием появится спустя 23 года после составления списка населенных мест, в 1896 г.), Орбельяновка (был и поселок Орбельяновский) и др. с данными о количестве жителей, их вероисповедании, наличии молитвенных домов, мельниц, хлебных общественных магазинов [Бентковский 1874: 23–24, 28]. В указанном перечне населенных мест записаны и колонии в Ставропольском уезде: Блюменталь, Мартинфельд, Иогансдорф, поселок Шульца, а также эстонское село Приют (в скобках указано: «фон-Ваха») и польский поселок Смиттена [Бентковский 1874: 8–9, 10, 14] и в Пятигорском уезде — эстонские хутора Подгорный, Суркульский и с. Казинка [Бентковский 1874: 27]. Тем не менее интересующие нас села (Немецкое-Хагинское и Эсто-Хагинское) не вошли в список населенных пунктов Ставропольской губернии по сведениям 1873 г., поскольку они, вероятно, еще не значилось ни на картах, ни в различных реестрах. Таким образом, либо потомок немцев И. Лауденшлегер ошибается по дате поселения предков, либо в газете при наборе статьи вкралась ошибка, что весьма часто встречалось в редакционно-издательской практике (да и встречается по сей день), поэтому ученые все-таки называют более точную дату поселения немцев в Калмыкии.

Названная выше статья И. Лауденшлегера (он потомок «калмыцких» немцев, прибывших в поисках свободных земель с Черниговщины) является первой публикацией в калмыцкой печати по истории поселения немцев на

территории Калмыкии, содержащей и другие исторические данные. Согласно И. Лауденшлегеру, к переезду в Калмыкию немцы готовились почти два года. В начале 1870 г. они двинулись в долгий путь. Переселенцы шли в калмыцкую степь группами по 20–30 подвод в сопровождении охраны, скот гнали за собой [Лауденшлегер 1990: 2].

Однако инспектор народных училищ А. Твалчрелидзе в своем труде 1897 г. «Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях» указывает, что село основано в 1879 г. немцами из Бессарабской и Черниговской губерний, «занятая селом земля принадлежала ранее калмыкам Большедербетовского улуса» [Твалчрелидзе 1991: 630]. Ученые также придерживаются этой даты поселения в Калмыкии первых немцев — 1879 г. [Белоусов 2001: 333].

Немногим ранее, в 1886 г., в другой работе И. Твалчрелидзе, описывая две немецкие колонии Кубанской области, сообщал причины переселения немцев в Россию, в частности, вторичного их переселения внутри страны, от материнской колонии к дочерней: «Малоземелие, заставившее колонистов покинуть родную Германию, не переставало преследовать их и в России. В Таврической и Екатеринославской губерниях земли, отведенной немецким колонистам, оказалось недостаточно для поддержания сносного существования всех членов колонии, а потому многим из них пришлось жизнь земледельца переменить на жизнь мастерового» [Твалчрелидзе 1886: 212].

Своим поселением в Большедербетовском улусе немцы во многом обязаны лютеранскому пастору Трейфельду⁶⁰, руководившему религиозной жизнью лютеран на Северном Кавказе и пользовавшемуся большим влиянием в ставропольских губернских кругах. Используя свои связи и авторитет, он помог немецким поселенцам найти место под поселение и благополучно там устроиться [Белоусов 2001: 333–334].

⁶⁰ К. Трейфельдт — евангелическо-лютеранский дивизионный пастор Северного Кавказа.

И. В. Борисенко дополнил статью И. Лауденшлегера некоторыми сведениями. Так, автор привел описание села Немецко-Хагинского (или Нем-Хагинка), имеющееся в книге А. И. Твалчрелидзе 1897 г. «Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях»: *Село лежит в открытой местности среди калмыцких степей при речке Хагин-Сала и балке Овсауль-Кюль... Основание селу положен в 1879 г. немцами, переселившимися сюда из Бессарабской и Черниговской губерний. Занятая селом земля принадлежала ранее калмыкам Большедербетовского улуса. К достопамятным событиям относится холера, бывшая в 1892 г., от которой умерло 6 человек. В селе 186 дворов с 198 домами и молитвенный дом, перестроенный заново в 1893 г. Постройка его обошлась в 6335 р.; при доме 90 дес. земли* [Твалчрелидзе 1991: 630; Борисенко 1991б: 2].

Причиной переселения немцев, уже осевших в Бессарабской и Черниговской губерниях, в пределы Калмыцкой степи стала реформа 1861 г., в результате которой они лишились возможности далее арендовать помещичьи земли, перешедшие в пользование бывших крепостных. И в поисках средств к существованию, по мнению С. С. Белоусова, немецкие переселенцы вынуждены были податься на Ставрополье, где имелись запасы, по их мнению, незанятой земли [Белоусов 2001: 333]. Еще одной причиной миграции внутри страны и за рубеж стала утрата немцами в 1871 г. по указу Александра II особого статуса колонистов, они были переданы под общее губернское управление, став поселянами-собственниками. Введение с января 1874 г. всеобщей воинской повинности для многих бывших колонистов стало еще одним поводом для эмиграции из России в Америку или миграции внутри империи.

3.2. Образование сел Немецко-Хагинского и Эстонско-Хагинского

На территориях калмыцких кочевий сформировались два поселения: Эсто-Хагинское (Эстонско-Хагинское, или кратко Эсто-Хагинка, позже переименовано в Либенталь⁶¹, в 1944 г. переименовано в с. Степное [Республика Калмыкия 2019: 881], в 1957 г. с. Степное — административный центр Степновского района — переименовано в пос. Яшалта, а Степновский район — в Яшалтинский район [Республика Калмыкия 2019: 574]), и Немецко-Хагинское⁶² (Нем-Хагинское или кратко Нем-Хагинка, в 1949 г. переименовано в село Ульяновское [Республика Калмыкия 2019: 557]); расстояние между селами примерно 5 км (на карте Ставропольской губернии 1893 г. указано расстояние 4 км, у А. И. Твалчрелидзе — 4 версты [Твалчрелидзе 1991: 633]).

Рис. 5. Карта Ставропольской губернии 1893 г. [Карта 1893].

⁶¹ Liebentahl (совр. написание Liebental) 'милая долина', 'дорогая долина'.

⁶² Кроненталь/Kronental (Немецко-Хагинское; также Хагинское Немецкое, Дейч-Хагинск, Хагинская), до 1917 — Медвеженский уезд Ставропольской губернии, Немецко-Хагинская (Хагинско-Немецкая, Хагинская) / Новогорлыкская волость; в советский период — Воронцово-Николаевский (Сальский) район, с 1924 г. — Калмыцкая автономная область, Яшалтинский / Западный / Большедербетовский улус (в настоящее время — с. Ульяновское, Республика Калмыкия, Яшалтинский район). Лютеранско-баптистское село основано в 1878 г. В 150 км к западу от Элисты. Основатели из Бессарабии и беловежских колоний. Лютеранский приход — Ставрополь. Земли — 4 708 дес. (1915 г.). Мельница. Колхозы им. Р. Люксембург, им. К. Маркса, им. Молотова. Сельсовет (1936). Жители депортированы в Северо-Казахстанскую обл. 7.11.1941. Жители (по годам): 432 (1880), 1 558/1 504 нем. (1897), 2 768 (1909), 1 962 (1916), 2 387 (1920), 1 876 (1925), 1 677 (1936) [Немцы России 2006: 245].

Существует две версии образования сел, в названиях которых имеется общий компонент «Хагинское», и расположенных неподалеку друг от друга. Авторы справочника административно-территориального деления Ставрополя на основе архивных документов излагают версию, согласно которой два села образованы из одного — Хагинского: «По распоряжениям наместника Кавказского и решениям Ставропольского губернского по крестьянским делам присутствия от 18 апреля 1877 года на калмыцких землях Большедербетовского улуса при балке Хагин-Сала было образовано село Хагинское Новогорлыкской волости Медвеженского уезда. Основное население его составляли немецкие колонисты лютеранского вероисповедания, переселившиеся из Аккерманского уезда Бессарабской области. Переселенцы зачислялись в сословие государственных крестьян без предоставления льгот на уплату платежей, податей и других повинностей. Как и всем крестьянам губернии, им выделялось по 15 десятин земли на ревизскую душу. Земли выдавались по двум владенным записям: поселенцам немцам — южные участки надела, поселенцам эстонцам — северные. В результате этого в 1879 году из Хагинского образовалось два села: Хагинское немецкое с наделом земли в 4 708 десятин и Хагинское эстонское на 5 976 десятинах земли. В 1881 году образовалась Немецко-Хагинская волость» [Административно-территориальное 2008: 261].

Согласно второй версии, Немецко-Хагинское и Эстонско-Хагинское села были образованы в разные годы: Нем-Хагинское в 1879 г. [Твалчрелидзе 1991: 630], а Эсто-Хагинское — в 1878 г. [Твалчрелидзе 1991: 634] или в 1881 г. [Административно-территориальное 2008: 625].

Согласно данным справочника административно-территориального деления Ставропольского края, село Хагинское Медвеженского уезда появилось в балке Хагин-Сала Большедербетовского улуса и создано для немцев-колонистов, мигрировавших из Аккерманского уезда Бессарабской губернии. «Земля обмежевана по приказу наместника Кавказского от 15 декабря 1876 г.; в апреле 1877 г. постановлением Ставропольского по

крестьянским делам присутствия официально подтверждено образование села...». В июле 1881 г., по другим данным — в 1878–1879 гг. разделено на две части, немецкую и эстонскую, из которых образовались села Немецко-Хагинское и Эстонско-Хагинское [Административно-территориальное 2008: 620]. Таким образом, из двух версий образования сел авторы склоняются к первой.

К тому же Ставропольское губернское правление спустя 2 года после основания села Хагинское уведомяло управление государственными имуществами Ставропольской губернии о том, что «земля в количестве 10 900 десят. для водворения немецких колонистов Аккерманского уезда при балке Хагин-Сала под названием „селение Хагинское“ отмежевана еще в июне м-це 1877 года ставропольским губернским землемером Булашевичем из калмыцких степей, которые состоят в особом Управлении кочующих народов Ставропольской губернии. Отмежевание производилось по распоряжению Наместника Кавказского [ГА СК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 79. Л. 10].

Жители села Яшалты, преемника села Эсто-Хагинское, считают датой основания своего поселения 1877 г. [Иваненко 1977: 4].

1877 г. как дата образования села Эсто-Хагинка упоминался в исторической справке, которую подали представители Эсто-Хагинского сельсовета в Большедербетовский улусный исполком для рассмотрения на заседании 8 апреля 1927 г. в обоснование просьбы о разрешении празднования 50-летия села в июле 1927 г. В справке говорилось: *Основано село в 1877 году в Медвеженском уезде Ставропольской губернии выходцами из Лифляндской губернии. Они выбыли из родных мест в 1871 году и в течение 2-х лет на лошадях прибыли в количестве 69 семей в село Подгорное Александровского уезда Ставропольской губернии, где большинство их осело на земле, а 12 семей в количестве 63 душ поселились на ныне занимаемом месте. Выгнали из родных мест этих эстонцев нужда и безземелье, так как в то время большинство земельных площадей в Лифляндской губернии находилось в управлении немецких баронов. Постепенно к образовавшемуся*

поселку стали стягиваться эстонцы с Крыма, Черноморской губернии и Кубанской области. В 1879 году в поселке уже состояло 60 дворов с населением 300 душ. В 1882 году сюда еще прибыло до 20 семей немцев из Самарской губернии, часть из них — 5 дворов — выселилась в Нем-Хагинское село, а в 1927 году 15 дворов выбыли на новый участок, образовав там самостоятельное земельное общество и поселок под названием Розенталь [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1190. Л. 83об.; Республика Калмыкия 2019: 880–881].

И. В. Борисенко также приводит сведения о том, что Эсто-Хагинка основана выходцами из Эстляндской и Лифляндской губерний на землях Большедербетовского улуса у речки Хагин-Сала в 1877 г. [Борисенко 1991а: 183], что близко к дате, которую считал верной А. И. Твалчрелидзе — 1878 г. [Твалчрелидзе 1991: 634]. Но при совпадении даты — 1877 г., упоминаемой приверженцами первой и второй версий образования сел, остается отличие в их позициях относительно того, какое село было основано в этом году: Хагинское как основа для разделения на два села в дальнейшем или Эсто-Хагинское, после которого было основано Нем-Хагинское. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

И. В. Борисенко вслед за А. Твалчрелидзе считает, что в основании Нем-Хагинки, кроме представителей Аккерманского уезда Бессарабской губернии, участвовали и немцы Полтавского уезда Черниговской губернии [Борисенко 1991а: 183]. Немцы из Бессарабии, от безземелья прибывшие в Россию из Голландии, были баптистами, а «черниговцы», по той же причине переселившиеся в российские пределы из Варшавского герцогства, — лютеранами. Некоторые различия у этих групп переселенцев были и в их языке [Лауденшлегер 1990: 2].

С. С. Белоусов отмечает, что одна из двух групп немцев, основавших село Ульяновку (Нем-Хагинку), прибыла из колонии Беловеж Черниговской

губерний⁶³, которая в свою очередь была образована в 1767 г. уроженцами земли Гессен (Германия). Переселиться их в Калмыкию вынудила земельная нужда, возникшая в результате быстрого увеличения немецкого населения колонии Беловеж [Белоусов 2010: 53; Очирова, Белоусов 2011: 98].

Согласно материалам дела «Переписка с Ставропольским губернским правлением по крестьянским делам присутствием об образовании в Калмыцкой степи с. Хагинского»⁶⁴ фонда «Управление земледелия и государственных имуществ Ставропольской губернии» Государственного архива края [ГА СК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 79. Л. 17–17об., 21об.], земля для Немецко-Хагинского поселения была отмежевана «из земель калмыцкого рода Генденов Большедербетовского улуса» [Административно-территориальное 2008: 581].

Рис. 6. Фрагмент карты Ставропольской губернии 1893 г. с обозначением двух сел Хагинское [Карта 1893]⁶⁵.

⁶³ Материнская колония Беловеж создана в Черниговской губернии по указу Екатерины II 1766 г. «Об отдаче имеющейся в Ивангородской сотне Беловежской степи со всеми угодьями в ведомство Малороссийского Генерал-Губернатора, для поселения на ней колонистов» [Указ 1766].

⁶⁴ Так в документе. Хагинское также обозначалось в архивных документах как: Хачинское [ГА СК. Ф. 68. Оп. 2. Д. 8052; Ф. 459. Оп. 1. Д. 1985], Немецко-Хагинское — как Хагинско-Немецкое, Немецко-Хачинское [ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 821] и Хогинско-Немецкое [ГА СК. Ф. 135. Оп. 42. Д. 53], Эсто-Хагинское — как Эсто-Хачинское [ГА СК. Ф. 102. Оп. 1. Д. 80; ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3407].

⁶⁵ На фрагменте карты видно, кроме двух сел Хагинское, обозначение села Яшалта. В 1949 г. оно было переименовано в с. Соленое [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 2а. Л. 22, 26; Республика Калмыкия 2019: 573]. В 1944 г. центр района был перенесен из Яшалты в Эсто-Хагинку, которая тогда была переименована в Степное, затем с 1957 г. стала носить название Яшалта [Республика Калмыкия 2019: 19, 573].

Причина изъятия в пользу новых переселенцев земель, принадлежавших калмыцкому населению Большедербетовского улуса, состоит в следующем. После передачи улуса в Ставропольскую губернию в нем числилось 872 323 десятин и 1 000 сажень земли и 5 123 души калмыцкого населения, на одного человека приходилось около 170 десятин земли [История Калмыкии 2009, I: 520]. «Малочисленность калмыцкого населения при наличии большого массива плодородных земель предопределила будущее улуса. ... начались изъятия его земель для наделения ею новых переселенческих сел и старожильческих селений. Уже в 1861 году площадь улуса сократилась с 872 323 дес. до 600 тыс. дес., а к 1891 году — до 289 835 дес. В период земельного размежевания 1871–1873 годов, когда по просьбе калмыков территория Большедербетовского улуса была разделена по родам, калмыки потеряли много земель» [История Калмыкии 2009, I: 520].

В 1872 г. калмыкам Большедербетовского улуса отвели душевые наделы, в результате 11 родов⁶⁶ калмыков, в которых насчитывался 5 591 мужчина, получили в надел 174 090 дес. удобной и 37 494 дес. неудобной земли и 57 712 дес. удобной земли в запас; во владение зайсангов было предоставлено 16 231,7 дес. удобных и неудобных земель. «Отвод душевых наделов калмыкам высвободил дополнительные десятки тысяч десятин земли, в большинстве своем пригодных для колонизации» [История Калмыкии 2009, I: 551], и администрация губернии стала использовать эти земли для соседних с Большедербетовским улусом селений. Около 90 тыс. десятин земли было выделено под образование селений Кистинского, Киевского, Эсто-Хагинского, Немецко-Хагинского [История Калмыкии 2009, I: 552].

В очерках (1893) А. А. Палтова (А. А. Велицына), в части второй «Положение немецких колоний в настоящее время» дается перечень

⁶⁶ 11 родов большедербетовских калмыков включали: два рода ики-туктунов, два рода бага-туктунов, род абганеров, род абганер-гаханкинов, род ики-чоносов, род бага-бурулов, род бюдермисов, род цорос-шерет-тарачинеров, род будульчинеров, род хадженкинов [Митиров 1998: 341; Буддийская традиция 2015: 48].

немецких колоний в губерниях и областях России. В Ставропольской губернии автор называет 4 колонии: Шагинско-Немецкий⁶⁷, Шагинско-Эстонский, Мартинсфельд и Темпельгоф с населением 2 458 душ, «в их владении земли 20 250 десятин» [Велицын 1893: 139]. Всего, отмечает А. А. Палтов (А. Велицын), на юге России «513 немецких колоний, с населением 310 342 души, и они владеют 2 755 320 десятинами земли» [Велицын 1893: 140].

С 1 января 1881 г. в Ставропольской губернии среди других была образована Немецко-Хагинская волость в Немецко-Хагинском поселке, с причислением к этой волости поселка Хагинско-Эстонского [Административно-территориальное 2008: 144]. С 1893 г. Немецко-Хагинское и Эсто-Хагинское стали волостными центрами Медвеженского уезда Ставропольской губернии. Оба села со времени их возникновения и отмежевания для них земли из Калмыцкой степи уже не подчинялись администрации Большедербетовского улуса, а относились к Медвеженскому уезду, так как для новых сел были специально выделены территории, изъятые из пользования калмыцких родов. Через примерно 15 лет после основания эти села стали волостными центрами.

В «Памятной книжке Ставропольской губернии» за 1898 г. Нем-Хагинка и Эсто-Хагинка не являются волостными центрами, они указаны как относящиеся к Сандатовской волости. Это видно по разделам II и III данной книжки [Памятная книжка 1898: II, III]. В разделе III, названном «Административный и судебный», дана «Таблица административно-полицейского деления Ставропольской губернии». В подзаголовке указано: «разделение губернии на уезды, и означение места нахождения становой квартиры» [Памятная книжка 1898: III, 6]. На с. 8 в подразделе «Медвеженский уезд» после Медвеженской волости указана Сандатовская волость, в составе которой обозначены становые квартиры: Хагинско-Немецкая и Эсто-Хагинская [Памятная книжка 1898: III, 8].

⁶⁷ Так в источнике. Речь идет о Хагинско-Немецком и Хагинско-Эстонском.

Подтверждением того, что Нем-Хагинка и Эсто-Хагинка относились в конце XIX в. и к Сандатовской волости, является и таблица в разделе III того же документа под названием «Таблица мест пребывания участковых сельских врачей, сельских лечебниц и фельдшерских пунктов» [Памятная книжка 1898: III, 15]. Под цифрой 5 дан «Сандатовский участок», в него вошли 11 сел, в том числе сам волостной центр Сандата⁶⁸ (или с. Сандатовское), а также: селения Хагинско-Немецкое и Эсто-Хагинское [Памятная книжка 1898: III, 15]. То же самое находим и в работе А. И. Твалчрелидзе 1897 г. Описывая селение Хагинско-Немецкое, в разделе «Медицинская помощь» инспектор народных училищ сообщает: «Медицинскую помощь больным подает участковый фельдшер, проживающий в селе Сандатовском, а лекарства берут из сандатовской волостной аптечки» [Твалчрелидзе 1991: 632].

А в таблице «Распределение ветеринарных участков Ставропольской губернии» в той же «Памятной книжке» «названия местностей, входящих в ветеринарный участок» [Памятная книжка 1898: III, 17] села Нем-Хагинка и Эсто-Хагинка в пункте 14 даны как волости: «14. Волости: Хагинско-Немецкая и Эсто-Хагинская и калмыцкие роды: Боготуктунов⁶⁹ 1 и 2, Абганер-Гаханкин, земли Улусной ставки и калмыцкого духовенства, свободные оброчные уч. №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, Зайстанские участки под литерами З, И, I, М и участок сестер Гахаева» [Памятная книжка 1898: III, 18]. Рядом, в графе «Местожителство участковых ветеринаров и число фельдшеров при них», дано: «Кол. Хагинка. 1 ф.», что означает: один фельдшер, проживающий в колонии Хагинка (в какой именно, Нем-Хагинке или Эсто-Хагинке, не совсем ясно).

К тому же, согласно «Памятной книжке» 1898 г., Нем-Хагинка обозначалась по-разному: Немецко-Хагинское и Хагинско-Немецкое. Об этом свидетельствует перечень «торгово-промышленных предприятий в

⁶⁸ Ныне село с тем же названием в Ростовской области (Сальский район), основано в 1805 г. До 1924 г. село находилось в подчинении Ставропольской губернии в составе Медвеженского уезда.

⁶⁹ Так в документе.

селениях Медвеженского уезда» Ставропольской губернии [Памятная книжка 1898: V, 27–34]. Указывается, что в Немецко-Хагинском функционировал трактир Н. Н. Игнатьева [Памятная книжка 1898: V, 32] и в Хагинско-Немецком был трактир Н. Н. Игнатьева [Памятная книжка 1898: V, 34], а также в Хагинско-Немецком, кроме данного трактира, обозначены предприятия с пометкой «смешан.» И. Е. Баргаря, И. А. Вотрина, В. Н. Игнатьева, М. Д. Кадаева; с пометкой «зем. ор.» обозначены предприятия Д. Ф. Воненберга и Г. Д. Шмидта.

Некоторые данные о рассматриваемых поселениях можно найти в «Военно-статистическом обозрении Российской империи, издаваемом по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба [трудами офицеров Ген. штаба]» (СПб., 1848–1858). В описании хутора с калмыцким названием Джувэ Медвеженского уезда Ставропольской губернии говорится, что около 1875 г. крестьянам села Березовского был нарезан дополнительный надел из запасных калмыцких земель по балочке Джувэ, в количестве 3 000 десятин. Сюда переселились несколько семейств из с. Березовского и образовали поселок, названный хутором Джувэ. К 1900 г. в хуторе насчитывалось около 80 дворов. Сообщаются и другие сведения о том, что, к примеру, известный благотворитель Гавриил Захарович Петров построил в хуторе в 1899 г. и церковь, и школу. Стоимость деревянной Ирнинской церкви — 14 000 рублей, иконостаса — 5 000. «Церковно-приходская школа одна, жалованье учителю — 400 рублей. При школе для учителя 2-комнатная квартира с кухней» [Военно-статистическое обозрение 1851: 411]. В описании хутора Джувэ даются некоторые сведения и о Немецко-Хагинском и Эсто-Хагинском: «В Немецко-Хагинском имеется также подведомственная местному причту церковно-приходская школа, размещенная в собственном здании. Население: в хуторе Джувэ — 1 290, приписанных в с. Немецко-Хагинском (в 8 верстах) — 131 и в Эсто-

Хагинском⁷⁰ (8 верст) — 13. Всего 1434 душ. Рождений 98, браков — 14, смертей — 29» [Военно-статистическое обозрение 1851: 411–412].

3.3. Хозяйственное и социальное развитие

Известный краевед, инспектор народных училищ Ставропольской губернии А. И. Твалчрелидзе приводит подробные данные о жителях, хозяйстве и занятиях сел губернии, которые представляют интерес для нашей темы, поэтому приведем сведения из его фундаментальной работы, посвященной статистическому, географическому, историческому и сельскохозяйственному описанию края. Исследователь пишет, что немцы-мигранты из Бессарабской и Черниговской губерний поселились на земле, которая «принадлежала ранее калмыкам Большедербетовского улуса», он упоминает обозначающие географические объекты калмыцкие топонимы, где появилось село: речка Хагин-Сала и балка Овсаул-Кюль [Твалчрелидзе 1991: 630]. Таким образом, после поселения немцев-колонистов территория, занятая селом, отошла к Новоегорлыкской волости Медвеженского уезда, к которой стало относиться Хагинское до образования самостоятельной волости.

В Немецко-Хагинском имелись 186 дворов с 198 домами и молитвенный дом. Население села по посемейным спискам, по данным А. Твалчрелидзе, опубликовавшего книгу в 1897 г., включало 1 313 чел., из них 702 мужского пола и 611 — женского, выходцев из Бессарабской и Черниговской губерний. Кроме них, в селе проживали так называвшиеся «иногородние» — выходцы из Саратовской губернии, всего 55 человек. Хозяйственные занятия населения включали земледелие и скотоводство. В распоряжении жителей села имелось 4 288 десятин земли, кроме того, немцы арендовали 2 466 десятин земли у калмыцкого населения. В хозяйствах к 1897 г. насчитывалось 764 лошади, 1 071 голова крупного рогатого скота, 1 188 овец и 307 свиней — таким образом, население было не бедным. К

⁷⁰ В документе: Эсто-Хачинском.

тому же в селе имелись 2 мануфактурные лавки, 5 мельниц, а «запасный хлеб хранится в общественном магазине, могущем вместить 500 четв⁷¹. зерна. Налицо в нем находится 297 четв. хлеба, а по норме его должно быть 394 четв. 4 четвк⁷².» [Твалчрелидзе 1991: 630–631].

По замечанию А. И. Твалчрелидзе, немцы пахут землю железными плугами, в каждый плуг запрягаются две пары волов. Плуги покупаются или изготавливаются самими колонистами, а также для пахоты употребляются букари⁷³ и ораля. Имелись у крестьян и 45 веялок, 30 жаток, 20 конных грабель и 15 косилок. Закупались орудия труда в Ростове-на-Дону за наличные, ежегодно село приобретало 5 жаток за 750 рублей и примерно 10 плугов за 500 рублей общей стоимостью. Обработку земли немцы вели по плодопеременной системе. Сеяли рожь и пшеницу. Излишки сельчан продавали в Ростове. Немцы, кроме занятия земледелием, разводили скот: в селе имелись 1 071 голова КРС, 764 лошади, 1 188 овец и 307 свиней.

Торгово-промышленные предприятия в селе были следующие: две мануфактурные лавки, один питейный дом, 4 ветряных мельницы и одна — с конным приводом.

В селе функционировало начальное церковно-приходское училище, которое посещали 112 мальчиков и 91 девочка. Училище располагалось на территории молитвенного дома, а учитель, работавший в нем, являлся выпускником Юрьевской учительской семинарии. Для педагога при доме имелись 2 комнаты, кухня и погреб.

И. Лауденшлегер приводит цитаты из дневника первого учителя, приехавшего в калмыцкие степи из Польши, — Савицкого, которого, замечает автор, «в народе называли Гансом». Учитель Савицкий вел дневник, начиная с середины 1870 г. и до конца 1880-х гг., в котором писал:

«Немцы-переселенцы в основном были очень бедны, плохо одеты. Все их имущество состояло из самотканых портков и латаной свитки...»

⁷¹ Четверть — мера объема сыпучих тел в России в XIV–XX вв., 1 четверть = ¼ ведра = 3,0748 л.

⁷² Четвк. — четверик, одна восьмая часть четверти.

⁷³ Букарь — плуг, имеющий от 2 до 4 лемехов [Словарь 1975: 46].

Питаться приходилось подаянием от жителей населенных пунктов, попадавших на пути следования. На новом месте после резкого изменения условий жизни и перемены климата началась малярия, которая унесла много жизней. Народ был обречен, все, к чему он стремился, — иметь свою землю — он получил. Но землю надо обработать — вспахать, засеять — только потом ожидать урожая, как спасения. Спасла этих людей доброта русских, живших по соседству. Они оказали бескорыстную помощь... Калмыки пригоняли к немецким поселениям в дар по полтора-два десятка овец и крупный рогатый скот» [Лауденшлегер 1990: 2].

К 1897 г. из всего населения, насчитывавшего 1 313 чел., 24 семейства принадлежали к секте баптистов, остальные жители колонии являлись лютеранами. Молитвенный дом был построен вскоре после основания села, так как уже в 1893 г. он был перестроен; при нем имелось 90 десятин земли. [Твалчрелидзе 1991: 630–631].

Почту жители колонии получали из села Сандата, где имелось почтовое отделение. Ближайшей почтово-телеграфной конторой названа казенная станция в селе Средний Егорлык, до которой 101 верста. В селе имелась общественная квартира с кроватью, но не было постоянного двора; на продукты была установлена такса [Твалчрелидзе 1991: 632].

Эсто-Хагинское село также располагалось у речки Хагин-Сала и балки Овсаул-Кюль, хотя А. И. Твалчрелидзе отмечает, что «земля, находящаяся теперь во владении села, принадлежала казне» [Твалчрелидзе 1991: 634] — вероятно, в данном случае речь идет о земле, которая не была отведена калмыцким родам. Однако эта территория относилась к Большедербетовскому улусу и впоследствии вместе с улусом вошла в состав Калмыкии. Население Эсто-Хагинского включало не только эстонцев, но и немцев из Эстляндской и Лифляндской губерний, всего к 1897 г. имелось 78 дворов с 81 домом и молитвенный дом; по посемейным спискам здесь проживал 531 чел., в том числе 279 мужского пола и 252 — женского. Были среди жителей села и «иногородние» — 17 чел., переселившихся из

Эстляндской и Лифляндской губерний, несколько человек — из Екатеринославской губернии.

Немецкое и эстонское население Эсто-Хагинского было весьма близким по культуре населению Нем-Хагинского, так как все его жители являлись лютеранами, за исключением одной семьи, которая придерживалась баптизма [Твалчрелидзе 1991: 634]. Жители Эсто-Хагинки обработку земли вели так же, как и их соседи из Нем-Хагинки, пахали землю букарями и железными плугами, в которые впрягали 2–4 лошади, волов в селе не было. Кроме плугов, селяне имели 32 веялки, 22 сенокосилки и 18 жаток, закупувавшихся в Ростове-на-Дону [Твалчрелидзе 1991: 634].

Женщины занимались в основном шитьем одежды мужской и женской, тканьем шерстяных материй, изготовлением одеял и др., вплоть до перчаток, шарфов и чулок, свои изделия женщины продавали на ярмарках в соседних селах. Кроме хлебопашества, жители села занимались и скотоводством: они имели 293 лошади, 915 голов крупного рогатого скота, 895 овец и 58 свиней. Скот продавали на ярмарках в ближайших селах, выручая ежегодно 150 рублей [Твалчрелидзе 1991: 635].

И. В. Борисенко приводит чуть меньшие, но сопоставимые цифры, характеризующие уровень жизни населения Эсто-Хагинки: «84 двора, при поселке церковь, школа, одно питейное заведение; хозяйство включало 800 голов коров и телят, 872 овцы и др. мелкого рогатого скота, 282 лошади и 50 голов свиней» [Борисенко 1991а: 183].

Зажиточность населения Эсто-Хагинского выражалась в том, что при норме общественного запаса в 118 четвертей озимого и 96 четвертей ярового зерна в специальном хранилище («магазине») хранились запасы в 259 четвертей озимого и 96 четвертей ярового зерна, а всего в данном хранилище могло расположиться 900 четв. зерна. Постройка такого магазина обошлась селянам в 1 500 рублей [Твалчрелидзе 1991: 635].

В СМИ имеется упоминание, что в 1883 г. жители Эсто-Хагинки собрали деньги и возвели молитвенный дом. С 1898 г. драматический кружок

при церкви стал давать платные спектакли. На собранные средства в 1893 г. в селе была построена школа, состоявшая из классной комнаты и квартиры для учителя, в ней стали обучаться около 60 учащихся. Первым учителем был Ян Линде [Иваненко 1977: 4].

По данным же А. И. Твалчрелидзе, в Эстонско-Хагинском селе функционировало начальное церковно-приходское училище, которое имело собственное здание, построенное в 1891 г. В нем обучались 25 мальчиков и 21 девочка. Если в Немецко-Хагинском медицинскую помощь оказывали местная акушерка и фельдшер из села Сандата, то в Эсто-Хагинском население оказывало себе самостоятельно помощь, сверяясь с учебниками по медицине, выписанными из Лифляндии [Твалчрелидзе 1991: 632–636].

Почту жители колонии получали из Новогорлыкского почтового отделения. Ближайшая почтово-телеграфная контора располагалась в селе Медвежьем в 80 верстах. В селе имелась общественная квартира с кроватью и умывальником, но не было постоянного двора [Твалчрелидзе 1991: 637].

Перечисляя соседние села (Нем-Хагинское, Новогорлыкское, Березовское), А. И. Твалчрелидзе сообщал, что «обывательские лошади даются во все поименованные села», и отмечал, что «ночные путешествия тоже повсюду безопасны» [Твалчрелидзе 1991: 637], что, конечно, было немаловажным для любого переселенца.

Наличие церковно-приходских школ в селах Немецко-Хагинском и Эсто-Хагинском подтверждается и памятными книжками Ставропольской губернии. К примеру, в книжке (адрес-календарь) за 1898 г. в разделе II под названием «Учреждения губернские и уездные» (подраздел «Министерство народного просвещения») дается перечень школ, гимназий, училищ [Памятная книжка 1898: II, 16–21]. Среди церковно-приходских школ указаны одна католическая в Ставрополе, 13 лютеранских в разных селах губернии и в Ставрополе. Среди этих 13 лютеранских указаны школы в Немецко-Хагинском (в скобках даны фамилии и инициалы учителей:

Эвальдсон К. И., Воненберг Д. Ф.) и Эсто-Хагинском (Ольберг Г., Юдос Я.) [Памятная книжка 1898: II, 21].

Село Немецко-Хагинское в 1893 г. «немного опережало в своем развитии Эсто-Хагинское. В нем имелось 199 дворов, 1 179 коренных и 23 иногородних жителя, школа, церковь, 4 торговые лавки и 6 мельниц. Хозяйство Нем-Хагинки составляло 794 коровы и телят, 492 лошади, 1 429 овец и другого мелкого скота. В селе стало действовать кустарного характера текстильное производство, давшее затем небольшую фабрику „Кока“. В 1905 г. в Эсто-Хагинском числилось 822 человека, Немецко-Хагинском — 1 957 чел.» [Борисенко 1991а: 184].

В Нем-Хагинке, судя по «Памятной книжке Ставропольской губернии» 1898 г., по субботам проводились ярмарки. В пятом разделе книжки под названием «Торгово-промышленный» дается «Росписание⁷⁴ ярмарок и базаров в Ставропольской губернии» [Памятная книжка 1898: V, 9].

Жители Эсто-Хагинки поддерживали связи с родиной — Эстляндией. По сообщению в 1968 г. М. У. Абдокова (эти же сведения привел позднее, в 1977 г., А. Иваненко), «в 1906 г. из Эстлянской губернии в село приехал работник социал-демократической газеты «Уудисед» (Uudised)⁷⁵ Тенисгоф, и под его руководством было организовано „общество народного образования“, которое проводило просветительскую деятельность в Эсто-Хагинке» [Абдоков 1968: 4–5; Иваненко 1977: 4]. В селе открылся с его помощью клуб, были организованы «кружки, хор декламаторов, мужской и смешанный хоры, драмкружок и Общество трезвости, на сцене клуба ставились спектакли по пьесам Аугуста Кицберга» «Tuulte poorises» («В вихре ветров») и Минны Кант «Anna Liisa» («Анна Лиза») [Абдоков 1968: 6].

В Эсто-Хагинке, согласно «Памятной книжке» 1898 г., функционировало торговое предприятие, в разделе V в перечне торгово-промышленных предприятий оно указано с пометой «вин.», в качестве

⁷⁴ Так в документе.

⁷⁵ В переводе с эстонского: новости.

владельца значится: «Петровский Ильен М. С.» [Памятная книжка 1898: V, 34].

К 1913 г. Нем-Хагинка заметно выросла, жизнь в селе постепенно наладилась. В нем была уже построена паровая вальцовая мельница, появился кирпично-черепичный завод. В это же время была проложена железная дорога Царицын – станция Воронцовка – Ростов-на-Дону [Лауденшлегер 1990: 2]. Все это, несомненно, сильно повлияло на преобразование степного края, а заодно и на жизнь немцев-переселенцев.

В дальнейшем, кроме двух сел, в которых концентрировалось немецкое население — Нем-Хагинском и Эсто-Хагинском, были основаны другие поселения и хутора, в которых расселялись немцы на территории Большедербетовского улуса. О двух из них говорится в рапорте Медвеженского уездного исправника⁷⁶ Ставропольской губернии от 2 ноября 1915 г., который хранится в Государственном архиве Ставропольского края в фонде 101 [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 13–13 об., 14]. Исправник возглавлял уездное полицейское управление — подразделение МВД. Рапорт под грифом «Секретно» и номером 697 подан в Ставропольское губернское правление (стол 6, 5 ноября 1915 г., вх. № 280).

На предписание от 14 октября 1915 г. (за № 405) уездный исправник докладывал, что между селами Жуковским и Краснополянским, на бывших землях князя Гахаева, имеется небольшая немецкая колония с 37 домохозяевами и площадью земли в 1 667 десятин [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 13–13 об.; Немецкое население 2002: 101].

⁷⁶ Фамилия не указана.

Рис. 7. Фрагмент карты Ставропольской губернии. 1893 г.
На карте обозначены с. Жуковское и Красная Поляна, между которыми находились поселки немцев — Гахаевский и Анненский

Далее исправник, подпись которого в конце документа неразборчива, сообщает, что на расстоянии двух верст от колонии расположен еще один поселок с 23 домохозяевами и площадью земли в 1 000 десятин. Эти поселяне, как и первые, — выходцы из Пруссии, но родились в России и «состоят в русском подданстве, кроме Франца Леймана, который состоит германским подданным» [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 13–13 об.].

Таким образом, из материалов рапорта исправника выясняется, что кроме сел Нем-Хагинка и Эсто-Хагинка немецкое население проживало в Медвеженском уезде в двух поселках к западу от Большедербетовского улуса, между селами Жуковское и Красная Поляна.

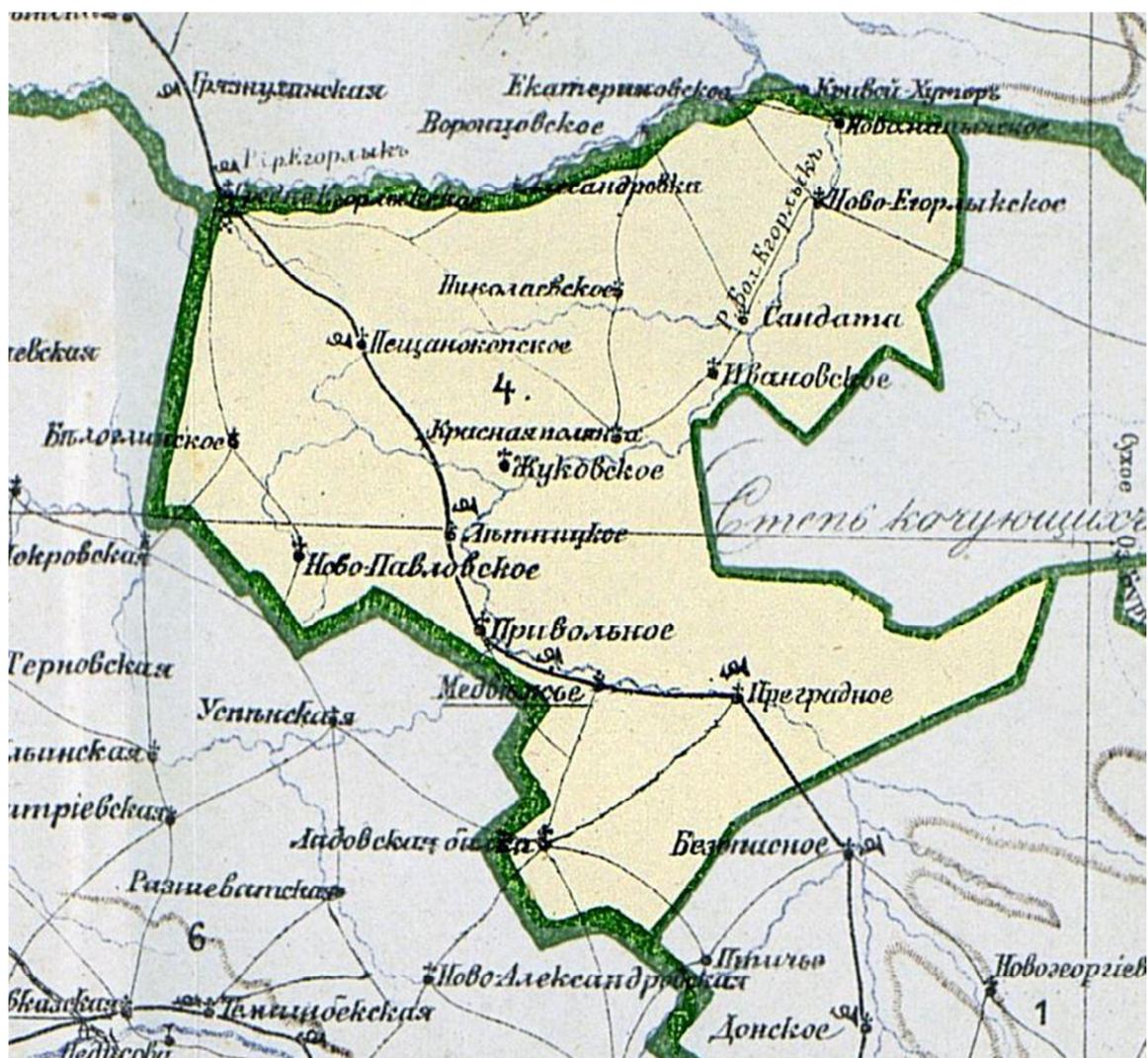

Рис. 8. Карта Медвеженского уезда Ставропольской губернии 1878 г. [Карта 1878]

Отдельно исправник отмечает, что в уезде имеются два села: Нем-Хагинское с хутором Кутурта и Эсто-Хагинское, «кои населяют немцы-крестьяне; их граничат земли Романовских крестьян и калмыков Большедербетовского улуса» [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 13–13 об.]. В Нем-Хагинском проживает 375 немцев-домохозяев, площадь их земельных владений — 4 708 десятин. В хуторе Кутурта 8 немецких домохозяйств, у которых 1 200 десятин земли, в Эсто-Хагинском — 28 немецких домохозяйств, площадь земельных владений — 616 десятин. Все немцы занимаются хлебопашеством [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 13–13 об.].

Исправник дает поселянам характеристику: они почти ничем не отличаются от своих соседей — жуковских и краснополянских крестьян, кроме религии (немцы — католики⁷⁷) и языка, а также некоторых приемов в обработке земли. С жителями соседних сел немцы имеют постоянное общение и «относятся друг к другу безразлично» [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 13 об., 14].

Рис. 9. Фрагмент карты Медвеженского уезда Ставропольской губернии 1878 г. [Карта 1878]

Поскольку в период написания рапорта исправника Медвеженского уезда шла Первая мировая война, уездный исправник отмечает и отношение к ней немцев: «К событиям войны относятся безучастно и безропотно поставляют в армию своих сынов, лошадей» [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 13 об., 14]. С началом войны, сообщает исправник, немцы «стали вести себя тише, с русскими жителями стали обращаться более вежливо, чем раньше, но не стараются особенно дружить, относятся к русским с недоверием, и были случаи, когда некоторые немцы явно выражали свое недружелюбное и почти враждебное отношение к русским, считая немцев

⁷⁷ В действительности немцы были лютеранами и баптистами. Но, по-видимому, для православного верующего недостаточно ясна была разница между этими направлениями христианства и католицизмом.

непобедимыми на войне. Заметно было, что когда, по газетным сведениям, германские войска имели успех, настроение у местных немцев веселее, а когда наши войска побеждают германских, они становятся печальными» [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 14].

Спустя 1,5 месяца, 19 января 1916 г., исправник Медвеженского уезда подает рапорт Ставропольскому губернатору за номером 27 (получено канцелярией губернатора 21 января 1916 г., № 1219)⁷⁸. В нем он докладывает, что во вверенном ему уезде немцы-колонисты живут в следующих местах: «в 1-м стане, на земле бывшей нойона Гахаева, в 1912 году выстроили два немецких поселка — Гахаевский и Анненский [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 50]⁷⁹, первый с населением 151 душ мужского и 133 женского пола, второй — 66 душ мужского и 76 душ женского пола» [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 50]. Оба поселка расположены вблизи сел Жуковское и Красная Поляна. Исправник отметил, что все немцы — «русско-поданные и родились в Екатеринославской и Херсонской губерниях» [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 50]. Исключение составляет семья Кипновских: 4 мужчины и 3 женщины, а также Франц Лейман — «германско-поданные, уже высланные из пределов Ставропольской губернии» [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 50; Немецкое население 2002: 107].

В рапорте далее сообщается, что в 5-м стане имеются селение Хагинское и хутор Кутурта, которые «населены исключительно немцами», а также селение Эсто-Хагинское, где, кроме эстонцев, живут 20 семейств немцев. В Хагинском «приписанных к обществу 1 390 душ, иногородних — 572 души», на хуторе Кутурта 38 иногородних. В Эсто-Хагинском «приписанных 162 души», 10 иногородних — всего 2 172 жителя [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 50об.]. Уездный исправник также докладывал, что из села Хагинское выслана семья Горн (3 мужчины и одна женщина) как германско-подданных [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 50об.].

⁷⁸ Документ также опубликован в [Немецкое население 2002: 100–107]. Подпись уездного исправника неразборчива.

⁷⁹ Подчеркнуто мной. — *Р. С.*

Исправник уездного полицейского управления, как и в предыдущем рапорте, дает характеристику жителям двух сел и хутора: немцы ведут себя хорошо, по своему образу жизни и привычкам мало чем отличаются от русских крестьян, «настроение немцев означенных пунктов теперь несколько подавленное, и они боятся, что им будет плохо в случае победы России над Германией. По отношению к русским немцы стараются быть покорными, но относятся к ним с недоверием. Так немцы стали вести себя с возникновением войны с Германией, а раньше вели себя гордо» [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 50, 50об.; Немецкое население 2002: 107].

С началом столыпинской реформы 1906 г., начавшейся после крестьянских волнений и направленной прежде всего на передачу наделных земель в собственность крестьян и постепенное упразднение сельской общины путем отмены коллективного землевладения, крестьяне стали выходить из общин, стремясь получить землю в частную собственность. Указ от 9 ноября 1906 г. разрешил членам общины выходить из нее и закреплять наделную землю в личную собственность [Указ 1906]. Но раздел общинной земли не всегда всех устраивал, что сопровождалось жалобами. Это происходило и в Эсто-Хагинке, что подтверждается архивными документами, хранящимися в Российском государственном историческом архиве. В фонде «Второй (Крестьянский) департамент Сената» имеются рапорты ставропольского губернатора по жалобам нескольких крестьян с Эсто-Хагинское Медвеженского уезда по делу о выходе из общины. Рапорты датированы 14 июня и 7 июля 1908 г. [РГИА. Ф. 1344. Оп. 216. Д. 720, 721, 722, 723, 823, 824; РГИА. Ф. 1344. Оп. 243. Д. 152, 153].

Следует сказать, что земля, собственный надел земли были главными для крестьянина. Частые споры по земельным вопросам решались обращениями к властям, о чем в архивах сохранились документы. К примеру, в рапорте попечителя Большедербетовского улуса Главному приставу кочующих народов Ставропольской губернии (№ 1480) от 10 июня 1880 г. крестьяне селения Немецко-Хагинское в бытность у них господина

начальника губернии обратились к его Превосходительству с просьбой об отдаче земли в арендное содержание сроком на 12 лет участка свободной Калмыцкой степи, оставленного калмыками 2-го Багатугтунова рода, находящегося в местности «Борны» [ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 281. Л. 1]. Попечитель улуса сообщал, что господин губернатор приказал ему войти по этому поводу в оглашение с обществом калмыков. Имея в виду, что ту землю, какую просят немцы в аренду, «ходатайствует в надел Ламайское духовенство вверенного мне улуса» [ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 281. Л. 1–1об.]. Далее попечитель, представляя Главному приставу кочующих народов приговор Нем-Хагинского общества от 15 мая 1880 г., просит его сообщить: возможно ли отдать ту землю в аренду и на каких условиях? Причем не откажите сообщить, сколько в том участке десятин, т.к. сведений этих в делах у управления нет [ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 281. Л. 1об.].

Означенный участок Борне (а также: Борны, Борна) упоминается и в документах конца XIX в., сохранившихся в РГИА, к примеру, дело 1899 г. об отдаче крестьянину Ивану Бедрику через его доверенного — дворянина Жукова в долгосрочную аренду двух участков под названием «Борне» и «Красное». «Тут же об отдаче Немецко-Хагинскому сельскому обществу в аренду, без торгов, участка Борне» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 303]. Земля в урочище Борне упоминается и в документах фонда «Земский отдел МВД», в деле 1904 г. «Об отдаче Немецко-Хагинскому сельскому обществу Большедербетовского улуса, Ставропольской губернии в арендное пользование калмыцкого оброчного участка под названием „Борне“» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 87].

В 1920 г. село Немецко-Хагинское имело население 2 387 чел., площадь земли — 5389,69, село Эсто-Хагинское имело население 1 148 чел. и площадь земли 7231,86 [Административно-территориальное 2008: 410].

В середине и в конце 1920-х гг. от села Немецкая Хагинка отпочковалось 7 хуторов (субдочерних колоний), положивших начало новым немецким населенным пунктам. Ко времени Всесоюзной переписи населения

СССР 1939 г. немецкое население в Калмыкии выросло до 4 150 человек, и по численности оно переместилось на третье место в этнической структуре населения республики [Очирова, Белоусов 2011: 98].

Вокруг Нем-Хагинки появились следующие новые сёла и хутора: Розенталь (образован как хутор в 1925 г. на территории Большедербетовского улуса группой немецких семей, переселившихся из с. Эсто-Хагинки на Кандыбаровский участок; по данным переписи 1939 г., в Розентале проживало 415 человек; при депортации в ноябре 1941 г. было выселено 587 немцев); Моргентау (основано в 1928 г., когда 22 немецкие семьи из Нем-Хагинки поселились на залежных землях 1-го Икитуктуновского сельсовета Большедербетовского улуса); Шен-Брун (по данным ВПН-1939, на хуторе проживало 127 человек, при депортации немцев в ноябре 1941 г. из села было выселено 125 чел.); Шенфельд (образовано в 1927–1928 гг. в ходе межселенного землеустройства; по данным ВПН-1939, в селе проживало 659 чел.), Ней-Фельд (хутор во 2-м Ики-Чоносовском сельсовете Яшалтинского улуса, с декабря 1944 г. — улус стал Степновским районом Ростовской области); Рейн-Фельд (основано в 1929 г. в ходе межселенного землеустройства в Немхагинском сельсовете; 31 семья из Нем-Хагинки переселилась и образовала хутор Рейнфельд. По данным ВПН-1939, в селе проживало 189 чел., в ноябре 1941 г. немецкое население в количестве 308 человек было выселено в Казахстан); Фриденталь (образован как посёлок во 2-м Икитуктуновском сельсовете Большедербетовского улуса Калмобласти, с 30 марта 1930 г. по декабрь 1943 г. посёлок Западного улуса КалмАССР; по данным ВПН-1939 г., в нем проживало 333 чел.; при депортации немцев из Калмыцкой АССР во Фридентале учтено 452 жителя немецкой национальности, которые в ноябре 1941 г. были выселены в Казахскую ССР), и др. [НА РК. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 42. Л. 9; НА РК. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 64. Л. 85; Республика Калмыкия 2019: 823, 866, 867].

Постановление СНК РСФСР «О новом устройстве земельного быта калмыцкого народа» от 24 июля 1919 г. коснулось и устройства немцев. 18 февраля 1924 г. постановлением Президиума ВЦИК № 52 Большедербетовскому улусу Калмыцкой автономной области переданы бывшие волости Ставропольской губернии — Яшалтинская, Эсто-Хагинская и Немецко-Хагинская [Национально-государственное строительство 1981: 89; Безнощенко 2002: 2].

Решением Большедербетовского уисполкома от 17 января 1925 г. был осуществлен прием Немецко-Хагинской колонии в состав Калмоласти и утвержден Акт приемочной комиссии. В селе Нем-Хагинское в тот момент имелось 479 дворов. В «Списке населенных пунктов Большедербетовского улуса в 1929 году» в Нем-Хагинке числилось 352 двора и 1 697 жителей [Республика Калмыкия 2019: 741].

Немецкое население сел Кроненталь (Немецкая Хагинка) и Эсто-Хагинки первоначально придерживалось лютеранского и меннонитского вероучений, но к концу XIX в. меннонитов постепенно вытеснили баптисты, а в 1920-е гг. у немцев Большедербетовского улуса функционировали организации трех направлений протестантизма — лютеранские, баптистские и пятидесятнические. Между религиозными организациями шла постоянная борьба за влияние на немецкое население [Белоусов 2010: 53].

Баптизм появился в Калмыкии в 1890-е гг., первыми его последователями были представители немецкой и русской этнических групп. В 1925 г. религиозные баптистские организации действовали в трех селах Калмыкии, в том числе в Элисте и Нем-Хагинке, а в Эсто-Хагинке — лютеранская община и общество пятидесятников [Белоусов 2017: 49].

На территории Калмыцкой автономной области в 1920-е гг. действовали организации, представлявшие три течения протестантизма: лютеранское, баптистское и пятидесятническое [Белоусов 2017: 48]. В 1930-е гг., в период кампании по борьбе с религией, все они, как и организации других конфессий, были закрыты.

В XX в., вплоть до конца 1980-х гг., немцы в Калмыкии входили в тройку или пятерку наиболее многочисленных ее этносов. Немцы придерживались протестантского исповедания, а наиболее крупной группой верующих, по мнению С. С. Белоусова, были евангельские христиане-баптисты [Белоусов 2016: 35].

Несмотря на провозглашение советским правительством атеизма как государственной политики, религия для немцев была, скорее всего, проявлением их национальной идентичности. И. В. Черказьянова отмечает, что «особой формой проявления национального чувства немцев была повышенная религиозность, вообще свойственная этому народу и обострившаяся в условиях иноязычного окружения при переселении» [Черказьянова 2004: 168].

В 1920-е гг. протестантские организации в Калмыцкой автономной области, особенно немецкие, по мнению С. С. Белоусова, развивались успешно, демонстрируя устойчивую динамику роста. Немецкие религиозные лидеры умело воспользовались возможностями, открывшимися для протестантов после уравнивания их в правах с представителями других конфессий в 1918 г. Они активизировали пропаганду и смогли привлечь в ряды своих организаций новых членов, укрепив тем самым в немецких поселениях позиции протестантизма [Белоусов 2017: 51].

В немецких селах сторонники различных религиозных течений вели борьбу за adeptов. В газете «Красная степь» от 3 марта 1927 г. в публикации из Большедербетовского улуса сообщалось, что в с. Немецкая Хагинка «идёт неустанная борьба не классов, а сектантов», «население читает „Библию“ запоем» [Посторонний 1927: 2]. В конце заметки корреспондент пишет: «Все село так скованно, сцеплено, окутано религиозным дурманом, что ни о каких новых формах общественного движения немцы и слышать не хотят» [Посторонний 1927: 2].

Благодаря пропаганде баптистов своего вероучения многие лютеране Нем-Хагинки приняли баптизм. В 1928 г. в зарегистрированном в 1926 г.

обществе немхагинских баптистов числилось 327 человек [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 275. Л. 124 об.]. Тем не менее в Нем-Хагинке проживало еще две группы лютеран (56 и 178 человек) [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 275. Л. 124 об.], одна из них прошла регистрацию 1 февраля 1925 г. и заключила договор с сельским советом о пользовании молитвенного дома [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 508а. Л. 51].

Чтобы привлечь к себе молодёжь, верующие немцы открыли хоровой и музыкальный кружки, устраивали праздники, например, «День урожая». Оказывали благотворительную помощь бедным односельчанам; при этом они запрещали своим детям посещать клубы, участвовать в политических мероприятиях [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 275. Л. 127]. По социальному положению большинство протестантов Нем-Хагинки, не считая пятидесятников, относилось к средним слоям населения, их доля составляла от 54 % до 63 % . Среди пятидесятников бедняки преобладали: их было 38 процентов; зажиточных насчитывалось 19 %, середняков — 4 %, батраков — 3 % [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 275. Л. 124об.].

В первые годы советской власти, несмотря на декрет СНК РСФСР от 4 января 1919 г. «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», отношения между властями и верующими немцами осложняла именно этот вопрос. Согласно декрету, «лицам, не могущим по своим религиозным убеждениям принимать участие в военной службе, предоставить право по решению народного суда заменить таковую на определенный срок призыва его сверстников санитарной службой преимущественно в заразных госпиталях или иной соответствующей общепользуемой работой по выбору самого призываемого» [Декрет 1919].

Эстонцы и немцы с. Эсто-Хагинского по вероисповеданию были лютеранами, у них была своя кирха, в которой до 1929 г. проходили богослужения. В марте 1925 г. было зарегистрировано Эстохагинское лютеранское общество, перерегистрацию оно прошло в июле 1928 г. В обществе числилось 53 человека, в него входили также руководитель

общества и избираемый из 3 человек исполком [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 2. Д. 508а. Л. 48].

28 августа 1941 г. калмыцкие немцы были репрессированы и депортированы в Казахскую ССР, откуда они стали возвращаться на родину, в Калмыкию, в конце 1950-х гг. «Среди прибывших в республику немцев имелись последователи баптистского, лютеранского и пятидесятнического вероисповеданий, которые попытались наладить свою религиозную жизнь. Самыми многочисленными из них были евангельские христиане-баптисты, объединившиеся в группы в с. Ульяновке, Эсто-Алтае, Виноградном, Краснополье и х. Дружном Городовиковского района. Баптисты проводили религиозные собрания в частных домах, устраивали обряды крещения в прудах, вели скрытую пропаганду своего вероучения с целью привлечь в свои ряды новых сторонников. Вся эта их деятельность была незаконной, так как ни одна из групп не была зарегистрирована в органах государственной власти. В отношении баптистов применялись профилактические и административные меры воздействия, однако желаемого результата это не давало. Баптисты на время прекращали молитвенные собрания, однако при первой возможности возобновляли» [Белоусов 2016: 35–36].

«По сравнению с другими национальностями народное образование у немцев-колонистов до революции 1917 г. стояло на довольно высоком уровне. Редкая колония не имела своей начальной школы, неграмотных не было даже среди стариков, а большинство из этих школ, а также учительство, находились на полном иждивении самих колонистов» [Дённингхаус 2020: 44].

Высокий уровень грамотности российских немцев в дореволюционный период подтверждается и данными первой переписи 1897 г., самым высоким в стране он был у немцев, «причем мужчины и женщины были грамотны почти в одинаковой степени: показатель грамотности у первых 545 промилле, у вторых — 548 промилле. При этом половина немцев отнесла себя к грамотным по-русски, немки в большей мере на родном языке — 332

промилле. На следующем (втором)⁸⁰ месте — отнесенные к литовско-латышской группе языков» [Богданов 1964: 127]. Согласно переписи 1897 г., евреи занимали третье место по уровню грамотности: среди мужчин (485 промилле) почти в два раза выше, чем среди женщин (272 промилле). Большинство было грамотно на русском языке. Четвертое место по уровню грамотности мужчин — 355 промилле — принадлежит населению, отнесенному к группе финских (финно-угорских) языков; грамотность женщин — 268 промилле. Одной из народностей, преобладающей по численности в этой группе, являются эстонцы — жители Лифляндской и Эстляндской губерний, как было нами ранее отмечено, почти все поголовно грамотные. Грамотных поляков — 306 промилле (с преобладанием русского языка), грамотных поляков — 288 промилле, с большим (втрое) преобладанием польского языка. Грамотность русского населения, занимающего в таблице по уровню грамотности шестое место, составляет среди мужчин 291 промилле, среди женщин — 84 промилле [Богданов 1964: 129].

Таблица 2. Уровень грамотности населения Российской империи (1897 г.)

Группы языков ¹	На 100 чел. данной группы по языку приходится								Общ. числ-ть населения по каждой группе языков (в тыс.)	
	Всего грамотных		В том числе грамотных				Имеющих образование выше начального			
			По-русски		На других языках					
	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин
Русский	291	84	290	82,5	1	1,5	15	10	41 270	42 663
Польский	308	288	176	93	130	185	29	12	3 933	3 998
Литовско-латышский.....	519	524	221	128	298	396	7	1	1 506	1 558
Романские.....	119	29	112	23	7	6	8	8	584	559
Немецкий.....	545	548	275	216	270	332	54	38	885	905

⁸⁰ Уточнено мной. — Р. С.

Индоевропейские	144	47	72	29	72	18	15	6	1 173	1 017
Еврейский.....	485	272	316	165	169	107	85	9	2 471	2 598
Картвельские....	164	102	63	21	101	81	30	40	703	649
Кавказские (горские).....	91	13	12	1	79	12	1	0,1	554	538
Финские.....	355	268	197	85	158	183	3	1	1 698	1 804
Турецко- татарские.....	96	50	22	4	74	46	0,5	0,2	7 190	6 411
Монголо- бурятские.....	105	5	40	3	65	2	0,6	0,06	246	231
Народностей Севера.....	54	6,5	42	6	12	0,5	0,3	0,1	51	58

¹ Не включены немногочисленные народности, проживавшие в России: чехи, сербы, болгары, шведы, норвежцы, голландцы, англичане, китайцы, корейцы, японцы и др.

Источник: [Богданов 1964: 128].

Весна-осень 1917 г. для немцев России стали периодом поисков приемлемых форм их национального самоопределения. Значительное место на съездах немцев отводилось вопросам культуры, главнейшим из них был вопрос школьного образования, его реформирования. Для решения этих вопросов создавались культурно-просветительские комиссии. В Поволжье она была избрана 14 апреля 1917 г. Эти вопросы обсуждались и на двух съездах немцев Поволжья в 1917 г. [Черказьянова 2004: 166].

Провозгласив Декрет о мире, советское правительство заявило тем самым о выходе из войны. В истории немецкой школы закончился этап, по мнению И. В. Черказьяновой, связанный с гонениями в годы Первой мировой войны. «За это время она подвергалась насильственной русификации, принявшей невиданный размах. Власти понимали важную роль школы в воспитании гражданских, патриотических чувств. Однако немецких учителей подозревали в германофильстве, поэтому и школы рассматривали как угрозу национальной безопасности» [Черказьянова 2004: 166]. Таким образом, по мнению исследователей, развитие школы проходило в сложных, противоречивых условиях, связанных с русификаторской политикой

правительства и откровенным протекционизмом в отношении православных школ, тем не менее немцы справедливо отстаивали свое право иметь школу с родным языком преподавания [Черказьянова 2004: 166–168].

«Антинемецкая кампания в годы Первой мировой войны, Гражданская война и разруха вызвали резкое сокращение школ, а недостаток учебников и низкая оплата труда учителей привели к тому, что неграмотность захватила все возрастные слои немецкого населения, особенно подростков школьного возраста 12–16 лет» [Дённингхаус 2020: 45].

31 октября 1918 г. было принято постановление Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств», которое закрепило право национальностей РСФСР обучаться на родном языке «на обеих ступенях Единой Трудовой Школы и в Высшей школе» [Постановление 1918: 1101–1102].

К концу 1928 г., по данным А. А. Германа, в АССР немцев Поволжья действовало «374 школ I ступени, 17 школ-семилеток (9 немецких, 8 русских), 5 школ-девятилеток (3 немецкие, 2 русские)» [Герман 2007: 224].

Несмотря на то, что Немреспублика в этот период по уровню грамотности занимала второе место в СССР, уступая Ленинградской области, в сфере образования, по мнению А. А. Германа, «наметилась угрожающая тенденция быстрого снижения грамотности немецких детей школьного возраста в сравнении с дореволюционным периодом» [Герман 2007: 224].

Таблица 3. Уровень грамотности школьников в АССР немцев Поволжья (1914–1928)

Национальность	1914	1920	1928
Немцы, %	80	41,8	38,6
Остальные национальности, %	28,4	44,6	56,2

Источник: [Герман 2007: 224].

Процент грамотных в Калмыцкой автономной области на 17 декабря 1926 г. (именно в тот день была проведена перепись населения) — 26,3, на

17 января 1939 г. процент грамотных вырос почти в 3 раза — 70,8 (активно проводились курсы ликвидации безграмотности ⁸¹). В этом аспекте показательными являются цифры, приводимые И. В. Борисенко и С. И. Убушиевой о том, что по данным 1926 г. в Калмыцкой автономной области наибольший процент грамотных был среди эстонцев (82,3 %), на втором месте были немцы (47 %), затем следовало русское население (40 %) [Борисенко, Убушиева 2000: 60]. Об уровне грамотности может свидетельствовать и факт того, что эстонцы вынужденно, в отсутствие медиков, лечили самостоятельно больных по учебникам на эстонском языке, выписанным из Лифляндской губернии, причем весьма успешно, выполняя все требования вплоть до соблюдения диеты [Твалчрелидзе 1991: 635].

К 1939 г. количество немцев в Калмыцкой АССР выросло почти в 2 раза. Согласно данным Н. Ф. Бугая, в республике проживало 4 140 немцев [Бугай 1991: 172]. Согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г., на 10 человек больше, чем указанная выше цифра, — 4 150 [ВПН 1939].

3.4. Демографическая характеристика

По всероссийской переписи 1897 г. немцы в России составляли 6-й по численности этнос империи [Общий свод 1897: XII], являясь одним из многочисленных этнических меньшинств. В Калмыкии немцы так же представляли собой многочисленное национальное меньшинство, по своей численности входили, согласно первым всесоюзным и довоенным переписям, в первую тройку или пятерку из более чем двух–четырех десятков этнических групп, расселявшихся на территории современной республики в период с конца XIX в. по конец XX в. [ПВПН 1897; ВПН 1926, IV: 69; ВПН 1937: 94].

⁸¹ Декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» был принят Совнаркомом РСФСР 26.12.1919 г. Согласно документу, всё население страны в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, было обязано обучаться грамоте. И с января 1920 г. в регионах приступили к реализации декрета. Административные методы не дали утешительных результатов. 14 августа 1923 г. ВЦИК и СНК РСФСР издали еще один декрет «О ликвидации безграмотности» [Декрет 1923], дополнивший декрет от 26 декабря 1919 г. и установивший 1 072 инструктивных школы (574 ликвидационных пункта и 498 школ для малограмотных). Лишь через 19 лет можно было говорить о повышении грамотности населения.

В России до XX в. проводились переписи части населения, например, девять специальных переписей Петербурга, пять — Харькова, четыре — Москвы и единственная всероссийская перепись 1897 г. [Колесник 1997: 53].

Согласно первой переписи 1897 г., «германцы в пределах империи представлены главным образом немцами, затем шведами, норвежцами, англичанами и немногими голландцами» [Общий свод 1897: XII]. Немцев в Российской империи насчитывалось 1 790 489 человек; они, по нашим подсчетам из материалов первой всероссийской переписи населения 1897 г., составляли 6-й по численности этнос империи после великороссов (5 667 469), малороссов (22 380 551), поляков (7 931 307), белорусов (5 885 547) и евреев (5 063 156) [ПВПН 1897]⁸². В европейской России немцев числилось 1 312 188 чел., что составляло 1,4 % населения всей империи. Из всех губерний немцы составляли коренное население лишь в Прибалтийском крае (165 727 чел.), где преобладали в городах (крупные землевладельцы, арендаторы и т. д.) [Общий свод 1897: XII].

В начале XX в., по подсчетам В. М. Кабузана, немцы вышли на 9-е место по численности среди народов Российской империи. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. они обогнали литовцев и латышей и теперь уступали только русским, украинцам, полякам, евреям, белорусам, казахам, татарам и финнам, причем почти догнали последних (их было 2,7 млн. человек). С конца XVIII в. по 1914–1917 гг. удельный вес немецкого этноса в России вырос с 0,6 % до 1,4 % населения страны, а численность — с 237,1 тыс. до 2 448,5 тыс. человек [Кабузан 1989: 29].

В немецких поселках на бывшей территории Большедербетовского улуса к 1897 г. проживали: в селе Немецко-Хагинском «по окладным листам» — 286 ревизских душ, а по посемейным спискам — 1 313 человек («702 мужского пола и 611 женского пола наличных душ»), иногородних — 55 человек [Твалчрелидзе 1991: 630], в селе Эстонско-Хагинском — «по

⁸² По данным, опубликованным в книге В. П. Шибасва, 1 405 907 германцев, из них 1 383 215 немцев, 14 114 шведов, 6 689 англичан, 1612 норвежцев и датчан и 307 голландцев [Шибасев 1930: 14].

окладным листам» 110 ревизских душ, а по семейным спискам — 511 человек, из них 279 лиц мужского пола и 232 — женского; «иногородних» — 17 чел. [Твалчрелидзе 1991: 634]. Поселки Анненский и Гахаевский были основаны позднее, в 1912 г.

Население этнических поселков на территории Калмыцкой степи в сравнении с общей немецкой численностью в России было незначительным — всего 1 824 человека. Однако здесь сформировались особые очаги немецкой культуры, которую местные жители сохраняли и впоследствии.

Согласно переписи 1926 г., немцы представлены в СССР цифрой в 1 238,5 тыс. чел. Из них родным указали немецкий язык 1 192,7 тыс. чел. Из указанного числа на территории Республики немцев Поволжья проживало лишь 379,6 тыс. чел. (30,6 %) [ВПН 1926, IV: XII–XIII]. Наибольшее количество немцев зарегистрировано переписью на территории Украины — 393,9 тыс., «в особенности по Степи (205,6 т.) и Полесью (82,1 т.)» [ВПН 1926, IV: XIII].

Из регионов РСФСР значительное количество «колонистов немецкой народности» отмечено: в Крыму (43,6 тыс.), Саратовской губернии (41,2 тыс.), Сталинградской, Самарской, Оренбургской губерниях (вместе — 35,8 тыс.), на Северном Кавказе (всего 94,4 тыс.), где немецкие колонии были рассеяны по всей территории, в особенности в Армавирском и Терском округах. Заметное число представляли немецкие колонии «в Московской и Ленинградской губерниях — вместе 36,0 тыс. человек. По Азиатской части Союза немцев довольно много в Сибкрае⁸³ (78,8 т.) и в Казакстане⁸⁴ (51,1 т.)» [ВПН 1926, IV: XIII].

Ко времени проведения переписи 1926 г. поселения, в которых проживали «калмыцкие» немцы, входили в состав Калмыцкой автономной области (далее — КАО). После образования КАО Постановлением ВЦИК и

⁸³ Сибкрай — сокращенное название Сибирского края — административно-территориальной единицы, существовавшей в РСФСР в мае 1925 – июле 1930 гг.

⁸⁴ В 1920 г. была образована Автономная Киргизская Советская Социалистическая республика. С июня 1925 г. эта республика, получившая новые границы, стала называться Казакской АССР. В феврале 1936 г. Казакская АССР переименована в Казахскую АССР, просуществовавшую до декабря 1936 г., когда была преобразована в Казахскую ССР. Поэтому в переписи 1926 г. отражено ее название «Казакская АССР».

СНК РСФСР от 25 ноября 1920 г. «О границах автономной области калмыцкого народа» [Постановление ВЦИК 1920] Большедербетовский улус, входивший с 1860 г. в Ставропольскую губернию, был включен в состав области — за исключением Яшалтинской волости и поселка Князь-Михайловского [Республика Калмыкия 2019: 157]. Согласно постановлениям Президиума ВЦИК от 18 февраля 1924 г. и 8 декабря 1924 г. было решено включить в состав Большедербетовского улуса Калмыцкой автономной области Яшалтинскую волость Благодарненского уезда, Эсто-Хагинскую и Немецко-Хагинскую волости и село Красномихайловское Медвеженского уезда Ставропольской губернии — всего с населением 7 768 чел. и земельным наделом в 21 928 десятин [Республика Калмыкия 2019: 13, 162], при этом Особая комиссия Высшего контроля решила выделить из территории Большедербетовского улуса такую же по площади территорию соседним селам с русским населением на основе фактического землепользования.

Население Калмыцкой автономной области, по данным переписи 1926 г. в аспекте указания национальности, показано в таблице 4. Распределение населения КАО «по народности и языку», зафиксированное в материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г., представлено в таблице 5. Согласно материалам переписи 1926 г., всего в Калмыкии проживало 2 602 немца, из которых подавляющая часть — 2 595 чел. — указывали родным немецкий язык.

Таблица 4. Население Калмыцкой АО по переписи 1926 г.

Национальность	Все население		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
1. Русские	7 411	7 801	15 212
2. Украинцы	7 108	7 498	14 606
3. Белоруссы	23	30	53
4. Поляки	14	10	24

5. Чехи и словаки	6	0	6
6. Латыши	6	1	7
7. Немцы	1 299	1 304	2 603
8. Греки	1	0	1
9. Евреи	24	2	26
10. Эсты	360	362	722
11. Зыряне	1	0	1
12. Мордва	1	0	1
13. Мадыяры	1	0	1
14. Чуваши	2	0	2
15. Татары	487	465	952
16. Цыгане	1	0	1
17. Калмыки	54 767	52 259	107 026
18. Монголы	1	0	1
19. Лезги	1	0	1
20. Армяне	8	7	15
21. Туркмены	72	61	133
22. Казаки ⁸⁵	103	90	193
Итого граждан СССР	71 697	69 894	141 591
Иностранцы	2	1	3

Источник: [ВПН 1926, IV: 69].

Таблица 5. Население Калмыцкой автономной области по данным переписи населения 1926 г.

Территория, народность, язык	В городах		В сельской местности		Всего		
	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин	обоого пола
Калмыцкая АО							
	–	–	71 699	69 895	71 699	69 895	141 594
	по народности						

⁸⁵ Казахи.

калмыки	–	–	54 767	52 259	54 767	52 259	107 026
русские	–	–	7 411	7 801	7 411	7 801	15 212
украинцы	–	–	7 108	7 498	7 108	7 498	14 606
немцы	–	–	1 299	1 304	1 299	1 304	2 603
татары	–	–	487	465	487	465	952
эсты ⁸⁶	–	–	360	362	360	362	722
казаки ⁸⁷	–	–	104	89	104	89	193
туркмены	–	–	72	61	72	61	133
прочие	–	–	89	55	89	55	144
иностранцы	–	–	2	1	2	1	3
по языку							
калмыцкий	–	–	54 737	52 194	54 737	52 194	106 931
русский	–	–	10 955	11 502	10 955	11 502	22 457
украинский	–	–	3 641	3 906	3 641	3 906	7 547
немецкий	–	–	1 293	1 302	1 293	1 302	2 595
татарский	–	–	564	527	564	527	1 091
эстонский	–	–	361	361	361	361	722
казакский ⁸⁸	–	–	97	89	97	89	186
прочие языки	–	–	51	14	51	14	65

Источник: [ВПН 1926, IV: 69; ВПН 1926, V].

Как видно из таблицы 5, все немцы Калмыкии являлись сельчанами. Таким образом, можно сделать вывод о том, что они по-прежнему проживали в своих этнических поселках, основанных на землях калмыцких родов и вошедших в 1924 г. в состав Большедербетовского улуса Калмыцкой автономной области.

⁸⁶ Эстонцы.

⁸⁷ Казахи.

⁸⁸ Казахский.

Численность немецкого населения в СССР в целом, в РСФСР и Калмыцкой автономной области (с 1935 г. — республике) по данным Всесоюзных переписей 1926 и 1939 гг. показана в таблице 6.

Таблица 6. Численность немцев в СССР, РСФСР и Калмыкии по данным ВПН 1926 и 1939 гг.

Годы \ Регион	1926	1939
СССР	1 238 549	1 427 232
РСФСР	806 301	862 504
Калмыцкая АО / АССР	2 603	4 150

Источник: [ВПН 1926, IV; ВПН 1939].

Как видно из таблицы, численность немецкого населения в стране за время между переписями выросла на 188 683 чел. Вместе с тем, численность немцев в России в 1926 г. по сравнению с данными Всероссийской переписи населения 1897 г. намного уменьшилась, что, несомненно, было связано с последствиями Первой мировой и Гражданской войн и миграциями населения: если в 1897 г. немецкое население России насчитывало 1 312 188 чел. [Общий свод 1897: XII], то в 1926 г. их было в СССР в целом 1 238 549 чел., и в России — 806 301 чел. [ВПН 1926, IV: 69].

Отметим, что по переписи 1937 г., долгое время замалчивавшейся⁸⁹, немцев в РСФСР числилось 651 429 чел. [ВПН 1937: 88]. В Калмыцкой АССР, по данным на 1937 г., были зафиксированы следующие цифры: численность немцев — 3 590, численность эстов — 456 (см. таблицу 7).

Таблица 7. Население Калмыцкой АССР по переписи 1937 г.

Национальность	Численность, чел.
русские	79 342

⁸⁹ Материалы переписи 1937 г. были необоснованно объявлены дефектными [Жиромская 1990: 84; ВПН 1992: 4].

украинцы	565
немцы	3 590
эсты	456
татары	2 108
казахи	2 004
калмыки	105 146
прочие	1 242

Источник: [ВПН 1937: 94].

Как видно из материалов переписи 1926 г., немцы из указанных 22 национальностей в Калмыцкой АО занимают по численности 4-е место после калмыков (107 026 чел.), русских (15 212) и украинцев (14 606), эстонцы — 6-е место (722 жителя) после татар (952 жителя) [ВПН 1926, IV: 69]. К 1939 г. немцы по численности (4 150 чел.) занимали третье место в Калмыцкой АССР после калмыков (107 315 чел.) и русских (100 814 чел.), эстонцы (495 чел.) занимали уже 8 место — после казахов (2 711 чел.), татар (2 490 чел.), украинцев (1 127 чел.) и грузин (500 чел.) [ВПН 1939].

По уровню грамотности населения Калмобласти первое место занимали эсты (82,3 %), затем немцы (47 %), русские (40 %) [Борисенко, Убушиева 2000: 60].

Согласно переписи 1937 г., немцы по численности находятся на 3-м месте после русских и калмыков. По переписи 1939 г. немцы в Калмыцкой АССР являются также третьей по численности группой после калмыков (107 315 чел.) и русских (100 814) из заявленных 49 национальностей. Всего жителей в Калмыцкой АССР по переписи 1939 г.: 220 684 чел.

Таблица 8. Население Калмыцкой АССР по переписи 1939 г.

Национальность	Все население		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
Всего	111 386	109 298	220 684
1. Русские	49 421	51 393	100 814

2. Украинцы	865	262	1 127
3. Белорусы	112	19	121
4. Грузины	494	5	500
5. Калмыки	54 841	52 474	107 315
6. Казахи	1 449	1 262	2 711
7. Азербайджанцы	8		8
8. Армяне	97	44	141
9. Узбеки	10		10
10. Туркмены	12	3	15
11. Таджики	2		2
12. Татары	1 288	1 202	2 490
13. Киргизы	19	3	22
14. Осетины	29	4	33
15. Поляки	26	27	53
16. Чехи	3	0	3
17. Словаки	2		2
18. Латыши	6	6	12
19. Литовцы	5	4	9
20. Немцы	2 058	2 092	4 150
21. Греки	15	13	28
22. Евреи	92	47	139
23. Эстонцы	228	267	495
24. Болгары	13	12	25
25. Башкиры	10	1	11
26. Мордва	54	28	82
27. Марийцы	6	1	7
28. Молдаване	12	6	18
29. Чуваша	24	2	26
30. Буряты	5	2	7
31. Цыганы ⁹⁰	91	98	189
32. Абазины	4	1	5
33. Адыгейцы	2	2	4

⁹⁰ Так в источнике.

34. Китайцы	1	1	2
35. Лезгины	1	0	1
36. Румыны	4	2	6
37. Турки	5	1	6
38. Корейцы	4	2	6
39. Лаки	3	3	6
40. Хакасы	1		1
41. Каракалпаки	2		2
42. Иранцы	2	1	3
43. Чеченцы	7	3	10
44. Финны	1		1
45. Карелы	5	0	
46. Кабардинцы	3	1	4
47. Удмурты	9		9
48. Коми	6	1	7
49. Сербы	1		1
Прочие национальности	3	1	4
Национальность не указана	25	1	26

Источник: [ВПН 1939].

Приведем также сведения из архивных документов 1936 г. о «количестве сельских советов национальных меньшинств (в скобках указаны как меньшинство: «русские, татарские, эстонские, немецкие и др.») и в них населения». По состоянию на 16 февраля 1936 г. в семи улусах и городе Элисте проживало 179 975 чел. Все сельсоветы указаны как русские, кроме Зензелинского (ныне с. Зензели Лиманского района Астраханской области), он указан как татарский (количество населения — 540 чел.), Эсто-Хагинского (он указан как эстонский с населением в 1 008 чел.) и Немхагинского (указан как немецкий сельсовет с населением в 2 700 чел.). [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 2152. Л. 167]. Если документ 1936 г. по Калмыцкой АССР все сельсоветы назвал русскими, то в другой справке (без даты, но указано, что это сведения по Калмыцкой АО, поэтому, скорее всего, приводятся данные 1934 или 1935 г., т. к. указана фамилия одного и того же заполнявшего: «информатор

Кириленко»), согласно сведениям «о числе сельских советов по преобладающим национальностям», всего имеется калмыцких сельсоветов — 77, русских сельсоветов (ниже в скобках добавлено: «смешанные, преобладающее русск. население»), немецких — 1, эстонских — 1, татарских (добавлено ниже: «смешанный, преобладающее татарское население») — 1 [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 2152. Л. 103]. Подпись: «заворготделом Калмоблисполкома (Митрофаненков), информатор (Кириленко)» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 2152. Л. 103].

В «списке председателей колхозов Калмыцкой АССР в разрезе улусов по состоянию на 15 июля 1936 г.» по центральному улусу показано 19 колхозов, по Черноземельскому улусу — 11 колхозов, по Западному — 25, по Приволжскому — 14, также здесь указаны фамилии и национальность председателей колхозов. В Западному улусу из 25 колхозов пять хозяйств возглавляли немцы: Брунн (указан без инициалов) был председателем колхоза им. Димитрова, Ган (также без инициалов) возглавлял колхоз «Ротефане»⁹¹, Бифельд (без инициалов) — колхоз им. Карла Маркса, Браун И. А. — колхоз им. Тельмана, Браун Яков — колхоз им. Розы Люксембург. А председателем колхоза «Новый мир» указан эстонец Тамм Ю. И. [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 2152. Л. 122–123].

В литературе высказывалось мнение о том, что переписи населения 1930-х гг. (1937 и 1939 гг.) фальсифицированы и дефектны (либо: одна из них, ВПН 1937 г., достоверна, а ВПН-1939 — фальсификат). В отличие от переписи 1926 г., подготовка к которой проводилась в условиях гласности, в спокойной и деловой обстановке, переписи 1930-х гг. испытывали на себе влияние конъюнктуры, связанной с культом личности И. В. Сталина [Жиромская 1990: 86–87]. Тем не менее, некоторые сведения доступны, и трудно переоценить значение переписи как источника. Например, в Калмыцкой АССР в 1939 г. мужчин было немного больше, чем женщин: из 220 684 жителей — 111 386 мужчин и 109 298 женщин, а в немецкой

⁹¹ Rote Fahne — Красное знамя.

автономии — женщин больше. В АССР немцев Поволжья насчитывалось 606 582 жителя, из них 299 869 мужчин и 306 668 женщин [ВПН 1939: 24].

В 1938 г. и в 1939 г. были приняты постановления о ликвидации национальных, в том числе и немецких, районов и сельсоветов. Национальные школы и вузы с преподаванием на родном языке, издательства, журналы и газеты на родных языках, в т. ч. немецком, подлежали закрытию [Постановление Оргбюро 1938а; Постановление Оргбюро 1938б; Постановление Оргбюро 1938в; Постановление Политбюро 1939].

В материалах ВПН-1939 сведения о грамотности населения идут в сравнении с данными ВПН-1926. В АССР немцев Поволжья грамотных в 1926 г. — 71,3 %, а в 1939 г. — 90,9 % [ВПН 1939: 40].

Единственной немецкой административно-территориальной единицей на территории СССР оставалась АССР немцев Поволжья. Но вскоре после начала Великой Отечественной войны она была упразднена. Ликвидация республики началась постановлением Совнаркома и ЦК ВКП (б) от 26.08.1941 г. «О переселении немцев из республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» [Eisfeld 1999: 121]. Документ указывал переселить немцев численностью 479 841 человек в Сибирь и Казахскую ССР (перечислялись четыре сибирских края и области и шесть областей Казахстана) [Герман, Илларионова, Плева 2005: 257]. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа⁹² и 7 сентября 1941 г.⁹³ закрепили вышеупомянутое постановление. Немецкое население переселялось по обвинению в том, что среди них будто «имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья...» [Герман, Илларионова, Плева 2005: 257–258].

⁹²Текст указа опубликован 30 августа 1941 г. в газете «Nachrichten», печатном органе АССР немцев Поволжья. В книге А. Айсфельда дана копия первой страницы газеты: [Eisfeld 1999: 122]; текст указа см. также на русском языке у [Герман, Илларионова, Плева 2005: 257–258].

⁹³ В документах сайта http://www.wolgadeutsche.net/history/ukas_07_09_1941.htm

Согласно этому указу, немцев депортировали на спецпоселение в Алтайский край, Новосибирскую и Омскую области, в Казахстан. Территория упраздненной автономии, согласно указу от 7.09.1941, была включена в состав Саратовской и Сталинградской областей.

После указа о переселении немцев от 28 августа 1941 г. по всей стране начались антинемецкие репрессии. Уже 29 августа подверглись депортации немцы и финны из Ленинградской области в восточные районы страны. В ноябре 1941 г. опубликованы еще два распоряжения Совнаркома: о переселении немцев из Калмыцкой АССР (2 ноября 1941 г.) и Куйбышевской области (21.11.1941) в Казахстан [Полян 2001: 113].

Депортация немцев из Калмыцкой АССР проводилась в соответствии с приказом наркома Л. Берия от 3 ноября 1941 г. [А ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1, арх. номер 44. Л. 120; Приказ НКВД 1941], последовавшим после распоряжения СНК.

По сведениям НКВД Калмыцкой АССР, 5 965 немцев было выселено с 3 ноября по 6 декабря 1941 г. [А ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 1]. Есть и другая цифра: ученые приводят данные НКВД СССР, согласно которым в Калмыкии на тот момент было учтено 5 706 немцев. По сведениям НКВД, которые приводят исследователи, из Калмыкии было отправлено три эшелона в количестве 5 525 человек [Герман, Иларионова, Плевне 2005: 270].

В «Справке о потребном количестве груза и подвод на случай выселения лиц немецкой национальности из Калмыцкой АССР» [А ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 11–11об] сказано: «По состоянию на 20 октября 1941 г. на территории Калмыцкой АССР проживает всего лиц немецкой национальности — 5709 чел.». Для выселения этого количества немцев и грузов «потребуется 2 117 подвод» [А ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 11]. В справке приведена потребность «в разрезе по улусам»: в Западном улусе «всего лиц немецкой национальности» указано 1 461 чел. Далее приводится количество немцев, проживающих в трех селах (Фриденталь (452 чел.), Розенталь (587 чел.) и Шин-Тёрл (267 чел.)), совхозе «112» (15 чел.), Бага-

Кюбетовском сельсовете (2 чел.) и рабочем поселке Башанта (138 чел.). Затем следует: «итого: 1 561 чел.». Цифра в справке почему-то увеличилась на 100 чел. Для вывоза указанного количества людей потребуется 535 подвод [А ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 11]. По Яшалтинскому улусу данные совпадают: вначале указано, что «всего лиц немецкой национальности в улусе имеется — 4 118 чел.», ниже приведены данные по 7 населенным пунктам улуса: «Нем-Хагинка — 2 386 чел., Рейфельд — 308, Нейфельд — 275 чел., Шинбрунн — 125, Эсто-Хагинка — 148, Шинфельд — 845, Яшалта — 81 чел. Итого: 4 118». Для вывоза требуется 1 524 подводы [А ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 11].

Обязанность руководить операцией была предписана наркому внутренних дел Калмыцкой АССР, капитану госбезопасности Г. Я. Гончарову [Убушаев 2001: 174]. Вследствие несвоевременной подачи железнодорожных вагонов осуществление операции затянулось и вместо 10 ноября завершилось 6 декабря 1941 г. [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 43–45; Убушаев 2001: 174].

Перед началом спецоперации по выселению немцев из КалмАССР гужевой и автотранспорт в улусах уже был мобилизован на возведение оборонительного рубежа в Ростовской области и строительство железной дороги Астрахань–Кизляр [Оконова 2013: 55].

Данные по улусам республики, согласно «Сведениям о количестве переселенных лиц немецкой национальности из Калмыцкой АССР в Казахскую ССР с 3 ноября по 6 декабря в разрезе улусов», выглядят так: из Яшалтинского улуса выселено 4 011 немцев, из Западного — 1 687, из Сарпинского — 18, из Кетченеровского — 3, из Черноземельского — 14, из Улан-Хольского — 7, из Лаганского — 15, из Троицкого — 14, из Приволжского — 30, из Долбанского — 30, из Приютинского⁹⁴ — 20, из Малодербетовского — 11, из Юстинского — 26, из Элисты — 79. Итого: 5 965. Документ подписан ст. оперуполномоченным КРО НКВД КАССР

⁹⁴ Ныне Приютненский район Калмыкии.

лейтенантом госбезопасности Ст. Ильиным [А ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 1; ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 43–45].

Согласно же распоряжению СНК СССР «О переселении немцев из Калмыцкой АССР» (№ 84-кс от 2 ноября 1941 г.), власти намеревались переселить в Казахскую ССР 6 000 «калмыцких» немцев [Распоряжение СНК 1941]. Собственно, эта цифра фигурирует и в сборнике документов «Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг.», в третьем томе книги: «В конце октября 1941 г. в Казахстан депортировали немцев из Дагестанской — 4 000 чел. и Чечено-Ингушской АССР — 574 чел.; в начале ноября из Калмыцкой АССР — 6 000 чел.»⁹⁵ [Из истории депортаций 2019: 593]. Приведем также «Справку о расселении и устройстве в Казахской ССР немцев-переселенцев из Калмыцкой ССР» от 8 ноября 1941 г., хранящейся в Центральном госархиве Республики Казахстан и недавно опубликованной в многотомном сборнике документов «Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20–50 годы XX века)». Том седьмой «Депортированные в Казахстан народы и спецпоселенцы» издан в 2022 г. В справке говорится, что в Казахскую ССР будут переселены НКВД СССР с 3 по 10 ноября на основании постановления ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР за № 2060-935/с от 12 сентября 6 000 немцев-переселенцев из Калмыцкой АССР [Депортированные в Казахстан 2022: 79].

Надо отметить, что вследствие ссылки калмыков многие архивные документы по Калмыкии утеряны. Тем не менее сохранились документы по депортации калмыцких немцев. Это две папки, хранящиеся в фонде 9 Архива Информационного центра МВД Республики Калмыкия (опись 1, архивные номера 43 и 44). На папках указано, что до 2004 г. по учетам Комитета государственной безопасности (КГБ) эти документы значились под

⁹⁵ Документ хранится в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (цит. по: [ЦГА РК. Ф. 1137. Оп. 9. Д. 141. Л. 970]).

следующими номерами: фонд 11-В, опись 62 [А ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 43, 44].

Среди этих документов имеется справка о количестве коммунистов и комсомольцев среди «калмыцких» немцев. Справка составлена 9 сентября 1941 г. старшим оперуполномоченным контрразведывательного отдела (КРО), лейтенантом госбезопасности С. Ильиным. Он сообщал, что, по данным ВКП (б) от 1 сентября 1941 г., в Калмыкии насчитывалось 25 немцев-коммунистов, 23 кандидата в члены ВКП (б) и 148 комсомольцев [А ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 43. Л. 6].

В Архиве Информационного центра МВД Республики Калмыкия имеется справка о национальном составе населения Калмыцкой АССР. Дата не указана, но, по словам сотрудников архива ИЦ МВД РК, данный документ относится, возможно, к 1941 г. Однако справка, скорее всего, составлена на основании данных переписи 1939 г., поскольку эти же данные хранятся в Национальном архиве Калмыкии в фонде Р-26, в «Таблицах об итогах Всесоюзной переписи населения 1939 г.» [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 357. Л. 1–2]. В справке, хранящейся в Архиве ИЦ МВД Калмыкии, написано, что калмыков в республике насчитывалось 107 315, немцев — гораздо меньше, чем указано в сведениях, составленных 6 декабря 1941 г. лейтенантом госбезопасности, — всего 4 150 человек, что совпадает с данными переписи населения 1939 г. Из них к городскому населению отнесен 201 человек (в Элисте — 34 немца), в сельской местности проживало 3 949 немцев [А ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 4]. А таблицы по итогам переписи-1939 дополняют сведения о немцах: в Долбанском улусе их проживало 21 чел., в Лаганском улусе — 22 чел., в Малодербетовском — 26, Троицком — 23, Приволжском — 29. В Западном улусе из 971 немца в Башанте проживало 127, в селах — 844; в Яшалте проживало всего 7 немцев, остальные (2972 человека) — в селах Яшалтинского улуса [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 357. Л. 1–2].

Среди архивных документов имеется и «Список учителей немецкой национальности, работающих в школах Калмыцкой АССР», в документе, составленном наркомом просвещения республики П. Сангаджиевым, указано 32 учителя [А ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 46].

Еще один документ без даты, обнаруженный в Национальном архиве Республики Калмыкия (Ф. Р-131), — это сведения, составленные спецотделом Яшалтинского улусного совета депутатов трудящихся для военного комиссара, старшего политрука «тов. Стаханова». Справка содержит данные о количестве военнообязанных 1906–1922 гг. рождения в Яшалтинском улусе (1 497 чел.) и их образовании. Согласно справке, высшее образование имели 12 человек, среднее — 48, закончивших 9 классов указано 4 чел., 8 классов — 10 чел., 7 классов — 40, 6 классов — 28, 5 классов — 71. Четыре класса образования имели больше всего военнообязанных (298 чел.), 3 класса за плечами было у 202 человек, как малограмотные обозначены 714 чел., неграмотные — 70⁹⁶ [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1025. Л. 97–97об]. оборот справки имеет следующие данные по национальностям: русских — 997, калмыков — 201, немцев — 265 (цифра зачеркнута карандашом и написано: 226, рядом карандашом добавлено: эстонцев 39 (вероятно, немцев и эстонцев сначала считали вместе: 226+39=265)), украинцев — 31, татар — 1, хокас⁹⁷ — 1, цыган — 1. Справка подписана председателем «Ул. совета депутатов трудящихся» Мусатовым и начальником спецчасти (подпись неразборчива) [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1025. Л. 97об].

Большая часть «калмыцких» немцев, согласно указанной справке, проживала в Западном (971 немец) и Яшалтинском (2 979 немцев) улусах (это современные Городовиковский и Яшалтинский районы Калмыкии), граничащих с Ростовской областью и Ставропольским краем. А по данным, составленным С. Ильиным (сотрудником органов госбезопасности КАССР),

⁹⁶ В документе: м/грамотных. Кроме того, цифра 715 исправлена на 714.

⁹⁷ Так в справке.

в этих улусах проживало 1 687 и 4 011 немцев соответственно [А ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 11–24].

Согласно рапорту оперуполномоченного Западного УО НКВД Утатынова наркому НКВД Калмыцкой АССР Гончарову, он сопровождал 947 немцев-спецпереселенцев из Яшалтинского улуса КАССР в Озеринский сельский совет Кустанайского района, Кустанайской области Казахской ССР. В пути умерли 15 детей [А ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 218]. Полученных в НКВД КалмАССР денег (85 тыс. руб.) на питание спецпереселенцев оперуполномоченному не хватило «в виду задержки эшелона в пути» [А ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 218].

По воспоминаниям немца из Калмыкии И. Лауденшлегера, к месту назначения прибыли в феврале 1942 г., в пути испытывали огромные трудности, а по прибытии многие были отправлены в трудовую армию [Иващенко, Ковалев 1991: 3] — приказом ГКО СССР от 10 января 1942 г. мужчины и женщины немецкой национальности в возрасте 17–50 лет были мобилизованы в т. н. рабочие колонны, позже получившие название «трудовой армии» [Бугай 1991: 175].

Репрессиям подверглись также военнослужащие немецкой национальности — те, кто воевал с фашистами. В 1942–1945 гг., по данным Н. Ф. Бугая, были сняты с фронтов 33 516 немцев, большая часть из них отправлена в Трудовую армию [Бугай 1991: 174].

История формирования немецкой группы конкретно на территории Калмыкии (западная группа «калмыцких» немцев) начинается с середины 1870-х гг., и она тесно связана с историей эстонской этнической группы, представители которой практически одновременно прибыли на территорию Большедербетовского улуса Калмыцкой степи и основали поселение рядом с немецким. Связь с калмыцким населением и территорией калмыцких земель отражена в наименовании обоих сел, немецкого и эстонского, Хагинскими,

от калмыцкого названия речки и урочища Хагин-Сала. Наличие в названии сел одной и той же части, «Хагинское», является основанием для версии о происхождении двух сел из одного, основанного в 1877 г. Но согласно другой версии сёла Немецкое Хагинское (сокращенно Нем-Хагинка) и Эстонское Хагинское (сокращенно Эсто-Хагинка) были основаны отдельно и получили название от калмыцкого топонима. Немецкое население проживало как в Нем-Хагинке, так и в Эсто-Хагинке, где составляло меньшинство.

Миграция немецкого населения в Большедербетовский улус из Бессарабской и Черниговской губерний имела вторичный характер. Ее причинами явились малоземелье, усугубившееся последствиями реформы 1861 г., после которой ранее арендовавшиеся земли перешли в пользу бывших крепостных; утрата немцами в 1871 г. по указу российского императора статуса колонистов и передача их под общее губернское управление.

В 1893 г. численность немцев в Нем-Хагинке составляла 1 179 чел. [Борисенко 1991а: 184], в 1897 г. в этом селе их было 1 313 чел. и небольшое число — в Эсто-Хагинке среди ее 531 жителя [Твалчрелидзе 1991: 630–637], в 1905 г. численность немцев в Немецкой Хагинке составила 1 957 чел (в Эсто-Хагинке было 822 чел.) [Борисенко 1991а: 184]. По переписи 1926 г. в Калмыцкой автономной области проживали 2 603 немца [ВПН 1926, IV], все — в сельской местности, поэтому можно сделать вывод, что они по-прежнему концентрировались в селах Большедербетовского улуса, на территории которого в начале XX в. были основаны другие немецкие поселки и хутора — Фриденталь, Моргентау, Розенталь, Шёнфельд и др. Если во время первичной миграции из Германии в Россию были созданы материнские колонии, то во время вторичной миграции в Большедербетовский улус появились дочерние поселения, а затем — более мелкие поселения на местах, которые можно назвать субдочерними. В 1937 г. числилось в Калмыцкой АО 3 590 чел. немецкой национальности [ВПН

1937], а по данным переписи 1939 г. в Калмыкии проживало 4 150 немцев [ВПН 1939].

Общие цифры, доступные для анализа в настоящее время, позволяют сделать вывод о том, что за 21 год, с 1905 по 1926 гг., немецкое население Калмыкии увеличилось в 1,33 раза, а в период между переписями 1926 и 1939 гг. — за 13 лет — в 1,6 раза. По переписи 1937 г. немцы в Калмыцкой АССР являются третьей по численности этнической группой после русских и калмыков. Так и, согласно переписи 1939 г., немцы в Калмыцкой АССР находятся на третьем месте по количеству населения после калмыков (107 315 чел.) и русских (100 814) из заявленных 49 национальностей. Всего жителей в Калмыцкой АССР по переписи 1939 г.: 220 684 чел. Таким образом, численность этнической группы показывала тенденцию к постоянному росту.

Хозяйственная обустроенность, хороший уровень образованности среди населения стали залогом успешного развития и крепкого хозяйства, и самих сел, в которых расселялась немецкая этническая группа. Прибыв на территорию Большедербетовского улуса, поселенцы сразу построили в своих селах молитвенные дома и открыли начальные приходские школы, в которых работали свои учителя. Это способствовало, с одной стороны, закреплению населения в новом месте, с другой стороны — обеспечению воспитания молодого поколения в духе ценностей, присущих представителям этнической группы.

Этническая группа немцев Калмыкии являлась частью многонационального общества республики, в то же время сохраняя специфику своей культуры. Согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г., численность этой группы увеличилась по сравнению с численностью на начало 1890-х гг. в 3,5 раза. События, произошедшие в последующее десятилетие, изменили историю этой этнической группы в Калмыкии, да и всех немцев России.

Заключение

При Екатерине II началось массовое переселение немцев в Россию и создание земледельческих колоний. Этот процесс продолжался при других российских монархах с перерывами до 70-х гг. XIX в. Таким образом, переселение различных групп немецкого населения в Россию происходило в течение века. В силу территориальных, социальных, конфессиональных, и других различий контакты и взаимовлияние между этими группами были ограничены. То есть немцы никогда не представляли в России единого народа. По мнению исследователей, попытки рассмотрения немецкого населения как единого этноса в России до 1941 г. неминуемо приводят к нарушению историзма. Депортация 1941 г. ускорила процесс сближения различных социальных, конфессиональных и территориальных групп немцев, что позволяет только сейчас говорить о существовании этноса российских немцев [Герман, Плева 2002: 6].

Во второй половине XIX в. стали формироваться дочерние колонии на Северном Кавказе, в Сибири, Оренбуржье, Алтае, Казахстане. До 1917 г. они не успели объединиться в общности, перенося культуру и традиции из материнских колоний в дочерние.

Немцам пришлось обживать неосвоенные окраинные пространства империи — приобретенные Россией вследствие войн территории. Им пришлось учиться вести хозяйство в новых климатических условиях. И, несмотря на трудности, немцы не только смогли обеспечить себя к середине XIX в. продовольствием, но и наладить поставку продукции на внутренний российский рынок и за рубеж.

История немцев, поселившихся на севере калмыцких кочевий (гернгутеры Поволжья из колонии Сарепта), и немцев, основавших дочерние колонии на западе Калмыцкой степи, говорит о том, что эти колонии создавались на окраине территорий, уже освоенных другими этносами, и немцы в них являлись самостоятельными этническими сообществами. Немецкие поселения, созданные на землях калмыков, отмежевывались и

передавались в состав других административно-территориальных единиц. Территория Сарепты, созданной в 1765 г., была отмежевана по указу Екатерины II от 2 ноября 1766 г. Западные поселения «калмыцких» немцев уже в 1877 г. при их создании отнесены после межевания «из земель Калмыцкой степи» к Ново-Егорлыкской волости Медвеженского уезда Ставропольской губернии, и их можно отнести к Северному Кавказу, но Немецко-Хагинское и Эсто-Хагинское (современные названия — село Ульяновское и село Яшалта Республики Калмыкия) уникальны, и трудно их отнести территориально куда-либо, согласно имеющимся классификациям (в 1924 г. НемХагинское и Эсто-Хагинское были включены в состав Большедербетовского улуса Калмыцкой Автономной области).

Немцы из Черниговской и Бессарабской губерний предприняли вторичную миграцию, поселившись на территории калмыцких кочевий Большедербетовского улуса (западная сторона современной Калмыкии) во второй половине XIX в. На вторичное переселение колонистов подвигла малоземельность в указанных губерниях, откуда они прибыли, приобретя новую родину в Калмыкии, а также последствия реформы 1861 г. в России и утрата немцами статуса колонистов в 1871 г.

Другая группа немцев поселилась веком ранее, в 1765 г., в северных пределах кочевий волжских калмыков. Это была иммиграция из Гернгута (Саксония, Германия). В отличие от немцев, вторичных мигрантов, создавших в поисках плодородных пашен земледельческие колонии на территории Большедербетовского улуса, генгутеры, являясь религиозным братством, основали совершенно иное поселение — Сарепту — с целью нести слово Божье кочевникам. Исторически данная колония была основана на территории Калмыцкого ханства, и ее история с момента ее возникновения связана с историей Калмыкии. В последующие годы Сарепта находилась во фронтальной зоне, поэтому «царицынское» поселение немцев находилось в постоянных связях с хозяйством калмыков астраханских улусов, тем более одним из условий поселения немцев на Нижнюю Волгу

было одобрение миссионерской деятельности среди калмыков, кавказских горцев и среднеазиатских народов.

Братская община гернгутеров на новом, непривычном (засушливом и безводном) месте смогла за относительно короткое время обустроить и возделывать, построив хозяйственную основу. В 1790–1800 гг. Сарепта стала экономическим и торговым центром Поволжья. Здесь, кроме разных мастерских и мануфактур, успешно функционировали заводы: 5 горчичных свечной, кирпичный, кожевенный, мыловаренный, мукомольный и др. Сарепта была известна своим ткачеством, здесь имелись мануфактуры, занимавшиеся производством хлопчатобумажной ткани сарпинки, вязанием и др. Производилась даже сарептская бумага, производство которой снизилось, когда появилась английская бумага. По инициативе Вольного Экономического общества гернгутеры стали впервые в России сеять горчицу, открыв в 1807 г. первую в России ручную горчичную фабрику, замененную впоследствии на паровую. Производство горчицы и горчичного масла до сих пор составляет славу Сарепты. Небольшая этноконфессиональная протестантская община стала примером хозяйственно-экономической адаптации в новых для нее условиях, в иноконфессиональном окружении полиэтничного государства. Это было первое и единственное поселение братьев-гернгутеров в России, внесших огромный вклад в развитие Нижнего Поволжья, а Сарепта стала одним из экономических и культурных центров Поволжского субрегиона, вызывая восхищение у большинства путешественников.

В развитии колонии немцев-гернгутеров имела проблема демографического характера: ее численность росла крайне медленно, рождаемость в отдельные годы едва превышала смертность, а браки и в первой четверти XIX в. заключались по жребью, имелись специальные дома для незамужних «сестер» и холостых «братьев».

На судьбе колонии гернгутеров сказались экономические и социальные причины. Среди экономических — ограничение отдельных льгот колонистов

в 1870-х гг., развитие промышленного производства (после отмены крепостного права) в других регионах, конкуренция, с которой немногочисленная колония не могла успешно сопротивляться в течение длительного периода, а также ограничение рынка сбыта, произошедшее после откочевки большей части калмыцкого народа в 1771 г. в Центральную Азию. Исследователи отмечают, что в Сарепте не развился целительный курорт, несмотря на наличие двух изученных и 32 выявленных источников, что связывают с особенностями общественной жизни гернгутеров, придерживавшихся строгих правил устава в образе жизни, не способствовавших развлечениям и веселью. Среди социальных причин основными являются неудачи в миссионерской деятельности гернгутеров в Калмыцкой степи, которая являлась основным объектом в проповеднических планах, а также демографические проблемы. В результате в 1892 г. было принято решение о прекращении деятельности общины и отзыве братьев-гернгутеров из Сарепты, в которой осталось «пришрое» население, среди которого были немцы-лютеране, создавшие в 1894 г. свою общину.

Не сумев достичь своей цели по обращению калмыков в протестантство, тем не менее представители сарептской общины внесли большой вклад в развитие калмыковедения и монголоведения, изучив калмыцкий язык и создав грамматику монгольского языка, монгольско-немецко-русский словарь, грамматику и словарь тибетского языка и многие другие труды, до сих пор имеющие большое значение в монголистике и тибетологии.

Постоянная потребность немцев в земле для устройства своего хозяйства компенсировалась бесплатным выделением государством новых земельных участков, но в 1871 г. по указу Александра II эта льгота была снята: немцы утратили свой особый статус колонистов и были переданы под общее губернское управление, став поселянами-собственниками. Это, а также введение с января 1874 г. всеобщей воинской повинности стало для многих бывших колонистов поводом для эмиграции из России в Америку и

миграции внутри страны. Около 10–15 тысяч меннонитов в 1870-е гг. эмигрировали за океан, из Поволжья в 1873 г. около 3 тыс. немцев переселились в Аргентину, это была лишь часть немцев, уехавших из России в 1870-е гг. в Северную и Южную Америки. При выборе нового места проживания важным для них было наличие земли, а для меннонитов — свобода вероисповедания.

Поэтому с конца 1870-х гг. начинается история формирования немецкой группы конкретно на территории Калмыкии (западной группы «калмыцких» немцев) как дочерней колонии, и она тесно связана с историей эстонской этнической группы, представители которой практически одновременно прибыли на территорию Большедербетовского улуса Калмыцкой степи и основали поселение рядом с немецким. По причине нехватки земли немцы из материнских колоний, в частности, колонии Беловеж Черниговской губернии, основанной в 1766 г. по указу Екатерины II, предприняли миграцию в Калмыцкую степь в поисках свободных наделов для ведения хозяйства. Связь с калмыцким населением и территорией калмыцких земель отражена в наименовании обоих сел, немецкого и эстонского (Хагинскими), от калмыцкого названия речки и урочища Хагин-Сала. Немецкое население проживало как в Нем-Хагинке, так и в Эсто-Хагинке, где (во втором селе) составляло меньшинство.

Динамика численности группы показывает ее постоянный рост с момента основания. В 1893 г. до 1897 г. численность немцев в Нем-Хагинке возросла с 1 179 чел. до 1 313 чел. (к этому времени в Эсто-Хагинке проживал 531 немец); в 1905 г. численность немцев в Немецкой Хагинке составила 1 957 чел (в Эсто-Хагинке было 822 чел.). По переписи 1926 г. в Калмыцкой автономной области проживали 2 603 немца, можно сделать вывод, что они по-прежнему концентрировались в селах Большедербетовского улуса, где в конце 1920-х гг. вблизи Нем-Хагинки образовались 7 ее субдочерних колоний: Моргентау, Рейнфельд, Розенталь, Ней-Фельд, Шен-Брун, Шен-Фельд, Фриденталь. В 1937 г. Калмыцкой

автономной области проживали 3 590 чел. немецкой национальности [ВПН 1937], а по данным переписи 1939 г. в Калмыкии проживало 4 150 немцев [ВПН 1939].

Общие цифры, доступные для анализа в настоящее время, позволяют сделать вывод о том, что за 21 год, с 1905 по 1926 гг., немецкое население Калмыкии увеличилось в 1,33 раза, а в период между переписями 1926 и 1939 гг. — за 13 лет — в 1,6 раза. Численность этнической группы показывала тенденцию к постоянному росту, что говорило о закреплении и относительном благополучии немцев на новом месте.

Хозяйственная обустроенность, хороший уровень образованности среди новых поселенцев стали залогом успешного развития и крепкого хозяйства, и самих сел, в которых расселялась немецкая этническая группа. Прибыв на территорию Большедербетовского улуса, колонисты сразу построили в своих селах молитвенные дома и открыли начальные приходские школы, в которых работали свои учителя. Это способствовало, с одной стороны, закреплению населения в новом месте, с другой стороны — обеспечению воспитания молодого поколения в духе ценностей, присущих представителям этнической группы. Как и ранее сарептяне в другой части степи, жители Немецкого Хагинского поселения открыли завод (кирпично-черепичный), у них имелась мельница; климатические условия позволяли успешно заниматься земледелием, а также и скотоводством.

Этническая группа немцев Калмыкии являлась частью многонационального общества республики, в то же время сохраняя специфику своей культуры, свою идентичность и уклад жизни. Поселившись в калмыцких кочевьях, немцы попали в иноконфессиональное и инокультурное окружение. С одной стороны, немцы успешно адаптировались в экономическом плане, с другой — они жили обособленно, сохраняя язык, свою материальную и духовную культуру. Этому способствовал такой фактор, как религия. Поэтому в ходе адаптации на новом месте немцы первым делом, кроме школы, строили кирху.

Согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г., численность этой группы увеличилась по сравнению с численностью на начало 1890-х гг. (только в Нем-Хагинке по посемейным спискам значилось 1 313 немцев) в 3,5 раза (по ВПН-1939 — 4150 немцев), что было положительной тенденцией для развития этноса. Согласно другим официальным документам, в 1941 г. из Калмыкии были выселены около 6 000 чел. немцев. Таким образом, по этим данным, за период с 1890-х гг. до 1941 г., если сравнивать данные на 1893 и 1941 гг., то прирост населения был почти в 5 раз. Но события, произошедшие с началом Великой Отечественной войны, изменили историю этой этнической группы в Калмыкии и всех немцев России.

К концу XX в. численность немцев в Калмыкии, как и в России, резко уменьшилась, массовый выезд немцев за границу в 1990-е гг. был вызван большей частью экономическими причинами. Это привело к запустению компактных немецких поселений в Яшалтинском и Городовиковском районах Калмыкии. Тем не менее немцев, своих односельчан, в республике до сих пор вспоминают как скромных и трудолюбивых соседей, аккуратных и рачительных хозяев.

Изучение истории немецкой этнической группы в Калмыкии, воссоздание достоверной картины ее жизни в иноязычном окружении, обращение к историческому опыту совместного проживания народов, надеемся, может способствовать дальнейшему развитию этнической самобытности многонациональной Калмыкии и всей России, сохранению ее этнокультурного многообразия.

Источники

- А ИЦ МВД РК — Архив Информационного центра МВД Республики Калмыкия: фонд 9, опись 1, архивный номер 44 (до 2004 года по учетам КГБ — фонд 11-В, опись-62, арх. 30).
- Административно-территориальное 2008 — Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII в. по 1920 г.: справочник / Ком-т Ставроп. края по делам архивов, ГАУ «ГАСК»; сост.: Г. А. Никитенко, Е. Б. Громова, М. И. Кривнева. Ставрополь: ОАО ИПФ «Ставрополь», 2008. 389 с.
- Архив ИЭиА МЗСС — Архив историко-этнографического и архитектурного Музея-заповедника «Старая Сарепта».
- Бентковский 1873 — Ставропольская губерния: список населенных мест по сведениям 1873 года / сост. И. Бентковский; изд. Ставропольским губ. стат. ком. Ставрополь: Тип. губерnsk. правления, 1874. III, 158 с. (серия «Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центр. стат. комитетом МВД. 1861–1885»).
- ВПН 1926, IV — Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года: в 10 тт. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и язык населения СССР. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. 138 с.
- ВПН 1926, V — Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: в 10 тт. Краткие сводки. Вып. V: Возраст и грамотность. Европейская часть РСФСР. Белорусская ССР. Изд. ЦСУ СССР, 1928. XXV, 61 [1] с.
- ВПН 1937 — Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов / сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.
- ВПН 1939 — Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / РАН, Науч. совет по ист. демографии и ист. географии и др.; сост.: Ю. А. Поляков и др.; редкол.: Ю. А. Поляков и др. М.: Наука, 1992. 254 с.
- ВПН 1959 — Всесоюзная перепись населения 1959 г. Национальный состав населения по регионам России. Калмыцкая АССР [электронный ресурс] // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus._ (дата обращения: 12.02.2016).
- ГА ВО — Государственный архив Волгоградской области.
- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
- ГА СО — Государственный архив Саратовской области.
- ГА СК — Государственный архив Ставропольского края.
- РГИА — Российский государственный исторический архив.

- Грамота 1766 — Грамота к наместнику ханства Калмыцкого Убаше по поводу калмыцких разбоев // Сборник Императорского Русского исторического общества. В 148 тт. Т. 67. СПб.: Универ. тип., 1889. С. 197–199.
- Декларация 1989 — Декларация Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав. Москва, Кремль, 14 ноября 1989 г. // Ведомости съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 23. Ст. 449.
- Декрет 1919 — Декрет СНК об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям. 4 января 1919 г. Декреты Советской власти. Т. IV. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. М.: Политиздат, 1968 // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/10230-4-yanvary-a-dekret-snk-ob-osvobozhdenii-ot-voinskoy-povinnosti-po-religiozным-ubezhdeniyam#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 25.11.2022).
- Депортированные в Казахстан 2022 — Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары (XX ғасырдың 20-50 жылдары) = Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20–50 годы XX века). Т. 7: Депортированные в Казахстан народы и спецпоселенцы. Сборник документов и материалов. Сост. тома: Г. В. Кан, Р. М. Жумашев, Л. К. Шотбакова, Б. Р. Шериязданов, С. В. Елеуханова, В. В. Козина, Ю. И. Подопригора, А. К. Мейрамбеков / под общ. ред. Е. Т. Карина. Астана, 2022. 334 с.
- Доклад Сената 1764 — Высочайше утвержденный доклад Сената от 19 марта 1764 г. «О размежевании земель, назначенных для поселения выезжающих иностранцев» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). 1764, 19 марта. Т. 16 (28 июня 1762 – 1764). СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 648–655.
- Жалованная грамота 1767 — Жалованная грамота Сарептскому Евангелическому обществу Аугсбургского вероисповедания // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). 1767. Т. 18. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 61–66.

- Жалованная грамота 1752 — Жалованная грамота генерал-майору Ивану Хорвату «Об учреждении двух гусарских и двух пандурских полков, о даче им земель, жалования, привилегий и прав, о наименовании новозаселенной ими страны Новою Сербиею // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). 1752. Т. 17 (1749–1753). СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 581–584.
- Жалованная грамота 1797 — Жалованная грамота Сарептской колонии «Об утверждении прежних ее прав и преимуществ» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). 1797. 20 июня. Т. 24. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 671–675.
- Из истории депортаций 2019 — Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг. Сборник документов. Т. 3. Алматы: LEM, 2019. 708 с.
- Именной указ 1763 — Именной, данный Сенату указ «Об учреждении Канцелярии опекунства иностранных колонистов» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). 22 июля 1763. Т. 16 (28 июня 1762 – 1764). СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 312–313.
- Именной указ 1751 — Именной, данный Сенату указ «О принятии в подданство сербов, желающих поселиться в России и служить особыми полками, о назначении на границе со стороны Турецкой выгодных мест к поселению; об определении жалованья по окладу гусарских полков конным, а пешим оклада полков пехотных, и о подчинении оных полков Военной коллегии // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). 1751. Т. 13 (1749–1753). СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 552–558.
- Именной указ 1721 — Именной, данный президенту Камер-коллегии князю Голицыну указ «Об отправлении в разные хлебоборные места крестьян для обучения местных обывателей снимать хлеб с поля косами» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). 11 мая 1721 г. Т. 6 (1720–1722). СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 388.
- Инструкция 1763 — Инструкция Канцелярии опекунства иностранных. Об обязанностях ее при выходе в Россию и поселении иностранцев // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). Т. 16 (28 июня 1762 – 1764). 22 июля 1763 г. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 316–318.

- Итоги 1991 — Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Национальный состав и языки народов Калмыцкой ССР. Ч. 2. Элиста: Калм. респ. упр. стат., 1991. 110 с.
- Карта 1878 — Карта Медвеженского уезда 1878 г. (Карта Кавказского края, изданная Кавказским отделом Имп. Географ. Общества) [электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:Карта_Медвеженского_Уезда_1878г.png (дата обращения: 10.11.2023).
- Карта 1893 — Карта Ставропольской губернии 1893 года. Масштаб: 30 верст в англ. дюйме. Сост. Ставропольский Губерн. стат. комитет. Издана в Памятной книжке Ставропольской губернии на 1893 год [электронный ресурс] // Это место. URL: http://www.etomesto.ru/map-stavropol_guberniya-1893/ (дата обращения: 12.08.2023).
- Карта 1869 — Карта Калмыцкой степи. 1869 г. [электронный ресурс] // Это место. URL: http://www.etomesto.ru/img_map.php?id=3815 (дата обращения: 20.04.2025).
- Манифест 1702 — Манифест Петра I «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания» (16 апреля 1702 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). Т. 4 (1700–1712). СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 192–195.
- Манифест 1763 — Манифест Екатерины II о дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). Т. 16 (28 июня 1762 – 1764). 22 июля 1763 г. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 313–316.
- Манифест 1762 — Манифест Екатерины II «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). Т. 16 (28 июня 1762 – 1764). 4 декабря 1762 г. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 126–127.
- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
- Немецкое население 2002 — Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.): сб. док. / сост., предисл. Т. Н. Плохотнюк. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. 272 с.

- О правилах для поселения 1765 — Доклад Г. Г. Орлова о правилах для поселения гернгутеров, утвержденный Екатериной II // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XVII. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 151–160.
- Общий свод 1897 — Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. II. СПб.: Центр. типо-лит. М. Я. Минкова и паров. типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1905. 418 с.
- Памятная книжка 1898 — Памятная книжка Ставропольской губернии. Адрес-календарь Ставропольской губернии на 1898 год / под ред. Л. Н. Кулисича. Ставрополь: Губ. стат. ком-т, 1898. 346 с.
- ПВПН 1897 — Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку (Губернские итоги). Т. 51–89. СПб.: 1903–1905 https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=510 (дата обращения: 18.10.2023).
- Положение 1834 — Высочайше утвержденное Положение об управлении Калмыцким народом, опубликованное 28 декабря 1835 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. X (1835). Ч. 2. Прибавл. к т. IX. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1835. С. 18–55.
- Положение 1847 — Высочайше утвержденное Положение об управлении Калмыцким народом // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. XXII. Отд 1. № 21144 СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1847. С. 349–371.
- Постановление 1918 — Постановление Народного комиссариата просвещения «О школах национальных меньшинств». 31.10.1918 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. / Упр. делами Совнаркома СССР. М.: [Б. и.], 1942. С. 1101–1102 (Ст. 835–836).
- Постановление ВЦИК 1920 — Постановление ВЦИК и СНК о границах Автономной области калмыцкого народа. Декреты Советской власти. Т. XI. Октябрь – ноябрь 1920 г. М.: Политиздат, 1983 // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/11476-25-noyabrya-postanovlenie-vtsik-i-snk-o-granitsah-avtonomnoy-oblasti-kalmytskogo-naroda> (дата обращения: 20.11.2022).

- Постановление 1986 — Постановление Совета Министров СССР от 28 августа 1986 г. N 1064 «О внесении дополнений в Положение о въезде в Союз Советских Социалистических Республик и о выезде из Союза Советских Социалистических Республик» (с изменениями и дополнениями) (не действует с 21.02.2020 г.) // Инф.-правовая база «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/188607/> (дата обращения: 15.02.2017).
- Постановление Оргбюро 1938а — Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». 24 января 1938. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 637. Л. 7 [электронный ресурс] // ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945: сб. док. / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, Дж. Кадио. М.: РОССПЭН, 2009 (Документы советской истории). С. 341. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/123861> (дата обращения: 3.01.2022).
- Постановление Оргбюро 1938б — Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) «О ликвидации национальных школ и национальных отделений в школах». 24 января 1938. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 634. Л. 7 [электронный ресурс] // ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945: сб. док. / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, Дж. Кадио. М.: РОССПЭН, 2009 (Документы советской истории). С. 342–343. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/123862> (дата обращения: 3.01.2022).
- Постановление Оргбюро 1938в — Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) «О ликвидации национальных педучилищ и институтов». 19 марта 1938. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 640. Л. 6, 36 [электронный ресурс] // ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945: сб. док. / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, Дж. Кадио. М.: РОССПЭН, 2009 (Документы советской истории). С. 395–396. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/123877#mode/grid/page/1/zoom/4> (дата обращения: 3.01.2022).
- Постановление Политбюро 1939 — Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О ликвидации и преобразовании искусственно созданных национальных районов и сельсоветов». 20 февраля 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1006. Л. 39, 40, 94–107 [электронный ресурс] // ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945: сб. док. / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, Дж. Кадио. М.: РОССПЭН, 2009 (Документы советской истории). С. 451–460. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/123908#mode/grid/page/1/zoom/4> (дата обращения: 3.01.2022).

- Правила 1825 — Высочайше утвержденные Правила для управления Калмыцкого народа // Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е]. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 40. № 30290. С. 155–161.
- Привилегии 1800 — Привилегии, данные депутатам Калмыцкой Орды Большого Дербета // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). Т. 26 (1800–1801). 11 августа 1800 г. СПб.: Тип. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 259.
- Приказ НКВД 1941 — Приказ НКВД СССР № 001543 о мероприятиях по переселению немцев из Калмыцкой АССР от 03.11.1941 // Фонд А. Н. Яковлева. Архив. База данных. Сталинские депортации. 1928–1953. Превентивные тотальные депортации и депортации отступления (1941–1943). URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1022036> (дата обращения: 25.01.2022).
- Распоряжение СНК 1941 — Распоряжение СНК № 84-кс «О переселении немцев из Калмыцкой АССР» от 2 ноября 1941 г. // Фонд А. Н. Яковлева. Архив. База данных. Сталинские депортации. 1928–1953. Превентивные тотальные депортации и депортации отступления (1941–1943). URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1022033> (дата обращения: 25.01.2022).
- Республика Калмыкия 2019 — Республика Калмыкия. Административно-территориальное деление. 1918–2017 гг. Справочник. Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. 908 с.
- Саратовская губерния 1862 — Саратовская губерния: ... по сведениям 1859 года / сост. и изд. Центр. стат. ком. МВД; обраб. А. Артемьевым. СПб.: изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел в тип. К. Вульфа, 1862. XLVII, 130 с. (Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел 1861–1885. Вып. 38).
- Сенатский архив 1888 — Сенатский архив. Именные Указы Императора Павла I. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1888. 986 с. [электронный ресурс] // URL: <https://www.prilib.ru/item/444148> (дата обращения: 22.02.2025).
- СРИО 1889 — Сборник Императорского Русского исторического общества. В 148 тт. Т. 67. СПб.: Универ. тип., 1889. 578 с.
- Указ 1652 — Указ царя Алексея Михайловича «Об отводе земли под строение в Немецкой слободе» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). 1649. 4 октября.

- Т. 1 (1649–1675). СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 273.
- Указ 1721 — Указ Петра I от 28 апреля 1721 г. киевскому губернатору о выгоде уборки хлебов косами вместо серпов, о посылке в губернии опытных иноземных косцов для обучения русских людей косьбе и об оказании полного содействия означенному мероприятию (Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Сб. док. в 3 т. Т. 2–3. М.: Древлехранилище, 2020. С. 513–514) // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/340205-ukaz-petra-i-kievskomu-gubernatoru-o-vygode-uborki-hlebov-kosami-vmesto-serpov-o-posylke-v-gubernii-opytnyh-inozemnyh-kostsov-dlya-obucheniya-russkih-lyudey-kosbe-i-ob-okazanii-polnogo-sodeystviya-oznachennomu-meropriyatiyu-v-rige-ot-28-aprelya-1721-g#mode/inspect/page/1/zoom/5> (дата обращения: 15.04.2024).
- Указ 1751 — Сенатский указ (вследствие именного) «О поселении на российских границах приходящих сербов» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). 1751. Т. 13 (1749–1753). СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 570–577.
- Указ 1766 — Указ Екатерины II «Об отдаче имеющейся в Ивангородской сотне Беловежской степи со всеми угодьями в ведомство Малороссийского Генерал-Губернатора, для поселения на ней колонистов» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). Т. 17 (1766–1767). СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 701–702.
- Указ 1800 — Указ об отводе калмыкам малого и Большого Дербета всех земель от Царицына по рекам: Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и Взморью // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). Т. 26 (1800–1801). 27 сентября 1800 г. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 322.
- Указ 1806 — Указ Александра I за № 22135 от 19 мая 1806 г. «О назначении земель калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). Т. 29 (1806–1807). СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 283–309.
- Указ 1906 — Именной высочайший указ, данный Сенату «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося

- крестьянского землевладения и землепользования». № 28528 от 9 ноября 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (1881–1913). Т. 26. СПб., 1909. С. 970–974.
- Указ 1948 — Указ Президиума ВС СССР от 26.11.1948 «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» // Справочно-правовая база «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16040#K9IqTKTUZdtIEcq7> (дата обращения: 20.01.2022).
- Указ Кишенскому — Указ к неходящемуся при Калмыцких делах подполковнику Кишенскому. По поводу жалоб колонистов на калмыцкие разбои. 2 ноября 1766 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. В 148 тт. Т. 67. СПб.: Универ. тип., 1889. С. 199–202.

Полевой материал автора

- ПМА 2021 — Интервью с Г. Е. Г., 70 лет. Запись 2021 г. (п. Комсомольский, Республика Калмыкия).
- ПМА 2024: инф. 1 — Интервью с Э. Г., 62 года. Запись 2024 г. (с. Яшалта, с. Краснополье, Республика Калмыкия).
- ПМА 2024: инф. 2 — Интервью с Г. Б., 59 лет. Запись 2024 г. (с. Яшалта, Республика Калмыкия).

Литература

- Абдоков 1968 — *Абдоков М. У.* Человеку нужна песня (рассказ о Яшалтинском народном театре) / ред. И. К. Пинчук. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 39 с.
- Аккиева 1995 — *Аккиева С. И.* Немецкие колонисты в Кабардино-Балкарии // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: мат-лы Российско-Германской научной конференции (г. Анапа, 22–26 сентября 1994 г.). М.: МСНК, 1995. С. 149–156.
- Аксаков 1988 — *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849 / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова; отв. ред. И. Г. Ямпольский. М.: Наука, 1988. 724 с.
- Айсфельд 2006 — *Айсфельд Альфред.* Российские немцы в 1996–2000 гг.: их положение и перспективы // *Rundschau*. 2. November. 2006. URL: <http://www.rundschau.mv.ru/eisfeld-r.htm> (дата обращения: 27.11.2008).
- Айсфельд 2008 — *Айсфельд А.* Исторический опыт и современные проблемы политической самоорганизации российских немцев // Немцы России:

- исторический опыт и современные проблемы самоорганизации / мат-лы науч. конф. (г. Москва, 29–30 октября 2007 г.). М.: МСНК-пресс, 2008. С. 68–74.
- Айсфельд 2010 — *Айсфельд А.* Россия и ее немцы // Немецкий акцент: Германия в истории, науке и культуре Калмыкии: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 30 сентября 2010 г.). Элиста: КалмГУ, 2010. С. 13–20.
- Айсфельд и др. 2017 — История и культура немцев Казахстана = *Geschichte und Kultur der Deutschen in Kasachstan* / отв. ред. А. Айсфельд, научн. ред. О. Айсфельд. Гёттинген, Алматы: I see real, 2017. 524 с.
- Айсфельд и др. 2021 — Депортація німців України 1941–1946 рр. Збірник документів / Депортация немцев Украины 1941–1946 гг. Сборник документов / *Deportation der Deutschen der Ukraine 1941–1946. Dokumentensammlung* / Упорядники А. Айсфельд, О. Айсфельд; Передмова А. Кудряченка; вступ А. Кудряченка і А. Айсфельда; ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України». Київ: Фенікс, 2021. 280 с.
- Алексеева 1983 — *Алексеева П.* Калмыкия в материалах экспедиций XVIII века // Теегин герл. 1983. № 2. С. 106–110.
- Алексеева, Музраева, Намжавин 2006 — *Алексеева П. Э., Музраева Д. Н., Намжавин С. Шмидт Я. И.* и калмыки: взаимообогащение двух культур (по материалам переписки 1800–1810 гг.) // Сарепта (Историко-этнографический вестник). Вып. 1 (240-летию основания колонии Сарепта на Волге). Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2006. С. 104–122.
- Алексеева 2010 — *Алексеева П. Э.* Роль Сарепты в калмыковедении // Немецкий акцент: Германия в истории, науке и культуре Калмыкии: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 30 сентября 2010 г.). Элиста: КалмГУ, 2010. С. 21–24.
- Ардт 1998 — *Ардт Е. А.* Хозяйство и быт немцев Поволжья (XIX–XX вв.). М.: Mass media, 1998. 120 с.
- Ардт 2000 — *Ардт Е. А.* Национальный костюм немцев Поволжья (конец XVIII – XX в.). Пособ. с метод. рекоменд. Пермь: ИПК «Звезда», 2000. 128 с.
- Ауман, Чернышев 1988 — *Ауман В., Чернышев В.* Советские немцы перед войной и сегодня // Правда. 1988. 4 ноября. С. 6.
- Бабст, Победоносцев 1864 — Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма // К. Победоносцев, И. Бабст. М.: Тип. Грачева и К°, 1864. 568 с.

- Бачаева, Мулаева 2010 — *Бачаева С. Е., Мулаева Н. М.* Вклад немецкого ученого Я. И. Шмидта в изучение монгольского и калмыцкого языков // *Немецкий акцент: Германия в истории, науке и культуре Калмыкии: мат-лы междунар. науч.-практ. конф.* (г. Элиста, 30 сентября 2010 г.). Элиста: КалмГУ, 2010. С. 47–51.
- Баянова 2009 — *Баянова А. Т.* О дневниковых записях моравских братьев // *Новости Сарепты* (дайджест № 3 газеты). 2009 (январь). С. 10.
- Безнощенко 2002 — *Безнощенко А.* Немцы Калмыкии // *Утро Калмыкии*. 2002. № 13 (121). 30 марта – 4 апреля. С. 2.
- Белоусов 2001 — *Белоусов С. С.* Религиозная жизнь немецкого населения Калмыкии (конец XIX – начало XX веков // *Исторические связи калмыков Нижнего Поволжья и общины Сарепта в XVIII–XX веках. Взаимоотношения в области истории, науки, религии и культуры: мат-лы междунар. науч. конф.* (г. Волгоград / Сарепта, 6–13 апреля 2000 г.) / издатели: Х.-К. Дидрих (Берлин), М. И. Табаков (Волгоград). Волгоград, 2001. С. 333–347.
- Белоусов 2008 — *Белоусов С. С.* Миграции немецкого населения в Калмыкии в 1990-е гг. XX в. – начале XXI в. // *Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: сб. науч. ст.* Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 88–94.
- Белоусов 2010 — *Белоусов С. С.* Немецкое население Калмыкии в исследованиях калмыцких учёных Российской академии наук // *Немецкий акцент: Германия в истории, науке и культуре Калмыкии: мат-лы междунар. науч.-практ. конф.* (г. Элиста, 30 сентября 2010 г.). Элиста: КалмГУ, 2010. С. 52–57.
- Белоусов 2016 — *Белоусов С. С.* Немецкие религиозные организации Калмыцкой АССР и проблемы их регистрации органами государственной власти (вторая половина 1950-х гг. – 1980-е гг.) // *Oriental Studies* (Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН). 2016. Т. 24. № 2. С. 34–41.
- Белоусов 2017 — *Белоусов С. С.* Государственная религиозная политика в Калмыкии в отношении христианского населения в годы советской власти (октябрь 1917 – 1991 гг.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 342 с.
- Белоусов 2022 — *Белоусов С. С.* Государственная переселенческая политика в Северном Прикаспии в XVIII – начале XX в. / отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: КалмНЦ РАН. 2022. 368 с.
- Благовещенский 1850 — *Благовещенский В.* Обзор правительственных мер относительно иностранных поселений в России [электронный ресурс] // *Журнал Министерства внутренних дел*. 1850. Ч. 30. Кн. 4. С. 3–45.

URL: <https://media.chortitza.org/pdf/pdf/0v908.pdf> (дата обращения: 12.05.2024).

- Богданов 1964 — *Богданов И. М.* Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР: Историко-статистические очерки. М.: Статистика, 1964. 195 с.
- Боголюбов 1862 — *Боголюбов Н. П., Боголюбов А. П.* Волга: от Твери до Астрахани. СПб.: О-во «Самолет», 1862. VIII, 415 с.
- Борисенко 1977а — *Борисенко И.* Первопроходцы // Комсомолец Калмыкии. 1977. 2 апреля. С. 4.
- Борисенко 1977б — *Борисенко И.* Первые исследователи Калмыцкой степи // Теегин герл, 1977. № 4. С. 141–147.
- Борисенко 1990а — *Борисенко И.* Времен минувших отраженье: краеведческие заметки о Калмыкии. Элиста: ККИ, 1990. 175 с.
- Борисенко 1990б — *Борисенко И.* Выходцы из Голландии в калмыцких степях // Известия Калмыкии, 2000. 19 октября. С. 4.
- Борисенко 1991а — *Борисенко И. В.* Очерки исторической географии Калмыкии: дореволюционный период. Элиста: КИОН, 1991. 227 с.
- Борисенко 1991б — *Борисенко И.* Немцы в Калмыкии // Советская Калмыкия. 1991. 22 февраля. С. 2.
- Борисенко 1995 — *Борисенко И.* Из истории немецкой топонимики в Калмыкии // Колония Сарепта и немцы Поволжья в истории России: сб. тезисов по материалам науч. конф. (г. Волгоград, 2–4 сентября 1995 г.) / редкол.: Б. Ф. Железчиков (отв. ред.), Е. В. Хрипунов, В. Н. Медведев. Волгоград: МЗ «Старая Сарепта», 1995. С. 14.
- Борисенко 1998 — *Борисенко И.* Из истории поселений немцев в Калмыкии // Элистинские новости. 1998. 25 апреля. С. 5.
- Борисенко, Убушиева 2000 — *Борисенко И. В., Убушиева С. И.* Очерки исторической географии Калмыкии (1917 – начало 90-х гг. XX в.) / отв. ред. Ю. О. Оглаев. Элиста: АПП «Джангар», 2000. 168 с.
- Брикнер 1882 — *Брикнер А. Г.* История Петра Великого: в 5 частях. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1882. Т. 1. Ч. 1–3. 404 с.
- Бугай 1991 — *Бугай Н. Ф.* 40-е годы: «Автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. 1991. № 2. С. 172–180.
- Буддийская традиция 2015 — Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: сакральные объекты / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Н. Хишигт, Ц. Энхчимэг. М.: Наука, Вост. лит., 2015. 231 с.
- Вайман, Черных 2015 — *Вайман Д. И., Черных А. В.* Немцы Перми: история и культура. СПб.: Маматов, 2015. 64 с.

- Вашкау 1992 — *Вашкау Н. Э.* Депортация российских немцев: причины и последствия // Репрессированные народы: история и современность: Тезисы докладов и сообщений Российской науч.-практ. конф. (г. Элиста, 28–29 мая 1992 г.). Элиста: КГУ, 1992. С. 38–40.
- Вашкау 1994 — *Вашкау Н. Э.* Немцы в России: История и судьба. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. 198 с.
- Вашкау 1995 — *Вашкау Н. Э.* Немецкая национальная школа в Поволжье в 20–30-е гг. XX в. // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М.: Междунар. союз немец. культуры, 1995. С. 329–335.
- Вашкау 2002 — *Вашкау Н. Э.* Без вины виноватые: Российские немцы на спецпоселении и в трудармии // Родина. 2002. № 10. С. 99–104.
- Вашкау 2006 — *Вашкау Н. Э.* Сарепта. Страницы истории российских немцев. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 212 с.
- Вашкау 2008 — *Вашкау Н. Э.* О работе Центра германских исторических исследований: некоторые итоги // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1 (13). С. 192–193.
- Вашкау 2011 — *Вашкау Н. Э.* Некоторые итоги деятельности Центра германских исторических исследований за 2010 год // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 1 (19). С. 172–174.
- Велицын 1893 — *Велицын А. А.* Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб.: Тип. тов-ва «Обществен. польза», 1893. 282 с.
- Веревкин 1780 — *Веревкин М. И.* Описание Екатерининских вод в Астраханской губернии, между города Царицына и селения евангелического братства Сарепты, собранное на месте, 1780 года, в августе и сентябре месяцах, Михайлом Веревкиным. М.: Унив. тип., 1780. 86 с.
- Вибе 2007 — *Вибе П. П.* Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. 368 с.
- Воейков 1822 — *Воейков А. Ф.* Описание Сарепты // Северный архив. 1822. № 1 (январь). Ч. 1. Раздел 4: Статистика. С. 48–69. https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_88532?page=46&rotate=0&theme=white
- Воейков 1813 — *Воейков А. Ф.* Письмо из Сарепты // Сын Отечества. 1813. № 18. С. 19–24. https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D1%8B%D0%BD_%D0%BE%

D1%82%D0%B5%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0/1813#%E2%84%96_18

<https://viewer.rsl.ru/ru/rsl60000095060?page=80&rotate=0&theme=white>

- Военно-статистическое обозрение 1851 — Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба [трудами офицеров Ген. штаба]. СПб.: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1848–1858. Т. 16. Ч. 1: Ставропольская губерния / [по рекогносцировкам и материалам, собр. на месте, сост. Забудский]. СПб.: Тип. Деп. Генштаба, 1851. 274 с.
- Вормсбехер 1988 — *Вормсбехер Г.* Немцы в СССР // Знамя. 1988. № 11. С. 193–203.
- Герман 1992 — *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. 1: Автономная область (1918–1924). Саратов: Изд-во СГУ, 1992. 192 с.
- Герман 1994 — *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. 2: Автономная республика (1924–1941). Саратов: Изд-во СГУ, 1994. 416 с.
- Герман 2007 — *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. 2-е изд. испр., доп. М.: МСНК-пресс, 2007. 576 с.
- Герман, Плеве 2002 — *Герман А. А., Плеве И. Р.* Немцы Поволжья: Краткий исторический очерк. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 2002. 144 с.
- Герман, Илларионова, Плеве 2005 — *Герман А. А., Илларионова Т. С., Плеве И. Р.* История немцев России: Хрестоматия. Приложение к учебному пособию. М.: МСНК-пресс, 2005. 544 с.
- Глич 1865 — *Глич А.* История братской общины Сарепта в Восточной России в течение её столетнего существования. Ниски, 1865 // Архив Историко-этнографического и архитектурного музея-заповедника «Старая Сарепта» (ИЭиА МЗСС). Ф. 3. № 6342. НК / рукописн. пер. с нем. Л. М. Донской. 390 с.
- Гмелин 1777 — Самуила Георга Гмелина, доктора врачебной науки, Императорской Академии наук, Лондонскаго, Гарлемскаго и Вольнаго экономического общества члена Путешествие по России для исследования трех царств естества: пер. с нем. 1771–1785 года. Ч. II: Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года / [перевод: С. Мошков]. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1777. 361 с.
- Городецкий 1915 — *Городецкий Б. М.* Немецкое землевладение на Кубани // Кубанский сборник: Труды Кубанского Обл. Стат. Комитета. Т. XX. Екатеринодар: Тип. Кубанск. Обл. правл., 1915. С. 352–380.

- Горяев, Команджаев 2012 — *Горяев М. С., Команджаев А. Н.* Организация управления калмыцким народом после упразднения Калмыцкого ханства (1771–1825) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 7 (126). Вып. 22. С. 113–123.
- Григорьева 1988 — *Григорьева Р.* «Это моя родина»: интервью с Р. Витманом // Ленинец. 1988. 27 декабря. С. 2.
- Гулина 2010 — *Гулина О. Р.* Spätaussiedler, или Русские немцы в Германии // Современная Европа. 2010. № 2 (апрель-июнь). С. 62–75.
- Депортация 2021 — *Депортація німців України 1941–1946 рр. Збірник документів / Депортация немцев Украины 1941–1946 гг. Сборник документов / Deportation der Deutschen der Ukraine 1941–1946. Dokumentensammlung / Упорядники А. Айсфельд, О. Айсфельд; Передмова А. Кудряченка; вступ А. Кудряченка і А. Айсфельда; ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України».* Київ: Фенікс, 2021. 280 с.
- Дённингхаус 2020 — *Дённингхаус В.* «Немецкую школу без риска можно назвать антисоветской»: учитель как тормоз трансформации немецкой школы в 1920-е гг. // История повседневности. 2020. № 2(14). С. 42–70.
- Джафарли 2001 — *Джафарли М.* Депортация немецкого населения из Южного Кавказа в 1941 г. // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие, 1941–1955 гг.: мат-лы 7-й междунар. науч. конф. (г. Москва, 19–22 октября 2000 г.). М.: Готика, 2001. С. 127–139.
- Джамбинова 2016 — *Джамбинова Н. С.* Языковая репрезентация картины мира в топонимии Яшалтинского района Республики Калмыкия // Приоритетные научные направления: от теории к практике: мат-лы XXVII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Новосибирск, 17 июня 2016 г.): в 2 ч.; под общ. ред. С. С. Чернова. Ч. 2. Новосибирск: Центр развития науч. сотрудничества, 2016. С. 31–41.
- Джимбинов 1990 — *Джимбинов С.* Эпитафия спецхрану? // Новый мир. 1990. № 5. С. 242–253.
- Дизендорф 2010 — *Дизендорф В.* Историческая демография немецкого населения России и СССР (XVIII в. – начало XXI в.). Ротенбург, 2010. 241 с.
- Дитц 1997 — *Дитц Я. Е.* История поволжских немцев-колонистов / под ред. И. Р. Плева. М.: Готика, 1997. 496 с.
- Дульзон 2012 — *Дульзон А. А.* Российские немцы: прошлое, настоящее, будущее (лекция) [электронный ресурс] // Национальный

- исследовательский Томский политехнический университет. Институт социально-гуманитарных технологий. 2012. URL: https://www.tomdeutsche.ru/content/editor/Российские%20немцы_доклад%20Дульзона.pdf?r=1354603038 (дата обращения: 6.01.2022).
- Духовников 1893 — *Духовников Ф. В.* Немцы, другие иностранцы и пришлые люди в Саратове // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1893. С. 237–264.
- Ерохина 2001 — *Ерохина О. В.* Социально-экономическое и культурное развитие немецких колоний Области Войска Донского, 70-е гг. XIX в. – 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук, Волгоград, 2001. 231 с.
- Ерохина 2024 — *Ерохина О. В.* Отражение религиозной жизни поволжских немцев в 1920-е годы на страницах американской газеты «Die Welt-Post» // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2024. № 1 (15). С. 103–110.
- Есенова, Бонет 2010 — *Есенова Т. С., Бонет О. А.* Немецкие топонимы Калмыкии // Немецкий акцент: Германия в истории, науке и культуре Калмыкии: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 30 сентября 2010 г.). Элиста: КалмГУ, 2010. С. 72–74.
- Железчиков 2001 — *Железчиков Б. Ф.* Причины неудачи миссионерской деятельности сарептян среди калмыков // Исторические связи калмыков Нижнего Поволжья и общины Сарепта в XVIII–XX веках. Взаимоотношения в области истории, науки, религии и культуры: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Волгоград, 6–13 апр. 2000 г.). Волгоград: МЗ «Старая Сарепта», 2001. С. 297–303.
- Жиромская 1990 — *Жиромская В. Б.* Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов. История подготовки и проведения // История СССР. 1990. № 3. С. 84–104.
- Заалов 1897 — *Заалов М.* Менониты и их колонии на Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Изд. Управления Кавказского учебного округа. Вып. 23. Тифлис: Тип. К. П. Козловского, 1897. Отд. II. С. 89–127.
- Заблоцкий 1838 — *Заблоцкий А.* Статистические сведения об иностранных поселениях в России (географическое размещение колоний и пространство земли, занимаемое оными) // Журнал Министерства внутренних дел. 1838. Ч. 28. Кн. 5. С. 1–83.
- Зейналова 2002 — *Зейналова С. М.* Немецкие колонии в Азербайджане: 1919–1941 годы. Баку: Араз, 2002. 221 с.

- Зиннер 1925 — *Зиннер П. И.* Немцы Нижнего Поволжья: исторический очерк. Выдающиеся деятели из колоний Поволжья. Саратов, 1925. 20 с. URL: https://wolgadeutsche.net/bibliothek/books/Sinner_P_Deutsche_der_Unteren_Wolga.pdf (дата обращения: 15.01.2013).
- Иваненко 1977 — *Иваненко А.* Из прошлого села // Зори Маныча. 1977. № 19 (3887). 12 февраля. С. 4.
- Иващенко, Ковалев 1991 — *Иващенко В., Ковалёв В.* У советских немцев есть будущее: считают делегаты прошедшей в Городовиковске конференции // Советская Калмыкия. 1991. 28 февраля. С. 1, 3.
- Измайлов 1805 — *Измайлов В. В.* Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова. Ч. 4. М.: Тип. Христоф. Клаудия, 1805 (2016). 104 с. [электронный ресурс] // Библиотека Русского географического общества. URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/218773> (дата обращения: 20.12.2023).
- Историческое обозрение 1837 — Историческое обозрение водворения иностранных поселенцев в России // Журнал Министерства внутренних дел. 1837. Ч. 24. № 12. С. 427–453. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_60000094885?page=1404&rotate=0&theme=white (дата обращения: 10.05.2024).
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. / редкол.: К. Н. Максимов (отв. ред.), Н. Г. Очирова (отв. ред.), С. С. Белоусов, Н. Ф. Бугай, У. Б. Очиров, В. П. Санчиров, В. В. Трепавлов. Элиста: Герел, 2009. Т. 1. 848 с.
- История и этнография 2009 — История и этнография немцев Сибири / сост., науч. ред. П. П. Вибе. Омск: Изд-во ОГИК музея, 2009. 752 с.
- История немцев 2005 — История немцев России: уч. пособ. / А. А. Герман, Т. С. Иларионова, И. Р. Плева. М.: МСНК-Пресс, 2005. 544 с.
- История немцев 2020 — История немцев России = Geschichte der Deutschen in Russland: уч. пособ. / А. А. Герман, Т. С. Иларионова, И. Р. Плева, В. В. Хасин, А. В. Лучников; Международный союз немецкой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: МаВигрупп, 2020. 648 с.
- История российских немцев 1993 — История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). Т. I / сост.: В. А. Ауман, В. Г. Чеботарева; Междунар. ин-т гуманитар. пробл. (МИГУП). М.: МИГУП, 1993. 447 с.
- История российских немцев 1994 — История российских немцев в документах. Т. II: Общественно-политическое движение за восстановление национальной государственности (1965–1992 гг.) / сост. В. Ауман, В. Чеботарева. М.: Рос. экономический журнал, 1994. 509 с.

- Кабузан 1989 — *Кабузан В.* Немецкое население в России в XVIII – начале XX века (численность и размещение) // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 18–29.
- Катушов 1998 — *Катушов К. П.* Калмыкия в геопространстве России. Элиста: КИГПИ, 1998. 336 с.
- Кёппен 1861 — Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России / составлен под рук-вом Петра Кёппена [при участии Б. П. Ламбина]. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1861. 510 с.
- Киссер 2019 — *Киссер Т. С.* Немцы Урала: трансформации этнической идентичности (середина XX – начало XXI в.): дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2019. 345 с.
- Кичикова 2015 — *Кичикова Н. А.* Языковая отнесенность топонимов республики Калмыкия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Филологические науки. 2015. № 7(102). С. 123–128.
- Кичихин 1992 — *Кичихин А. Н.* О немцах в России // Элистинские новости. 1992. 6 июня. С. 3.
- Клаус 1869 — *Клаус А.* Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. СПб.: Тип. В. В. Нусвальта, 1869. 516 с.
- Колесник 1997 — *Колесник В. И.* Демографическая история калмыков в XVII–XX вв.: уч. пособ. Элиста: Калм. гос. ун-т, 1997. 135 с.
- Команджаев 1999 — *Команджаев А. Н.* Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.
- Команджаев 2012 — *Команджаев А. Н.* Вклад переселенческого населения в экономическое развитие Калмыкии (конец XIX – начало XX веков) // Сарепта: Историко-этнографический вестник. Вып. 5. Волгоград: МЗ «Старая Сарепта», 2012. С. 288–296.
- Коринфский 1903 — *Коринфский А. А.* Волга: сказания, картины и думы: с рисунками. 1892–1902. М.: Изд. М. В. Ключкина; Типолит. В. Чичерина, 1903, 158 с. [электронный ресурс] // Русское географическое общество. URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/226668> (дата обращения: 22.01.2023).
- Корн 2008 — *Корн Р.* В России — немцы, в Германии — русские. Исторические очерки о российских немцах. Augsburg: Waldemar Weber Verlag, 2008. 448 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь: 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

- Курышев 1995 — *Курышев А. В.* Просвещение в колонии Сарепта (к. XVIII – н. XX в.) // Колония Сарепта и немцы Поволжья в истории России»: сб. тезисов по материалам науч. конф. (г. Волгоград, 2–4 сентября 1995 г.) / редкол.: Б. Ф. Железчиков (отв. ред.), Е. В. Хрипунов, В. Н. Медведев. Волгоград: МЗ «Старая Сарепта», 1995. С. 27–29.
- Курышев, Парфенов 2016 — *Курышев А. В., Парфенов А. Е.* Эволюция общинного уклада колонии Сарепта на протяжении XIX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 3. С. 43–53.
- Лангерфельд 2001 — *Лангерфельд К.-О.* Калмыцкие первоисточники в Гернгуте // Исторические связи калмыков Нижнего Поволжья и общины Сарепта в XVIII–XX веках. Взаимоотношения в области истории, науки, религии и культуры: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Волгоград, 6–13 апр. 2000 г.). Волгоград: МЗ «Старая Сарепта», 2001. С. 228–232.
- Лапин, Франк 1988 — *Лапин А., Франк А.* Русские немцы // Комсомольская правда. 1988. 28 декабря. С. 2.
- Лауденшлегер 1990 — *Лауденшлегер Иван.* Завещание первых поселенцев // Советская Калмыкия. 1990. 18 мая. С. 2.
- Лендер 1889 — *Лендер Н. Н.* Волга: Очерки и картины (с картой Поволжья). Изд. пароходного общества «Самолет». СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1889. 260 с.
- Леопольдов 1839 — *Леопольдов А. Ф.* Статистическое описание Саратовской губернии. СПб: Тип. Деп. внеш. торг., 1839. Ч. 2. С. 64–72.
- Лепехин 1771 — *Лепёхин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. 1768 и 1769 г. СПб.: Имп. Акад. наук, 1771. 538 с., + илл.
- Лиценбергер 2007 — *Лиценбергер О. А.* Восприятие немцев-лютеран и католиков русским обществом и Православной церковью: конфессиональный аспект // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): мат-лы XI междунар. науч. конф. (г. Москва, 1–3 ноября 2006 г.) / под ред. А. А. Германа. М.: МСНК-пресс, 2007. С. 9–19.
- Львовский 2002 — *Львовский Н. В. (Мефодий).* Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. 2-е изд. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 156 с.

- МАИИКРН 2010 — Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев. 1995–2010: Справочник / науч. ред. И. В. Черказьянова; сост. И. В. Черказьянова, Т. Б. Смирнова. М.: МСНК. 2010. 220 с.
- Максимов 2011а — *Максимов А. А.* Сарепта и калмыки: взаимодействие культур (60-е гг. XVIII в.) // Астраханские краеведческие чтения: сб. ст. / под ред. А. А. Курапова. Астрахань: Изд. Сорокин Роман Васильевич, 2011. Вып. III. С. 171–173.
- Максимов 2011б — *Максимов А. А.* Безопасность колонии Сарепта в 1771–1774 гг. // *Новости Сарепты*. 2011. 29 апреля. С. 2–3.
- Максимов 2011в — *Максимов А. А.* Культура, обычай и менталитет кочевых калмыков Нижнего Поволжья в восприятии гернгутеров Сарепты // *Новости Сарепты*. 2011. 25 марта. С. 2.
- Максимов 2012 — *Максимов А. А.* Взаимоотношения гернгутеров Сарепты с калмыцким населением Нижнего Поволжья (1765–1771 гг.) // *Сарепта: историко-этнографический вестник*. Вып. 5. Волгоград: Музей-заповедник «Старая Сарепта», 2012. С. 33–38.
- Малиновский 1967 — *Малиновский Л. В.* Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919–1929) // *Вопросы истории Сибири*. Вып. 3. Томск: Изд-во ТГУ, 1967. С. 202–213.
- Малиновский 1968 — *Малиновский Л. В.* Жилище немцев-колонистов в Сибири // *Советская этнография*. 1968. № 3. С. 97–105.
- Малиновский 1991 — *Малиновский Л. В.* История советских немцев в современной историографии ФРГ // *Вопросы истории*. 1991. № 2–3. С. 238–241.
- Малиновский 1995 — *Малиновский Л.* Немцы в России и на Алтае. Популярно-исторические очерки. Барнаул: Позитив, 1995. 182 с.
- Малиновский 1996 — *Малиновский Л.* Основание немецких колоний в России и освоение территории // *История и культура российских немцев*. Вып. 3 (в трех частях). Ч. 1 / отв. ред. С. И. Замогильный. Саратов: ПАГС, 1996. С. 29–38.
- Медведев 1996 — *Медведев В. Н.* Евангелическая братская община гернгутеров и Евангелическо-лютеранская община Сарепты // *Unsere Kirche (Наша церковь)*. 1996. № 1–2. С. 32–35.
- Медведев 2001 — *Медведев В. Н.* Виноградарство в колонии Сарепта Царицынского уезда (1765–1917) // *Стрежень: научный ежегодник*. Вып. 2. / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2001. С. 375–383.

- Медведев 2007 — *Медведев В. Н.* Миграционные процессы населения (гернгутеров) Сарепты. Вторая половина XVIII – середина XIX вв. // Сарепта: Историко-этнографический вестник. Вып. 3. Волгоград: МЗ «Старая Сарепта», 2007. С. 92–125.
- Медведев 2013 — *Медведев Виктор.* Саксонский хутор на реке Шорве // Волгоградская правда. 29.03.2013. URL: <https://vpravda.ru/obshchestvo/saksonskiy-hutor-na-reke-shorve-5516/> (дата обращения: 15.02.2022).
- Медведев 2018 — *Медведев В. Н.* Сарепта на Волге. Из истории Моравской (гернгутской) миссии в России. 1740–1765 годы // Новости Сарепты: Областная газета межнационального общения. 2018. № 38. С. 2.
- Медведев 2019 — *Медведев В. Н.* Социальная работа в Евангелической братской общине Сарепты 1765–1892 гг. // Вопросы краеведения: материалы краеведческих чтений / Волгогр. обл. краеведч. музей, Волгогр. обл. о-во краеведов; [редкол.: Н. А. Болотов и др.]. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2019. С. 85–89.
- Медведев, Табаков 2009 — *Медведев В. Н., Табаков М. И.* Путешествие миссионеров Сарепты Х. А. Цвика и И. Г. Шилля в калмыцкие кочевья Астраханской губернии в 1823 году // Кавказская цивилизация: историко-культурное наследие народов Юга России: сб. мат-лов круглого стола / сост. и отв. ред. З. Дзарахова. Магас: Пилигрим, 2009. С. 115–126.
- Меднис 2016 — *Меднис Н. Е.* Кавказ и Сибирь как два топоса русской литературы и культуры XIX века // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: колл. моногр. / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С. 21–36.
- Международный диалог 2019 — Международный диалог историков. Россия и Германия: проблемы межкультурного взаимодействия (1990–2020): мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Липецк, 24–25 октября 2019). Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. 257 с.
- Мешков 2013 — *Мешков Д.* Демографическое развитие и семья в немецких колониях Причерноморья (1800–1870) // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию): Материалы 4-й междунар. науч.-практ. конференции (г. Москва, 24–27 августа 2012 г.). М.: МСНК-пресс, 2013. С. 247–258.
- Минх 1901 — *Минх А. Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии / сост. А. Н. Минх. Саратов, 1898–1902. 5 т. (Прил. к Трудам

- Саратовской ученой архивной комиссии). Т. 1: Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Вып. 3: Лит. Л–Ф / сост. А. Н. Минх; печ. под наблюд. С. А. Щеглова. Саратов: Тип. губерн. земства, 1901. С. 557–1094.
- Минх 2010 — *Минх А. Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии: Южные уезды Царицынский и Камышинский. Современная версия / под ред. И. О. Тюменцева; Волгоградская академия госслужбы. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2010. 568 с.
- Мургаев 1997 — *Мургаев С. М.* Фонды Национального архива Республики Калмыкия: взаимоотношения калмыков и поволжских немцев в XVIII веке // Местные архивы об истории регионов: мат-лы 8-й Всерос. заочной науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 1 сентября 1997 г.). СПб.: Нестор-история, 1997, С. 116–118.
- Мягкая 1997 — *Мягкая В. С.* Благословенная Сарепта // Теегин герл. 1997. № 5. С. 119–128.
- Населенные места 1905 — Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. / предисл.: Н. Троицкий. СПб.: Тип. «Общественная польза», паровая типо-литография Н. Л. Ныркина, 1905. 120 с. (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.).
- Национально-государственное строительство 1981 — Национально-государственное строительство в Калмыцкой АССР (июль 1920 – июнь 1937 гг.). Сб. документов и материалов / сост.: А. М. Джалаева и др. Элиста: ККИ, 1981. 366 с.
- Национальный состав 2021 — Национальный состав населения Российской Федерации согласно переписи населения 2021 года [электронный ресурс] // Население Калмыкии. Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Калмыкии (дата обращения: 10.07.2024).
- Нейдгардт 1838 — *Нейдгардт.* Исторические и статистические сведения о Сарептской колонии // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1838. Ч. 28. № 5. С. 245–260.
- Нейдгардт 1862 — *Нейдгардт П. П.* Путеводитель по Волге. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1862. (Три части: 18 с., 102 с., 120 с.) // Нац. электронная библиотека (НЭБ). URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003565913/ (дата обращения: 25.01.2023).

- Нелипович 2002 — *Нелипович С. Г.* Политика оккупационных властей центральных держав в отношении немцев Царства Польского. 1915–1918 // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1971–1941 гг.: материалы 8-й междунар. науч. конф. (г. Москва, 13–16 октября 2001 г.). М.: ЗАО «МДЦ Холдинг», 2002. С. 95–109.
- Немецкий акцент 2010 — Немецкий акцент: Германия в истории, науке и культуре Калмыкии: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 30 сентября 2010 г.). Элиста: КалмГУ, 2010. 136 с.
- Немирович-Данченко 1877 — *Немирович-Данченко Вас. И.* По Волге: Очерки и впечатления летней поездки. СПб.: И. Л. Тузов, 1877. 404 с.
<https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003590562?page=1&rotate=0&theme=white>
- Немирович-Данченко 1903 — *Немирович-Данченко Вас. И.* Великая река: картины из жизни и природы на Волге. СПб.: Изд. П. П. Сойкина, 1903. 158 с.
- Немцы Бурятии 1995 — Немцы Бурятии / сост.: Э. П. Нархинова, Е. А. Голубев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1995. 98 с.
- Немцы в истории 2006 — Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917 / сост. В. Ф. Дизендорф; ред. совет тома: В.А. Ауман, В.Ф. Баумгертнер, В. Бретт, Н.Ф. Бугай, Н.А. Варденбург, В.Г. Чеботарева, А.И. Эрлих; под общ. ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, Материк, 2006. 784 с.
- Немцы России 1999 — Немцы России: энциклопедия. Т. 1: А–И / редкол.: В. Карев (пред.) и др. М.: ЭРН, 1999. 822 с.
- Немцы России 2006 — Немцы России: населенные пункты и места поселения: энциклопедический словарь / сост.: В. Ф. Дизендорф. М.: ЭРН, 2006. 472 с.
- Немцы России 2012 — Немцы России: эволюция исторического пути, 1762 г. – XX в. / Баумгертнер В. Ф. и др.; сост. и науч. ред. В. Г. Чеботарева; Междунар. Союз общ. об-ний немцев, Общественная акад. наук российских немцев. М.: ЗАО «Гриф и К», 2012. 455 с.
- НРС 1965 — Немецко-русский словарь: 80 тыс. слов / под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. Изд. 4-е, стереотип. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 991 с.
- Оконова 2013 — *Оконова Л. В.* Депортация немцев из Калмыцкой АССР // *Oriental Studies* (Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований). 2013. № 3. С. 52–56.
- Оконова, Лиджиева 2014 — *Оконова Л. В., Лиджиева И. В.* Реконструкция истории депортации немцев Калмыкии // *Новые исследования Тувы*. 2014. № 4. С. 88–98.

- Омакаева 2001 — *Омакаева Э. У.* Архивные материалы о калмыках в свете немецко-калмыцких историко-культурных контактов // Исторические связи калмыков Нижнего Поволжья и общины Сарепта в XVIII–XX веках. Взаимоотношения в области истории, науки, религии и культуры: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Волгоград, 6–13 апреля 2000 г.). Волгоград: МЗ «Старая Сарепта», 2001. С. 316–324.
- Очерки истории 1970 — *Очерки истории Калмыцкой АССР: Эпоха социализма / отв. ред. Д. А. Чугаев.* М.: Наука, 1970. 432 с.
- Очир-Горяев 2001 — *Очир-Горяев В. Э.* Калмыцко-немецкие этнокультурные связи // Вестник КИГИ РАН. Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 281–284.
- Очирова 2009 — *Очирова Н. Г.* Народы Калмыкии: исторический опыт взаимодействия и современность // Вестник Южного научного центра РАН. 2009. Т. 5. № 3. С. 43–48.
- Очирова, Белоусов 2011 — *Очирова Н. Г., Белоусов С. С.* Этносоциальное развитие немецкого населения Калмыкии во второй половине XIX – начале XXI веков // Научная мысль Кавказа. 2011. № 2. С. 97–103.
- Паллас 1809 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1 (вторым тиснением) / пер. с нем.: Ф. Туманский, В. Зуев. СПб.: Имп. акад. наук, 1809. 657 с. <https://new.runivers.ru/bookreader/book58492/#page/317/mode/1up>
- Пальмов 1925 — *Пальмов Н. Н.* Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь // Калмыцкая область. 1925. № 2. С. 125–145; № 3. С. 70–108.
- Пальмов 2007 — *Пальмов Н. Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России / сост., вступ. ст. и прим. А. М. Джалаевой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 464 с.
- Печерская 2016 — *Печерская Т. И.* Проект «Аннотированный указатель „Русский травелог XVIII – начала XX в.“»: К постановке проблемы // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: колл. моногр. / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С. 8–21.
- Писаревский 1898 — *Писаревский Г. Г.* Очерки по иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам) // Русский вестник. Т. 253. М.: Тип. В. В. Чичерина, 1898. С. 100–124.
- Писаревский 1909 — *Писаревский Г. Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам). М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1909. 438 с. [электронный ресурс] // Гос. публичная историческая библиотека. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/4741-pisarevskiy-g-g-iz-istorii->

- inostrannoy-kolonizatsii-v-rossii-v-xviii-v-m-1909 (дата обращения: 10.05.2024).
- Плохотнюк 1996 — *Плохотнюк Т. Н.* Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (конец XVIII – середина XX вв): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1996. 25 с.
- Плохотнюк 1998 — *Плохотнюк Т. Н.* Образование немецких колоний на Северном Кавказе // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Анапа, 26–30 сентября 1997 г.). М.: Готика, 1998. С. 109–133.
- Плохотнюк 2001 — *Плохотнюк Т. Н.* Российские немцы на Северном Кавказе. М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 2001. 203 с.
- Плохотнюк 2002 — *Плохотнюк Т. Н.* Предисловие // Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.): сб. док. / сост., предисл. Т. Н. Плохотнюк. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С. 3–20.
- Плохотнюк 2004 — *Плохотнюк Т. Н.* Российско-германские трансграничные перемещения населения (1871–1925 гг.): историко-компаративный анализ: дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2004. 530 с.
- Поволжье 1926 — Поволжье: Природа, быт, хозяйство. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой / под ред. проф. В. П. Семенова-Тян-Шанского, при ближ. участии проф. Д. А. Золотарева. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Волжское гос. пароходство, Транспечать НКПС, 1926. VIII, 591 с.
- Положение немцев 2004 — Положение российских немцев в России и в Германии на рубеже XX–XXI веков: мат-лы междунар. конф. (г. Саратов, мая 2002 г.) / ред. А. А. Герман. Саратов: Научная книга, 2004. 216 с.
- Полян 2001 — *Полян П.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с.
- Попов 1893 — *Попов К. И.* Записки о Саратове // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов: Паровая скоропечатня губернск. правления, 1893. С. 155–236.
- Попов 1994 — *Попов П. П.* Слово о «Старой Сарепте». Волгоград: Комитет по печати, 1994. 160 с.
- Посторонний 1927 — *Посторонний.* Мирное житье кулаков нарушено // Красная степь. 1927. 3 марта. С. 2.

- Потоцкий 1936 — Путешествие Яна Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году // Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII вв. / сост. В. Алексеев. Сталинград: Краевое книгоизд-во, 1936. С. 198–218.
- Преображенский 1882 — *Преображенский Ф. М.* Отчет о действиях и занятиях Саратовского статистического комитета за 1880 г. // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Т. 2. Изд. Саратовск. стат. ком-та. Саратов: Тип. губерnsk. правления, 1882. С. 1–165.
- Приб 2007 — *Приб А.* Немецкие колонисты России. 1763–2006. Исторический очерк. Augsburg: W. Weber Verlag, 2007. 216 с.
- Рамстедт 1904 — Отчет д-ра Г. Й. Рамстедта за 1903 год // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1904. № 2 (март). С. 11–14.
- Райт 2015 — *Райт А. Г.* История села Цюрих. 1767–1941. М.: Фонд «Цюрих-Зоркино», 2015. 717 с.
- Рейфман 2007 — *Рейфман П.* История русской, советской и постсоветской цензуры. Электронный курс лекций. Тарту, 2007. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/reifm/index.php (также на сайте автора: <http://reifman.ru/>).
- Родионов 1995 — *Родионов А. В.* Колония Сарепта // Колония Сарепта и немцы Поволжья в истории России»: сб. тезисов по материалам науч. конф. (г. Волгоград, 2–4 сентября 1995 г.) / редкол.: Б. Ф. Железчиков (отв. ред.), Е. В. Хрипунов, В. Н. Медведев. Волгоград: МЗ «Старая Сарепта», 1995. С. 40–41.
- Романова 2015 — *Романова Н. М.* Рец.: Иванова Н. И. Путеводитель по немецким колониям Санкт-Петербургской губернии. СПб.: Нестор-История, 2015. 368 с. // Историческая экспертиза. 2015. № 4(5). С. 83–90.
- Российские немцы 2021 — Российские немцы / отв. ред. Т. Б. Смирнова, В. А. Тишков; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. М.: Наука, 2021. 719 с.
- Российские немцы 2004 — Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Саратов, 14–19 сентября 2004 г.) / под ред. А. А. Германа. М.: МСНК-Пресс, 2004. 358 с.

- Россия и Германия 2023 — Россия и Германия в судьбах российских историков. К 90-летию со дня рождения профессора ЛГПУ Александра Ивановича Борозняка: Материалы Международной научной конференции (г. Липецк, 3 февраля 2023 г.). Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. 301 с.
- Сабуров 1835 — *Сабуров Я. И.* Поездка в Саратов, Астрахань и на Кавказ / Соч. Я. Сабурова. М.: [б. и.], 1835. 56 с.
- Салтыков 1827 — *Салтыков А. В.* Записки путешественника в Сарепту (Журнал графа С-ва) // Памятник отечественных муз, изданный на 1827 год, Борисом Федоровым. СПб.: Тип. А. Смирдина, 1827. С. 47–80.
- Сарбаш 2018 — *Сарбаш Л. Н.* Немецкий мир в волжском травелоге XIX в. // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2018. № 4(100). С. 88–96.
- Сарбаш 2016 — *Сарбаш Л. Н.* Образ Сарепты в «Путешествии в полуденную Россию» В. В. Измайлова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6. Ч. 2. С. 25–28.
- Сарепта 2012 — Сарепта: история успеха: история гернгутской колонии Сарепта от ее основания до превращения в волостной центр Саратовской губернии / А. В. Курьшев, С. Н. Лосицкий, А. А. Максимов, В. Н. Медведев; науч. ред. И. О. Тюменцев. Волгоград: Издатель, 2012. 272 с.
- Саряева 2013 — *Саряева Р. Г.* Освещение депортации поволжских немцев в периодической печати Калмыкии // Репрессированные народы: история и современность: мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). Ч. II. Элиста: КГУ, 2013. С. 125–131.
- Саряева 2015 — *Саряева Р. Г.* Немцы Калмыкии: история и судьба этноса в печатных СМИ Калмыкии. Элиста: Изд-во КГУ, 2015. 87 с.
- Саряева 2016 — *Саряева Р. Г.* Миграция российских немцев: Калмыкия — новая родина // Великие евразийские миграции: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Элиста, 11–14 октября 2016 г.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2016. С. 415–424.
- Саряева 2022 — *Саряева Р. Г.* Немцы Калмыкии: вехи истории — вехи судьбы // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 4. С. 708–730. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-708-730
- Саряева 2023 — *Саряева Р. Г.* Немцы Калмыкии: к истории этнической группы в фокусе переписей населения // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 6. С. 1473–1495. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1473-1495
- Саряева 2024 — *Саряева Р. Г.* «Неоспоримое и вечно потомственное владение землями, под Сарептскую колонию отведенными»:

- поселение немцев-гернгутеров в Калмыцкой степи // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 6. С. 1209–1227. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1209-1227
- Сергеев 1914 — *Сергеев И. И.* Мирное завоевание России немцами: доклад, прочитанный в чрезвычайном общем собрании г.г. членов «Общества 1914 года» 13 марта 1915 г.) / издание Общества 1914 г. (Борьбы с немецким засильем). Петроград: Типо-лит. Н. И. Евстифеева, 1915. 68 с.
- Силантьева 2015 — *Силантьева О. Ю.* Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН, общественная организация) // Энциклопедия немцев России. RusDeutsch (информационный портал российских немцев). URL: <https://enc.rusdeutsch.ru/articles/5768> (дата обращения: 15.10.2022).
- Словарь 1975 — Словарь русских донских говоров: в 3 т. / авт.-сост.: З. В. Валюсинская и др.; отв. ред. В. С. Овчинникова. Т. 1: А–З. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1975. 180 с.
- Стручалин, Смирнова 2015 — *Стручалин П. И., Смирнова Н. А.* Межкультурное взаимодействие в процессе хозяйственного освоения Нижневолжского региона // Труд и социальные отношения. Т. 25. №5. 2015. С. 33–43.
- Так это было 1993 — Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. В 3-х томах / ред.-сост. С. У. Алиева; Рос. Междунар. фонд культуры. М.: Инсан, 1993. Т. 2. 336 с.
- Твалчрелидзе 1991 — Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях / сост. А. И. Твалчрелидзе; Сов. фонд культуры, Ставроп. краев. отделение. Репр. изд. 1897 г. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. 750 с.
- Твалчрелидзе 1886 — *Твалчрелидзе А.* Колонии меннонитов Вольдемфирст и Александерфельд, Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Изд. Управления Кавказского учебного округа. Вып. 5. Тифлис: Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1886. 548 с.
- Туманова 2015 — *Туманова А. С.* «Немецкое засилье» и борьба с ним в России в годы Первой мировой войны // Неприкосновенный запас (НЗ). 2015. № 5. С. 190–210.
- Убушаев 1992 — *Убушаев В. Б.* О депортации немецкого населения Калмыкии // Репрессированные народы: история и современность:

- Тезисы докладов и сообщений Рос. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 28–29 мая 1992 г.). Элиста: Калм. гос. ун-т, 1992. С. 37–38.
- Убушаев 2001 — *Убушаев В. Б.* Немцы в Калмыкии: от добровольного переселения к насильственной депортации // Динамика ценностных и культурных ориентаций народов Калмыкии. Элиста: КГУ, 2001. С. 173–176.
- Усанова 1993 — *Усанова Н. А.* Немецкая советская автономия: создание, упразднение и проблемы восстановления // Репрессированные народы: упразднение государственности и проблемы реабилитации. Тезисы докладов и сообщений Российской научно-практической конференции (г. Элиста, 26–27 декабря 1993 г.). Элиста: КГУ, 1993. С. 40–41.
- Ученые 2006 — Ученые — исследователи Калмыкии (XVII – начало XX вв.). Биобиблиографический указатель / сост., предисл. П. Э. Алексеевой, Л. Ю. Ланцановой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 251 с.
- Ушаков 1939 — *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1939. Т. 3. 1424 стб. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=80095> (дата обращения: 20.01.2023).
- Фасмер 1971 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. III: Муза–Сят. М.: Прогресс, 1971. 827 с.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: КалмГУ, 2007. 462 с.
- Чеботарева 1992 — *Чеботарева В. Г.* Российские немцы: от политического самоопределения до национальной катастрофы // Репрессированные народы: история и современность: Тезисы докладов и сообщений Российской науч.-практ. конф. (г. Элиста, 28–29 мая 1992 г.). Элиста: КГУ, 1992. С. 16–19.
- Чеботарева 2009 — *Чеботарева В. Г.* Немцы Союза ССР. Драма великих потрясений 1922–1939 гг.: архивные документы, комментарии / Общ. акад. наук российских немцев; [В. Г. Чеботарева]. М.: [б. и.], 2009. 751 с.
- Чекменев 1971 — *Чекменев С. А.* Иностранцы поселения на Ставрополье в конце XVIII и в первой половине XIX вв. // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 12–13. Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1971. С. 243–253.

- Черказьянова 2004а — *Черказьянова И. В.* Школьное образование российских немцев: (проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII–XX вв.). СПб.: Общ. акад. наук рос. немцев; Изд.-полиграф. центр СПбГУТД, 2004. 366 с.
- Черказьянова 2004б — *Черказьянова И. В.* Немецкая национальная школа в России: исторический опыт функционирования // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Саратов, 14–19 сентября 2004 г.) / под ред. А. А. Германа. М.: МСНК-Пресс, 2004. С. 8–28.
- Черказьянова 2011 — *Черказьянова И. В.* Депортация немцев из Ленинграда и Ленинградской области // «Выселить с треском»: очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев: Сб. науч. ст. и воспом. / под ред. А. А. Германа и О. Ю. Силантьевой. М.: МСНК-пресс, 2011. С. 215–241.
- Черказьянова 2021 — *Черказьянова И. В.* Немецкие колонисты в пореформенный период. Подготовка и проведение колонистской реформы 1871 г. // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2021. № 2 (10). С. 6–20.
- Чернова 1999 — *Чернова Т.* Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР. Обзор отечественной историографии // Наказанный народ: репрессии против советских немцев в контексте советской национальной политики: материалы конференции (г. Москва, 18–19 ноября 1998 г.). М.: Звенья, 1999. С. 261–278. (см. также: <http://www.memo.ru/history/nem/Chapter7.htm>).
- Чернова 2001 — *Чернова Т. Н.* Российские немцы. Отечественная библиография 1991–2000 гг. Указатель новейшей литературы по истории и культуре немцев. М.: Готика, 2001. 270 с.
- Чернова 2004 — *Чернова Т. Н.* К истории первых немецких поселений на Северном Кавказе // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2004. № 4. С. 157–162.
- Чернова 2009 — *Чернова Т.* Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР. Обзор отечественной историографии // Наказанный народ: репрессии против советских немцев. М.: Звенья, 1999. С. 261–278. (см. также: <http://www.memo.ru/history/nem/Chapter7.htm>).
- Чернова-Дёке 2022 — *Чернова-Дёке Т. Н.* Автономистское движение немцев в Закавказье (1917–1918) // Ежегодник Международной ассоциации

- исследователей истории и культуры российских немцев. 2022. № 1 (11). С. 16–24
- Черных 2020 — *Черных А. В.* Этнографическое изучение немецкого населения в регионах Урала в начале XXI в.: проекты, итоги и перспективы // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2020. № 2(8). С. 170–178.
- Шайдуров 1999 — *Шайдуров В.* Российские немцы: трагедия одного народа // Наказанный народ: репрессии против советских немцев в контексте советской национальной политики: материалы конференции (г. Москва, 18–19 ноября 1998 г.). М.: Звенья, 1999. С. 9–17.
- Шепталин 2020 — *Шепталин А. А.* Немцы в Удмуртии: история и современность = Deutsche in Udmurtien. Geschichte und Gegenwart. Ижевск: Видергебурт, 2020. 328 с.
- Шибает 1930 — *Шибает В. П.* Этнический состав населения Европейской части Союза ССР / В. П. Шибает; Акад. наук СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 298 с. (Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран; 20).
- Шишкина 2004 — *Шишкина Е. М.* Традиционная музыкальная культура немцев Поволжья и проблемы этнической идентичности в современных условиях // Российские немцы в инациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: материалы междунар. науч. конф. (г. Саратов, 14–19 сентября 2004 г.) / под ред. А. А. Германа. М.: МСНК-Пресс, 2004. С. 154–170.
- Широкова 2006 — *Широкова В. А.* Пресные и минеральные воды Сарепты // Природа. 2006. № 8. С. 31–36.
- Шлегель 2022 — *Шлегель Е. А.* Немцы России и немцы Казахстана: рефлексия об этнической идентичности // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2022. № 1 (11). С. 114–122.
- Шмидт 1832 — *Шмидт Я. И.* Грамматика монгольского языка / пер. с нем. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1832. 184 с.
- Шмидт 1835 — *Шмидт Я. И.* Монгольско-немецко-русский словарь с присовокуплением немецкого и русского алфавитных списков, составленный Я. Шмидтом, ... доктором философии, действительным членом Академии наук. СПб.: Импер. Акад. наук, 1835. 616 с.
- Шмидт 1843 — *Шмидт Я. И.* Тибетско-русский словарь, с присовокуплением алфавитного списка, составленный Я. Шмидтом. СПб.: Акад. наук, 1843. 765 с.

- Шнайдер, Ктиторов 2012 — *Шнайдер В. Г., Ктиторов С. Н.* Немцы Армавира. Армавир: Полиграф. предприятие им. Г. Скорины, 2012. 680 с.
- Штах 1916 — *Штах Я.* Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1916. 266 с.
- Штранд 1926 — *Штранд Л.* Как ведут свое хозяйство немцы Поволжья / под ред. Д. Шмидта. М.; Л.: Госиздат, 1926. 43 с.
- Энциклопедический словарь 1898 — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / под ред. проф. И. Е. Андреевского. 1890–1907. Т. 24а(48): Полярныя сияния – Прая. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 476–958 с.
- Юракова 2010 — *Юракова О. В.* Немецкие и греческие поселенцы на Северо-Западном Кавказе: сравнительно-исторический анализ (середина XIX в. – 1917 г.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010. 21 с.
- Язык и культура 1998 — Язык и культура российских немцев = *Sprache und Kultur der Russlanddeutschen*: сб. науч. тр. / М-во образования РФ, Пед. ин-т Сарат. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Саратов: Изд-во Сарат. пед. ун-та; Эссен, 1998. 198 с.
- Eisfeld 1999 — *Eisfeld Alfred.* Die Russlanddeutschen: 2., erweiterte und aktualisierte Auflage. Band 2. Erste Auflage vom 1992. München: Langen Müller, 1999. 252 S.
- Eisfeld 2003 — *Eisfeld A.* Die Aussiedlung der Deutschen aus der Wolgarepublik, 1941–1957. München: Osteuropa-Institut München, 2003. 70 S.
- Fleischhauer 1982 — *Fleischhauer I.* Unternehmen Barbarossa und die Zwangsumsiedlung der Deutschen in der UdSSR // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte (Heft 2), 1982. S. 299–321.
- Fleischhauer 1983 — *Fleischhauer I.* Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion (Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, Bd. 46). Stuttgart: DVA, 1983. 257 S.
- Fleischhauer 1986 — *Fleischhauer Ingeborg.* Die Deutschen im Zarenreich. Zwei Jahrhunderte deutsch-russische Kulturgemeinschaft. Stuttgart: DVA. 1986. 671 S.
- Glitsch 1865 — *Glitsch A.* Geschichte der Brüdergemeine Sarepta im Östlichen Russland während ihres hundertjährigen Bestehens. Niesky: Verlag von A. Glitsch, 1865. 400 S. (= Глич А. История братской общины Сарепта в Восточной России в течение её столетнего существования. Ниски: Изд-во А. Глича, 1865. 400 с.) / рукопис. пер. с нем. Л. М. Донской 1992 г. хранится в: Архив Историко-этнографического и

- архитектурного музея-заповедника «Старая Сарепта» (ИЭиА МЗСС).
Ф. 3. № 6342. НК. ОФ. I, V. 390 с.
- Hafa 1936 — *Hafa H.* Die Brüdergemeine Sarepta. Ein Beitrag zur Geschichte des Wolgadeutschtums von Dr. phil. Herwig Hafa. Breslau: Verlag Priebsch's Buchhandlung, 1936. 216 S. / рукопис. пер. с нем. О. В. Зайончковской хранится в: Архив ГБУК ИЭиА МЗСС Ф. 3. № 14900. ОФ. V НК.
- Klötzel 1999 — *Klötzel L.* Die Russlanddeutschen zwischen Autonomie und Auswanderung: Die Geschicke einer nationalen Minderheit vor dem Hintergrund des wechselhaften deutsche-sowjetischen/russischen Verhältnisses. Hamburg: Lit Verlag, 1999. 350 S.
- Mater 2008 — *Mater Edmund.* Autorenlexikon der Russlanddeutschen: в 4 тт. Lage: Lichtzeichen Verlag, 2008. Т. 1: 628 с.; Т. 2: 626 с.; Т. 3: 589 с.; Т. 4: 628 с.
- Pinkus 1982 — *Pinkus B.* Die Deutschen in der Sowjetunion beim Ausbruch des Zweiten Weltkrieges // Heimatbuch der Deutschen aus Russland 1973–1981 / bearbeitet von E. Markstädter, Dr. M. Hagin und R. Keil. Stuttgart: Landsmannschaft der Deutschen aus Russland, 1982. S. 9–19.
- Pinkus, Fleischhauer 1987 — *Pinkus B., Fleischhauer I.* Die Deutschen in der Sowjetunion: Geschichte einer nationalen Minderheit im 20. Jahrhundert / bearb. u. hrsg. von K.-H. Ruffmann. 1. Aufl. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1987. 599 S. (Osteuropa und der internationale Kommunismus. Bd. 17).
- Ramstedt 1978 — *Ramstedt G. J.* My Trips to the Land of the Kalmyks (= Мои поездки в земли калмыков) // *Ramstedt G. J. Seven Journeys Eastward, 1898–1912: Among the Cheremis, Kalmyks, Mongols and in Turkestan and to Afghanistan (English, Finnish and Swedish Edition).* Bloomington: Mongolia Society, 1978. 277 p. / transl. by J. R. Krueger (пер. главы на рус. яз. К. У. Манджиевой в 1991 г., хранится в НБ КалмНЦ РАН). С. 102–126.
- Saryaeva 2009 — *Saryaeva R.* Die Russlanddeutschen in Kalmückien: Geschichte und Schicksal der Ethnie in den Printmedien Kalmückiens [электронный ресурс] // FH Magdeburg-Stendal, 2009. URL: <https://dlc.library.columbia.edu/catalog/ldpd:514576/bytestreams/content/content?download=true>;
https://books.google.ru/books/about/Die_Russlanddeutschen_in_Kalm%C3%BCckien_Ges.html?id=anbomgEACAAJ&hl=en&output=html_text&redir_esc=y (дата обращения: 5.01.2022).
- Schiller 1927 — *Schiller F. P.* Literatur zur Geschichte und Volkskunde der deutschen Kolonien in der Sowjetunion für die Jahre 1764–1926

- [электронный ресурс] // Pokrowsk: In Kommission des Deutschen Staatsverlags der ASSRR der Wolgadeutschen, 1927. 66 S. URL: http://wolgadeutsche.net/bibliothek/Bibliografie_Schiller.htm (дата обращения: 20.11.2020).
- Schippan, Striegnitz 1992 — *Schippan Michael, Striegnitz Sonja*. Wolgadeutsche. Geschichte und Gegenwart. Berlin: Dietz Verl., GmbH. 1992. 240 S.
- Deportation, Sondersiedlung 1996 — Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee. Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956 / Hrsg. A. Eisfeld und V. Herdt. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1996. 555 S.
- Stumpp 1981 — *Stumpp K.* Die Russlanddeutschen, zweihundert Jahre unterwegs. Stuttgart: Verl. Landsmannschaft d. Dt. aus Russland, 1981. 142 S.
- Suter 2003 — *Suter Ch.* Geschichte des Etablissements der Evangelischen Brüder zu Sarepta in dem (damals) Astrachanischen Gouvernement 1765–1775 // Beiheft der «Unitas Fratrum», 8 / bearbeitet und hrsg. von Otto Teigeler. Herrnhut, 2003. S. 1–49 (= Зутер Х. История основания евангельского братского общества в Сарепте (тогдашней) Астраханской губернии, 1765–1775 // Архив ИЭиА МЗСС. Ф. 3. № 3146(2). НВФ / рукопис. пер. с нем. О. В. Зайончковской).
- Reise von Sarepta 1827 — Reise von Sarepta in verschiedene Kalmücken Horden des Astrachanischen Gouvernements im Jahr 1823 vom 26-ten Maj bis 21-ten August neuen Stils in Angelegenheiten der Russischen Bibel-Gesellschaft unternommen von H. A. Zwick und J. G. Schill und von ersterem beschrieben. Leipzig: P. G. Rummer, 1827. 177 S.
- Zwick 1851 — Gram(m)atik der West-Mongolischen, das ist Oirad oder Kalmükischen Sprache von H. A. Zwick. Königsfeld, 1851. 148 S. (рукопись)
- Zwick 1853 — *Zwick H. A.* Handbuch der Westmongolischen Sprache. Villingen, Schwarzwald: Druck von Ferd, 1853. 481 S.